

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**1
2010**

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метатеоретический уровень социологической науки Быстрянец С.Б.	5
Образ жизни – вчера и сегодня (теоретико-методологические основы анализа) Возьмитель А.А., Осадчая Г.И.	12
Угроза и политика нераспространения ядерного оружия Смирнова А.Г.	30

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Конъюнктурные модели экономического поведения Верховин В.И.	48
Роль социальных сетей в регуляции отношений на рынке труда Соколова Г.Н.	59
Флуктуации хозяйственной жизни: функция и субъект Томилов В.А.	73

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Сравнение исторической динамики России и Европы Афанасьев В. В.	81
Концепция «догоняющего развития» Кравченко А.И.	93
Техногенное общество и природа в процессах глобализации Дергачёва Е.А.	108

ЭКОЛОГИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Информационное обеспечение экологической безопасности Цогоева Ф.Б.	117
Гуманистическое государственное региональное управление (на примере Сахалинской области) Бурыкин А.Н.	125
Интеграция детей с инвалидностью в общество Жигунова Г.В.	135
Выявление социальных стереотипов в практиках просмотра художественных фильмов Ковалев В.В.	143
Регион как сеть пространственных отношений (на примере Волгоградской области) Лысенко Г.В.	156

Проблема ужаса глазами разных поколений Хвостов А. А.	165
---	-----

ДЕБЮТ

Основные направления предотвращения перехода ключевых сотрудников ресторанного бизнеса к конкурентам Дворянкова К.М.	170
Лоббизм как легальная альтернатива коррупции или ее прямой конкурент? Исправникова Н.Р., Тихонов А.Н.	179
Механизмы возникновения политического терроризма Бахтеева А.Р.	187
Информационно-коммуникативная политика компаний: сравнительный анализ Климова О.Ю.	193

БАЗА ТЕЗИСОВ-ПРИЗЕРОВ

Особенности изучения стиля жизни в контексте социологического анализа Носарева Ю.М.	199
Проблема содержания понятия «качество жизни» и его измерения: субъективный и объективный подходы Ведерникова А.А.	201
Роль национально-культурных общин и этнических сетей в адаптации трудовых мигрантов (по материалам Республики Татарстан) Сагдиева Э.А.	204
Новые методы проведения продаж и построения маркетинговых коммуникаций, применяемые в сфере B2B Максатова Т.С.	206
Коммуникативные средства разжигания вражды в обществе на примере грузино-осетинского конфликта в августе 2008 г. Барихина М.А., Шустер О.В.	209
Отношения между социальными позициями в байкерской субкультуре Гаук А. В.	211
Российский дауншифтинг Семко С.В.	214
Внедрение антикризисной PR-технологии на примере Пензенской области Янборисова Э.Р.	216
Религиозный фактор в обеспечении социально-политической безопасности на Юге России Аникеева А.В.	219

Глобальный кризис как результат флуктуации экономических условий Вершинина И.А.	221
Изучение влияния СМИ на формирование общественного мнения в условиях “международной анархии” на примере Центральной Европы Григорьев А.В.	223
Органы власти в региональном медийном пространстве России и Германии: сравнительный анализ Демушина О.Н.	225
Роль государства и общества в формировании основ гражданского общества Заец Е.Н.	228
Роль государственного управления в оптимизации социальной структуры общества Куликова Н.А.	231
Управление рисками организации как категория социологии управления Ромченко Е.Д.	234
Оценка уровня социально-политического благополучия региона Симонов А.А.	237
Возможности институциональной поддержки толерантных социальных практик Хижняк А.В.	240
Наши авторы	243

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метатеоретический уровень социологической науки

Быстрянец С.Б.

Серьёзная проработка метатеории социологии и обучение методологическим основам составляют важнейшую часть подготовки социолога. Важнейшую роль в создании метатеории играет философия, которая отвечает за мировоззрение и методологию, реконструктивную логику и прикладную логику.

Ключевые слова: логический позитивизм, верификация, социальная инженерия, проектирование, метатеория, конкретизация.

Bystrjantsev S.B.

Metatheoretical level of a sociological science

Serious study of a metatheory of sociology and training to methodological bases make the major part of preparation of the sociologist. The major role in metatheory creation is played by philosophy which is responsible for outlook and methodology, the reconstructive logic and the applied logic.
Keywords: logic positivism, verification, social engineering, designing, a metatheory, a concrete definition.

Одной из основных предпосылок появления социологии была идея о том, что факты, знание закономерностей, знание технологических приемов решения проблем, добытые наукой, могут быть использованы для улучшения отношений между людьми. Утилитарная, прикладная направленность социологии – одна из существенных черт позитивного метода О.Конта. Именно этим его привлекали естественные науки. К.Маркс назвал свою социалистическую социальную теорию «научной» в противоположность другим социалистическим теориям, которые называл «утопическими». В.Парето предлагал внедрить в социальные исследования «логико-экспериментальный метод».

И сейчас среди современных социологов нет серьёзных возражений и отступлений от этой позиции. Активно обсуждаются такие доктрины, как логический позитивизм с акцентом на процедуры верификации, социальная инженерия и проектирование.

Было время, когда в общественной практике и размышлениях об обществе доминировала методологическая схема познания Аристотеля. Несомненно, Аристотель предшественник О.Конта, оттолкнувшегося от аксиомы «человек животное общественное». Знание о чем-либо есть результат упорядоченного восприятия и опыта. Разделение на роды и виды – прием классификации, стал основополагающим в науке. Детерминизм как методологический принцип также занимает существенное место в трудах древнегреческого философа. Аристотель, несомненно, является предшественником и естественных, и общественно-политических наук. Но он же воздвиг серьезнейший барьер на пути развития научного познания в период трудах формирования научных методологий.

Чтобы получить представление о некой вещи или явлении, например, общественной жизни нужно объяснить, как оно функционирует, движется, из чего или кого состоит. Но не только. Нужно выявить присущую ему цель или смысл, причём объяснить не только «что это есть такое» или «чему он подобен», но и «что вызвало его» и «для чего оно». Все вещи и явления обладают, по мысли Аристотеля, возможностью становления, развития и целью, конечной причиной. И, конечно, это самая важная часть исследования. Далее следовали только логически непротиворечивые суждения, главным образом дедуктивного характера.

Это и есть те самые «теологические» и «метафизические» конечные причины и сущности, недоступные человеческому разуму, существующие только в воображении, от которых только в начале XIX века предлагает отказаться О.Конт. Простое исследование законов, то есть « постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями», как признак позитивной, реальной, научной стадии – это преодоление аристотелизма. Естественные науки преодолевают его в рамках «коперниканской революции», общественные науки, строго говоря, только в «Правилах социологического метода» Э.Дюркгейма.

Исследовательский поиск Аристотеля вызывает уважение, и сыграл огромную роль, однако не научен, так как опирается на представления (неизбежно субъективное представление) о начале, причине и замысле, конечной цели. Для современной науки более характерна эмпирическая направленность. И даже более того, Аристотель, наверное, также как все философы ищет истину. Причём истину окончательную, истину, известную богам. Современный ученый не рассматривает свою деятельность как поиск абсолютной и окончательной истины. Важнейшая черта научного знания – открытость, незавершенность, ориентированность на относительность. Фактически цель науки состоит в создании теорий, имеющих высокую степень информативности и малую вероятность истинности. Ведь, чем больше массив информации, тем выше вероятность самых разнообразных, в том числе и ошибочных суждений. Однако только такие суждения будут иметь какую-либо ценность. Легко найти утверждение, которое трудно опровергнуть. Напри-

мер, «трудовая деятельность связана с удовлетворением потребностей людей». Но банальные суждения бедны информативным содержанием, и в них трудно усмотреть практическую пользу.

Современная ситуация в науке не предполагает обязательного присутствия фигуры философа как ранее. До появления познания научного типа философия указывала не только правильные цель, но и правильные пути познания. Дедуктивные или индуктивные приемы освящались философией как приемлемые или отвергались.

Теперь философы потеряли руководящую роль в исследованиях. Наоборот, философы обращаются к эффективным исследованиям ученых, предсказавшим развитие событий или удачно скорректировавшим предшествующие законы и теории, чтобы осмыслить, какие приемы и методы действительно функциональны, действительно работают. Философия всё более приобретает научную форму и вид. Это хорошо продемонстрировано в работе Джона Роллса «Теория справедливости» (1971), где исследовались проблемы политической философии и место её в современных политических исследованиях. Вывод Роллса: философия методологически слабее вооружена, нежели экономические и политические науки. Социальные науки должны порвать с философией. Современная общественная наука, даже такая близкая к аксиологии как политическая, не имеет ничего общего с классической философией и методологиями, разработанными философией.

Каждая научная дисциплина интуитивно или рационально приходит к особенной специфической метатеории. В социологии эти проблемы сконцентрированы в рамках

прикладной социологии, основной функцией которой стали основные закономерности приложения общесоциологических законов и концепций в конкретных исследованиях. В таком качестве метатеория социологии широко используется и другими общественными дисциплинами, исполняя роль методологического основания для исследований, для получения нового эмпирического знания, для включения этого знания в поле науки, выполняя ту самую функцию, которая ранее отправляли философы.

Основная процедура, продуктом которой является метатеория, есть процедура конкретизации. Континуумом конкретизации можно считать интеллектуальные операции, переводящие информацию, полученную в результате общественной практики, изучения общественного мнения или эксперимента, в научное знание.

Методология эмпирической науки, (видимо, можно даже говорить о философии эмпирической науки), не нуждаясь более в руководстве извне, перестала быть в основном нормативной дисциплиной. Это диктовалось эмпирической ориентированностью социальной науки. Пересечение между философией науки и историй эмпирической науки неизбежно. Философу науки необходимо хорошо знать теорию и методы исследования науки, которую он изучает.

Ситуация, с которой сталкивается методолог, специализирующийся в рамках социальных наук, иная. В социальных науках невозможно получить однозначный и безусловный ответ на такой простой вопрос. Какие методы, безусловно, «естественно» ведут социолога к удачному решению или даже к открытию. На такой вопрос философ может получить удовлетворительный и достаточно

определенный ответ от химика или биолога, но не от социального исследователя. Отчасти это результат того, что в социологии очень мало методов, безусловно, признаваемых всеми успешными, не оспоренных и неоспариваемых в своих сущностных аспектах. Социальная материя многогранна и не допускает однонаправленности. Отчасти это потому, что формы доказательства, связанные со здравым смыслом и кажущиеся наиболее естественными обманчивы и ведут к неверным трактовкам. Но важнее всего то, что основатели социологии, социологи классической школы были учеными и, подчиняясь научной моде, ориентировали свои работы на те или иные парадигмы более продвинутых естественных наук.

О проблеме методов, используемых социологами, многое можно сказать, анализируя историю социологии, сравнивая различные социологические модели. Чаще всего эти модели заимствованы из общенаучной практики, то есть носят позитивистский характер.

Основных моделей научного исследования такого типа в социологии три. Первая связывает науку главным образом с классификацией, вторая ориентируется на поиск законов и закономерностей, третья пытается фиксировать причинно-следственные связи и результаты этих связей.

Современная социология автономна и независима и главную роль в становлении этой автономии сыграла, конечно, методология, оформившаяся в метатеоретическую часть науки. История появления науки по существу совпадает с историей кристаллизации и автономизации научных методологий на метатеоретическом уровне. Характерно, что история социологии совпадает с историей методологичес-

ких школ. Надо заметить, что это характерно не только для социологии или какой-либо другой отдельной научной дисциплины, а для всех наук вместе взятых. Хотя среди общественных дисциплин именно социология выделяется своей методологической оформленностью. Разумеется, методология отдельной дисциплины включает в свою структуру в качестве составной части онтологическое представление о предмете исследования. Исследование макро или микро процессов и явлений в физическом, органическом, социальном мире проводится с использованием различных орудий и приемов. Но ученые всегда, а в настоящее время всё активнее, заимствуют методы, приемы и процедуры своих коллег. В процессе поиска научной истины никогда не было, и нет жестко очерченных методологических границ. Каждый ученый использует те методы, идеи, законы, данные, модели, теории или приемы объяснения, которые придают его исследованиям результативность, независимо от дисциплинарной принадлежности. В свою очередь, он должен быть готов поделиться своими достижениями со своими коллегами. В этом смысле научный поиск носит коллективный характер.

Такая коллективность, зачастую сталкивающая специалистов разных научных дисциплин, ни в коем случае не отменяет принципа автономии какой-то конкретной науки. Этот принцип не предполагает, что каждый ученый в своем творчестве абсолютно свободен и не подотчетен кому-либо. В каждой дисциплине на основе представления о предмете и предметном ряде складываются некие стандарты профессиональной компетенции, которые и стараются не преступать специалисты. Суще-

ствуют определенные правила интерпретации опросов общественного мнения среди социологов, определенные правила проведения археологических раскопок, принципы исторического анализа, требования к работе с архивными документами и так далее. Как подходить к изучению тех или иных ситуаций, ставить эксперименты, выдвигать гипотезы, теории – всё это процедуры (которые и составляют деятельность, называемую научной) требующие выполнения определенных условий и принятые в среде профессионалов.

Часто правила проведения этих процедур четко не зафиксированы, более того в разных дисциплинах в разные периоды становления научных дисциплин они могут различаться. Но должны быть правила определены и твердо выполнимые. Например, социология в России в течение последних двух десятков лет переживала период становления, и зафиксировать какие-либо нормативы к выдвиганию и опровержению социологических концепций и гипотез, к формулировке социологических законов и их доказательству было невозможно. Более того, это могло стать серьезным препятствием в развитии науки. В настоящее время накоплено достаточно материала, чтобы обсуждать и эти проблемы без ущерба для становления российской социологии. Чтобы не раствориться в проблематике других гуманитарных и общественных дисциплин, чтобы сохранить и закрепить лидирующую методологическую роль социологии должна обозначить, то есть конкретизировать формы представления научного продукта на любых этапах исследования. Такая конкретизация – составная часть становления, автономизации науки и деятельности профессионалов.

Принцип автономности научной дисциплины не противоречит ведущей роли общественной практики. Скорее придает ей вес, авторитет и самостоятельность самой науки. Стандарты, формирующие научное исследование и в какой-то степени управляющие процессом проведения научного исследования, на любой его стадии сами могут быть подвергнуты процедурам проверки и опровержения. Важно, что принцип автономии науки защищает её цельность и чистоту от посягательств иных социальных инициатив.

Теология, метафизика, мораль, идеология и политика в целом – все они оказывали неоднозначное, часто репрессивное влияние на развитие наук, особенно общественных. В учебниках по истории философии зафиксирована и задокументирована история войны между наукой и теологией. Мы изучаем как Коперник, Галилей, Гарвей, Дарвин и многие другие ученые отстаивали независимость естественных наук от теологии. А вот общественные науки во многом всё ещё подвержены влиянию, если не управлению со стороны богословия. Например, проблемы роста населения – бурного роста или наоборот сдерживания рождаемости, запрещение или введение смертной казни, наркомания, предотвращение или санация вооруженных конфликтов. Католическая церковь в Европе и православная церковь в России, невзирая на принципы секуляризации, высказывают своё мнение по различным общественным вопросам, оказывая противодействие или поддерживая те или иные общественные проекты.

Между наукой и философией, невзирая на реальную автономию науки, существует значительная область пересечения. Это логика и её законы. Один из философов

заметил, что даже Бог не может нарушать законы логики и, несомненно, наука им тоже следует. В частности, социологическое знание основано на логически приемлемых свидетельствах. В формирующейся метатеории социологии, распространяющейся и на другие общественные дисциплины, присутствует проблема нормативного принуждения логики в отношении социальной науки. Является ли логика и её практическая разработка «методология» нормативным основанием для научных исследований?

Витгенштейн в своих философских исследованиях пишет о логике как о «нормативной науке». И замечает, что в философии часто сравнивают употребление слов с играми, вычислениями по строгим правилам, но употребляющий данный язык может играть в самые разные игры.

Не случайно во введении к своей работе «Логика, теория исследования» Дж. Дьюи принципиально отказался от предлога «и». По его мнению, логика – это не что иное, как теория исследования. Наверное, позиция Дьюи здесь слишком радикальна, но верно, что формальная логика содержательно пуста. Истины формальной логики неоспоримы, как и истины математики. Она всегда остается правильной формой, но не может быть истиной. И, исходя из анализа современного состояния общественных дисциплин, в том числе социологии, был бы неверен вывод о том, что формальная логика обязательный элемент методологии науки. Для современной социологии логика – только предсылка к логике научного поиска.

Многое зависит от точки зрения на науку. Учитывать ли, прежде всего результат исследования и программу исследования считать удачной в зависимости от

результата или характер процесса научного исследования, соответствие его нормам и формам логических рассуждений важнее. Мнение о значительности выводов, изложенных в отчете об исследовании, может значительно отличаться от отзыва о проведении исследования. Современная российская и зарубежная социология в большей степени ориентирована на первую точку зрения, на программу и результат. Это, кстати, больше соответствует прикладной ориентированности социологии.

Мне не кажется устаревшим подход Джона Стюарта Милля, который критикуется в переведенной на русский язык и широко известной работе Питера Уинча «Идея социальной науки». Милль отводил логике и философии в целом довольно скромное место. Логика – это дисциплина, которая изучает операции человеческого понимания в процессе поиска истины. Современный социолог мог бы добавить, что искать следует ещё и приемлемые объяснение, предсказания и формы мониторинга социального процесса. То есть логика рассматривает «действия, связанные с человеческим пониманием» при решении общественных проблем. Только нам не надо связывать себя заранее никакими монистическими, единичными представлениями о том, что должно представлять собой искомое решение.

Логика рассматривает исследовательские процедуры оценочно. Неважно, в какое время, при каких обстоятельствах и какими людьми они осуществляются. Важно будут ли эти процедуры эффективны для исследовательского поиска. Логика ориентирована именно на это. Существует и не оценочное значение термина «логика», которое встречается во фразах типа «логика бессознатель-

ного» или «логика развития социального института». В этом случае, видимо, можно говорить об уместности или эффективности применения когнитивного стиля в том или ином случае. Иными словами, здесь логика относится к тому, что делают ученые, когда они добиваются успехов как ученые.

Конечно, заявление психологов или экономистов, а также социологов, о том, что они используют свою специфическую логику, можно рассматривать как несколько смелое. Однако в рамках прикладной социологии в связи с огромным массивом информации и опыта, полученных в процессе многочисленных социологических, маркетинговых, экономических, политических и иных исследований, проведенных в течение последних полутора десятков лет в России, накопился материал, достаточный для методологических обобщений. Такого типа обобщения, связанные с практическим применением формально логических приемов, делаются в основном в рамках социологии и распространяются на другие общественно-политические и гуманитарные науки. Это как раз то, что можно назвать «прикладной логикой социологии». Социология, таким образом, берёт на себя функцию методологии гуманитарных дисциплин. В значительной степени мировоззрение осталось полем философии, а методология социальных исследований развивается как часть науки. Надо учесть, что мировоззрение и методология выполняют различные функции, ориентированные на две стороны познания: дескриптивную (описывающую) и прескриптивную (предписывающую). Мировоззрение, где царствует философия, дескриптивно. Это система взглядов на природу, общество и его составляющие принципы познания, знания о наи-

более общих связях и свойствах объективной действительности (научные законы), категории.

В отличие от мировоззренческих принципов принципы деятельности, т.е. методологические принципы, представляют собой наиболее общие предписания, указывающие, как следуют осуществлять практическую деятельность в нашем случае исследовательскую деятельность в социальной сфере. Разумеется, мировоззрение и методологию, реконструктивную логику и прикладную логику мы можем разделить только аналитически. Но надо отметить важность такого разделения для прогрессивного развития социологии. Методологические принципы вырабатываются чаще всего на основе мировоззренческих принципов. Это сюжет, часто обсуждаемый философами.

Науки, связанные с экономикой, психологией и, конечно, социология, сформировавшие значительные прикладные разделы всё же не могут в настоящий момент заявлять о существовании связанной с ними специфической логики, но массив практической логики они имеют значительный. Благодаря нему мы легко и достаточно определенно различаем экономические, психологические, социологические или другие специфические исследования в общественной сфере. А вот критика предметной специфической прикладной логики со стороны других предметно подготовленных методологов возможна и даже чрезвычайно плодотворна вследствие многоуровневости и всеобщей взаимосвязанности общественных явлений. Кроме того, этой критике требуются принципы позитивизма, ориентированные на существование единого научного метода и единые правила его применения.

Образ жизни – вчера и сегодня (теоретико-методологические основы анализа)

Возьмитель А.А., Осадчая Г.И.

В статье осуществлена реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни, отражающая динамику социальных процессов происходящих в стране; дано современное научное (в отличие идеологизированного или обыденного) понимание его сущности; процесса производства и воспроизводства им определенных общественных отношений, а также личностей соответствующих типов; сформулированы цели, конкретные задачи, предполагаемые результаты и методологические особенности сравнительного изучения повседневной жизни людей в России доперестроенной и современной.

Ключевые слова: образ жизни, способы и стили жизни, повседневная жизнь, социальные изменения, активность личности.

Vozmitel A.A., Osadchaja G. I.

The mode of life – yesterday and today (theoretic and methodological basis of analysis)

Reconceptualization of sociological approach for studying of the mode of life was carried out in the article. It shows the dynamic of social processes taking place in the country. It is given modern scientific (in contrast to ideological or common) understanding of its essence, of the process of production and reproduction of social relations determined by the mode of life and also of the personalities conforming to the types. There were formulated the goals, the specific aims, the conjectural results and the methodological features of comparative studying of Russian people's daily life before the reorientation period and nowadays.

Keywords: the mode of life, the ways and the styles of life, daily life, social changes, the personality's activity.

В основе развитых культур лежит концепция человека и его жизненного мира, образа жизни, связывающая воедино (цементирующая) ценности, представления о жизни и реальную жизнедеятельность людей. Это обстоятельство, на которое, пожалуй, впервые обратил пристальное внимание М. Вебер в ходе социологического анализа религии, придает образу жизни статус социокультурного явления, – «этически определенной модификации» формы человеческого существования; исторически сложившейся системы жизнедеятельности, функционирующей на основе ценностных смысложизненных установок (способов отношения к миру), сама специфика которых составляет ее качественную характеристику.

Проблематика образа жизни актуализировалась в СССР и странах Восточной Европы в 1970-80-е годы. Известную роль сыграли идеологические факторы, но главное состояло в том, что, отвечая потребностям практики, анализ образа жизни открывал новые научные горизонты.

Об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения в системе социальных отношений в результате изменений, происходящих в ее частях.

В начале 70-х годов прошлого века, когда начали довольно резко снижаться действительно очень высокие темпы послевоенного экономического роста и стало ясно, что программа построения коммунизма в СССР в течение 20 лет – социальная утопия, а проведенная экономическая реформа дала совсем не те результаты, которые от нее ожидалось, – пришло понимание той простой истины, что радикальные преобразования в одной отдельно взятой сфере общественной жизни останутся на уровне благих пожеланий, если не будут дополнены, столь же радикальными изменениями в других сферах. Поэтому предполагалось (и декларировалось в основных директивных документах), что планирование должно опираться на целостный анализ многообразных социальных связей и отношений человека с окружающим его миром, а планирование долгосрочное – на прогнозы образа жизни [1, с.18].

Уровень анализа последнего – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью». Гносеологически потребность в изучении этой реальности, выступающей связующим звеном между обществом и личностью определилась движением социального познания от абстрактного к конкретным механизмам формирования личностных, групповых и обще-

социальных черт, опосредующих способы организации людьми своей жизнедеятельности.

Используя богатый познавательный потенциал образа жизни, философы, экономисты, социологи, историки пытались преодолеть господствовавшие долгое время в советской науке стереотипы объяснения механизмов социального воспроизводства. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на то, что изучению образа жизни в той или иной мере отдали дань многие ведущие обществоведы 1970–80-х годов.

Тем не менее, опыт его изучения в 1970-е годы накапливался в основном в социологической литературе, а не в эмпирических исследованиях, которые традиционно проводились в рамках социологии досуга, семьи, быта, образования, общественной жизни, бюджетов времени. Они давали хотя и новые, интересные, но все же фрагментарные сведения о реально складывающемся образе жизни в советском обществе. Идея целостности жизнедеятельности и ее целостного анализа тут просто-напросто растворялась, поскольку изучались элементы образа жизни, то есть часть субъекта, включенного в определенные сферы. Правда, можно назвать, по крайней мере, три, в целом успешные, попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпирически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни. Это работы И.В. Бестужева-Лады [2], новосибирских социологов (Т.И. Заславской, И.В. Рывкиной) [3] и Ж.Т. Тощенко [4].

Первая и достаточно мощная попытка преодолеть инерцию сложившегося подхода была предпринята в ИСИ АН СССР (директор В. Н. Иванов) сотрудниками отде-

ла комплексного изучения образа жизни (руководитель И. Т. Левыкин, авторы программы исследования – И.Т. Левыкин, Т.М. Дридзе, Э.А. Орлова, Я.В. Рейзема) [5]. Была разработана уникальная методика исследования, решавшая сложные задачи сопряжения в одном документе систем показателей, связанных с анализом деятельности в различных сферах (материальной, общественно-политической, семейно-бытовой, досуговой); а также ценностных структур, уровня и качества жизни (авторы А. А. Возьмитель, Т. М. Дридзе, Ю. К. Иванов).

Партийными органами и АН СССР было принято решение о проведении Всесоюзного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» и создании одноименного исследовательского проекта. По модели многоступенчатой всесоюзной выборки в 29 регионах страны, представляющих восемь союзных республик (Азербайджанскую ССР, Белорусскую ССР, Казахскую ССР, Киргизскую ССР, Латвийскую ССР, Молдавскую ССР, РСФСР и Украинскую ССР) было опрошено 10500 человек.

Это исследование не имело аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной социологии, как по масштабам, так и по полученным результатам, но именно поэтому его итоги долгое время скрывались под грифом «ДСП». Такая же участь постигла первую обобщающую публикацию проекта «Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей» под редакцией И.Т. Левыкина и А.А. Возьмителя [6].

В сборнике впервые на репрезентативном материале вскрыты тенденции, мощно проявившие себя в последующие годы:

- приватизация жизни, активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентаций по сравнению с ориентациями общественно-производственными;

- незаинтересованность большинства советских людей в эффективной работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством своего труда, с одной стороны, и заработком – с другой;

- падение интереса к общественной жизни, в особенности – к участию в деятельности государственных общественных организаций, прежде всего со стороны «социального эталона» – рабочего класса, а также молодежи;

- формирование особого «советского» типа образа жизни и личности, для которых свойственно разделение на публичную и частную составляющие, совместимость казалось бы несовместимого: социально одобряемых и неодобряемых норм и ценностей.

В этой работе были поставлены и другие весьма острые для того времени вопросы, связанные с обнаружением целого ряда противоречий в сознании и поведении людей, между социальными ориентациями и реальными условиями жизни.

Второй замер проекта на базе всесоюзной выборки был осуществлен в 1986–1987 гг. Он выявил разрастание клубка проблем и противоречий в советском образе жизни и укоренение тенденций, проявивших себя ранее.

Третий замер в варианте всесоюзного почтового опроса и опроса в Москве, осуществленный в 1990 г., зафиксировал начало активного распада унифицированного образа жизни и то драматическое положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения огромной страны.

С помощью этих исследований была создана эмпирическая база изменений в образе жизни, что позволило дать обоснованные и развернутые сценарии (прогноз) его развития после 1990 г.

Двадцать лет назад был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития. Его основные характеристики: общая невысокая мотивация к труду, превращение последнего из сферы давления на работника в сферу давления на органы власти; противостояние различных общественных сил и поиск компромиссов между ними, перераспределение власти между центром и регионами; поляризация ценностных установок; общее запаздывание с решением назревших проблем и перманентное принятие нереальных мер; вспышки насилия и практически общее стремление к их ликвидации; неустойчивое социальное самочувствие. Как нетрудно заметить, все названные параметры действительно оказались достаточно типичными для прошедших лет.

До недавнего времени реализовывался и другой разработанный сценарий изменений в обществе и образе жизни – в условиях распада. Причем реализовывался он как бы по спирали: от распада СССР через «созидательное» разрушение, дегуманизацию человеческих связей и отношений, размывание границ между нравственным и безнравственным, ухудшение социального самочувствия, развитие эсхатологического мироощущения, низкую мотивацию к труду, сращивание мафиозных, общественных и государственных структур и т.п. – к социальным потрясениям и новому общенациональному развалу [7].

Широкое социальное видение, «вживание» в социальную ситуацию, основанные на комплексном анализе трендов в уровне и качестве жизни, нормах жизнедеятельности и менталитете общества, – выгодно отличает прогнозы образа жизни (включая сценарии развития его отдельных сфер) от чисто политических и демографических прогнозов, не раз демонстрировавших свою несостоятельность.

В ряду главных исследований образа жизни, завершенных в 1980-е годы, – проект «Таганрог-2», в рамках которого было проведено комплексное изучение социально-экономических и социально-культурных проблем образа жизни населения типичного для России промышленного центра [8].

Последним из крупномасштабных исследований образа жизни в нашей стране, венчавшим ее советский период, был опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г. (2696 человек), результаты которого легли в основу хорошо известной российскому и зарубежному читателю монографии «Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х», вышедшей под редакцией Ю.А.Левады. Авторам этого разностороннего исследования и книги явно удалось выявить и показать условия формирования и функционирования, а также базовые качества того социально-антропологического типа, каким являлся Homo sovieticus. Однако, справедливо говоря о его разложении, они явно торопились, отводя этому типу место на социальной периферии [9, с.262-264].

Ведь его своеобразная целостность, выявленная еще в начале 1980-х годов, органически сочетающаяся вроде бы несочетаемое (про-

тивоположные нормы и ценности), доминировала во всех без исключения социальных группах советского общества. И, как показывает опыт, воспроизводится сегодня в другом обличье даже в группах, способных задавать обществу поведенческие образцы: политическая и предпринимательская элита, фермеры и т.п. И вряд ли для подавляющего большинства людей принятие двойного нормативно-ценностного стандарта означало разрушительную “сделку с дьяволом”. Просто обычный советский человек 80-х годов XX века благополучно жил в ладу с собой, реализуя как ценности, так и антиценности, успешно манипулируя ими в зависимости от ситуации. Можно сказать, что это был акт здравого прагматизма, позволявший “нормально” жить и неплохо себя чувствовать в обществе с “поехавшей крышей”.

Системный кризис, в состоянии которого уже длительное время находится наше общество и государство, привел к появлению новой социальной реальности, применительно к которой должны отработываться новые научные подходы анализа важнейших явлений и процессов. К последним, безусловно, относится и образ жизни – система устойчивых, типичных форм социального бытия, как бы растворившаяся в тумане неопределенности основных социальных целей, ценностей и норм.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что исключение из научного оборота определений «советский» и «социалистический» образ жизни, явившееся прямым следствием распада СССР и социалистического лагеря, не привело, да и не могло привести к ликвидации одного из важнейших направлений социологической науки: изучения повседневной жизни людей, кото-

рая, как справедливо отмечал А.С. Ципко, является самым наглядным, самым доказательным проявлением существа той или иной социальной системы, самым главным, то есть человеческим результатом ее развития и функционирования [10, с.24]. Напомним в этой связи, что именно игнорирование сферы повседневной жизни не раз ввергало российское общество в серьезные кризисные ситуации, равно как пристальное внимание к ней в западной цивилизации не раз спасало последнюю от социальных катаклизмов, поскольку необходимым условием нормального функционирования и развития любой общественной системы является внедрение ее принципов в повседневную жизнь людей.

Тем не менее, «исчезновение» советского или же какого бы то ни было другого образа жизни свидетельствуют о специфичности этой научной категории, ее применимости, прежде всего, к стабильным, устоявшимся обществам о ее детерминированности социальным временем.

Возникает тут и ряд теоретико-методологических проблем. Ведь эта ситуация означает ликвидацию той принципиальной ориентации, которую, как пишут авторы одной из основополагающих в данной области собственно социологических работ, – господствующий способ производства сообщает многообразным формам жизнедеятельности членов общества; ориентации, преломляющейся во всех наличных общественных отношениях – экономических, социальных, национальных, нравственных, политических, эстетических и т.п. вплоть до семейных и бытовых [5, с.11]. Сообщает, понятно, созданием соответствующих условий, «стирающих» различия между городом и дерев-

ней, рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, а потому и требует «рассматривать социальную реальность под углом зрения того, как природа социалистического строя проявляется в конкретных действиях, общении и поведении представителей различных социальных групп, как в ходе их повседневного бытия реализуются те возможности, которые обеспечиваются им условиями социализма» [5, с.10].

Так вот, в методологическом плане распад советского образа жизни означает исчерпание познавательных возможностей анализа такого рода, поскольку повседневная жизнь человека более не является лишь проявлением тотальной зависимости от господствующих институтов и структур, а образует достаточно автономные пласты быденной жизни, конгломерат или систему, определенное сочетание («парадигму») «жизненных миров», во многом определяющих специфику формирующегося гражданского общества, социального производства и воспроизводства.

Тем не менее, насколько это было возможно, анализ повседневной жизни в ракурсе «принципиальной ориентации» ставил и решал важные теоретические и практические проблемы становления личности в конкретных социально-исторических условиях; ее взаимодействия с микросредой и обществом в целом. Однако само «производство» образа жизни, его процессуальный характер оставались, по сути дела, за пределами научного осмысления, за исключением, пожалуй, давнего спора о том, чем является исследуемый феномен: проявлением социального в индивидуальном или же индивидуального в социальном.

Словом, то, что годится для одного социального времени, не-

приемлемо для другого; что позволяет изучать статику, бывает, препятствует анализу динамики.

Однако именно «исчезновение» советского образа жизни инициировало поиск механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредования с учетом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни. И здесь, на наш взгляд, для разработки новой концепции образа жизни, в силу ее интегративной сущности, целесообразно использовать полипарадигмальный подход.

Так, важная для нашего исследования марксистская теория социального воспроизводства и, в частности, известное положение о тождестве жизнедеятельности людей и того, «что они собой представляют» [11, с.440], вполне может быть дополнена анализом с точки зрения истины, высказанной еще ветхозаветным автором: «Каковы мысли в душе его (человека), таков и он» [Притчи, 23-7]. Собственно, эта идея была всесторонне рассмотрена и развита М.Вебером, в его «понимающей социологии», объектом которой является смысловая связь поведения независимо от степени ее выраженности [12, с.497], и которая помогает нам понять, какой субъективно подразумеваемый смысл связывает личность с другими личностями, на каком основании люди объединяются в группы, ассоциации.

Важными являются и другие положения социологии М.Вебера: о роли нравственно-религиозной реформации в жизни западного, шире – современного общества; о двух типах капитализма; об идеально-типических конструкциях.

Поскольку предметом нашего исследования служит деятель-

ность человека в определенном социальном контексте, в результате чего возникает упорядоченная реальность повседневной жизни, для нас несомненный интерес представляет анализ процессов объективации, институционализации и легитимации, осуществленный в рамках социологии знания (П.Бергер, Т.Лукман). Весьма продуктивными здесь представляются мысли А.Шюца о повседневности, необходимости восстановления связей абстрактных научных понятий с «жизненным миром», идеи Э.Гидденса о предмете социальных наук, которым является не индивидуальный опыт и не существование какой-либо социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени; концепция Ю.Хабермаса о диалектике взаимоотношений «жизненного мира» и социальных систем, а также способов разрешения конфликтов между ними.

Важны тут и труды, принадлежащие отечественному перу: В.А.Ядова (диспозиционная теория саморегуляции социального поведения личности), Л.П.Будевой, А.Н.Леонтьева, Ю.К.Плетникова, посвященные анализу деятельной природы человека. И, конечно же, авторов, внесших свой вклад в разработку проблем образа жизни, раскрытие сложности (многоплановости) как самого этого понятия, так и одноименного процесса, им обозначаемого (К.А.Абульхановой-Славской, Е.А.Ануфриева, И.В.Бестужева-Лады, Г.М.Борисова, А.П.Бутенко, Ю.Е.Волкова, Л.А.Гордона, Б.А.Грушина, Ю.Н.Давыдова, Т.М.Дридзе, Т.И.Заславской, А.Г.Здравомыслова, В.Ж.Келле, Э.В.Клопова, Ю.А.Левады, И.Т.Левыкина, Ю.М.Лотмана, Л.А.Оникова, Э.А.Орловой, Н.М.Римашевс-

кой, М.Н.Руткевича, Р.В.Рывкиной, Э.В.Струкова, В.И.Толстых, Ж.Т.Тощенко, А.С.Ципко, В.Н.Шубкина и многих других).

Анализ трудов упомянутых авторов (в т.ч. критический) помогает глубже понять социальное пространство как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое в повседневном общении (взаимодействии) людей, осмыслить его в собственно человеческом бытии, в соотношении с идеями, представлениями, интересами и целями практически действующих личностей.

Что касается наработок западных коллег, реализующихся в эмпирических исследованиях, то здесь ситуация гораздо сложнее, поскольку и сегодня наша социальная реальность чаще всего не поддается не только объяснению, но и описанию с позиций используемых ими концепций и методик.

Тут можно сослаться на фундаментальное исследование стилей жизни (проект VALS), впервые реализованное в 1980 г. в США по общенациональной выборке и воспроизведенное позже в ведущих странах Западной Европы: Великобритании, Германии, Италии, Франции и Швеции. В теоретико-методологическом плане оно основывается на сочетании двух подходов: иерархии потребностей А.Маслоу и концепции социального характера Д.Рисмена. На пересечении этих координат были сконструированы три базовых модели жизнедеятельности, в рамках которых вычленены восемь стилей жизни:

NEED-DRIVEN (ведомые нуждой, люди, которыми руководят первичные потребности);

Survivor («выживающие»; опустившиеся, обездоленные, без шансов подняться);

Sustainer («поддерживающие» свою жизнь. Они еще борются,

карабкаются – более молодые и менее депрессивные);

TRADITIONAL, OUTER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH (консервативные, внешне ориентированные в своем поведении);

Belongers (консерваторы, не желающие выделяться, довольный средний класс, интегрированный в целостную систему общества, его образ жизни);

Emulators (в противоположность «belongers» стремятся к более высокому социальному статусу и предпринимают немало усилий в направлении достижения этой цели);

Achievers (ориентированные на успех, признание, материальные ценности, приятную жизнь в полном достатке);

CONTEMPORARY, INNER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH (современные, внутренние ориентированные в своем поведении);

I-Am-Me's (переходная группа от внешне ориентированных к внутренне ориентированным: молодые, экспрессивны, нарцисстичны, неординарны в поведении и стиле жизни);

Experimentals (руководствуются, как правило, внутренними ценностями, но не столь эгоцентричны как «I-Am-Me's»). Активны в видении, понимании и решении проблем в различных сферах деятельности. Играют важную роль в качестве законодателей мод и групп, с помощью которых успешно реализуются идеи и товары);

Societally conscious (высшая ступень развития внутренне ориентированных: люди размышляющие о проблемах общества, об обществе как целостности как в политическом, так и в божественном смысле. Проявляют сильную активность в различных сферах

деятельности на основе целостной системы ценностных ориентаций, единого мировоззрения. В стилях жизни – аскетичны, придают большое значение реализации внутренних ценностей, развитию личностного потенциала);

INTEGRATED (соединяют инструментальность и волю внешне ориентированных с эмпатией внутренне ориентированных. Они хорошо подходят к руководящим должностям, лучше других воспринимают чужие идеи и сглаживают конфликты). Это девятый тип личности и стиль жизни [см.13, р. 4-26].

Таким образом, мы видим логично выстроенную, внутренне непротиворечивую модель стилей жизни, на основе которой может быть разработан некий социографический «профиль» страны, пригодный для сравнительных исследований. При наложении ряда таких профилей, относящихся к различным временным промежуткам, друг на друга, можно оценить динамику изменений, происходящих в конкретной стране. А при сравнении профилей различных стран, оценить степень их сходства и различия.

Однако именно последний вид сравнительных исследований по стандартизированной методике вызывает наибольшие сомнения ввиду достаточно серьезных социокультурных различий между странами. Так, уже первый взгляд на конструкцию стилей жизни VALS, несомненно, отметит ее чужеродность по отношению к реальностям России, поскольку в соответствии с ней подавляющее большинство населения нашей страны, по всей видимости, окажется в рамках типа «ведомых нуждой» («need-driven»), в то время как другие важные группы вполне могут не получить даже статистически зна-

чимого наполнения в репрезентативных опросах.

Здоровый культурный релятивизм в отношении проекта VALS был продемонстрирован и западноевропейскими учеными, которые подвергли критике уже по результатам проведенных в их странах исследований [14, р. 130-134]. Все это, разумеется, не означает, что следует пренебрегать опытом западных коллег при разработке программ и инструментария конкретных исследований образа жизни. Однако его использование имеет ряд ограничений (особенности социальной структуры, социокультурной динамики, менталитета), которые предполагают достаточно серьезную адаптацию западных методик к российской специфике и легитимации. Рыночные реформы способствовали появлению у нас относительно больших групп людей, стремящихся жить по западным образцам. «Насколько глубока эта переориентация? Какие именно социокультурные ценности и модели перенимаются? Без ответов на эти вопросы механический перенос западного опыта исследования стилей жизни может привести к неверно интерпретируемым и даже не поддающимся толкованию результатам» [15]. С этим выводом одного из отечественных исследователей трудно не согласиться.

В современной России изучение стилей жизни получило распространение в основном в маркетинговых международных сравнительных исследованиях, в которых используются западные методики и подходы: VALS, LOV (list of values) [16], а также их комбинации, слабо адаптированные к специфическим российским реалиям. Одна из причин такого положения – унификация методик в рамках международных проектов.

Другая причина теоретико-методологического плана – фундаментальность и сложность используемых понятий образ и стиль жизни, нередкое их отождествление в силу непроясненности диалектической взаимосвязи между ними. Как следствие – далекое от научного словоупотребление и толкование.

Обусловленность образа жизни культурой, ее состоянием в данный момент времени лишь усложняет ситуацию. Преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия, а также системы связанных с ним категорий.

В поисках адекватной характеристики переходного периода многие ученые и политики обращаются к анализу исторического, экономического и политического развития России, даже ее географического положения. Мы же полагаем, что сущность исследуемого транзита может быть лучше всего понята, исходя из антропологических особенностей, из определенного сочетания («парадигмы») моделей жизнедеятельности людей как конгломерата или определенной системы значимых социальных практик, формирующих, отражающих и выражающих наши базовые мотивы, предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей.

С учетом всех перечисленных экспектаций к разрабатываемой концепции можно определить ее тип: динамическая процессуальная, субъектно-деятельностная

концепция образ жизни, основные принципы которой формулируются следующим образом:

1. Именно различия в жизнедеятельности людей, а не их принадлежность к той или иной, во многом формальной, социостатусной группе суть главные критерии дифференциации и типологизации образа жизни, а также вычленения его субъектов. Нетрудно заметить, что здесь меняется логика анализа. Если обычно в социологических исследованиях сначала ставится вопрос «кто действует», а затем – «как, каким образом действует», то мы акцентируем внимание на моделях жизнедеятельности, на анализе распространенности тех или иных способов самоорганизации жизни, которые только потом идентифицируются с социальными носителями. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционных стратификационных представлений, учесть как старые, так и новые элементы сознания и поведения людей, интегрирующиеся в особые повседневные социальные практики: способы и стили жизни, представляющие собой социальную структуру «in actu».

2. В центре субъектно-деятельностного подхода – личность, действующая в разных масштабах своей жизни, которая именно в результате определенной деятельности приобретает статус ее субъекта и относится нами к тому или иному социальному или социально-психологическому типу, продуцирующему вполне определенный способ или стиль жизни.

Согласно же марксистской традиции, социальные качества личности порождаются способами производства ее материального бытия: способами труда, способами производства предметов существования, которые являются не

только и не столько способами воспроизводства физического состояния индивидов, сколько основными способами реализации и выражения жизни, предполагающими определенные особенности личности, соответствующие тому что, в какой форме, для чего и как она производит. Это общий методологический принцип, применяемый нами для определения личностей определенных типов (социальных и социально-психологических), «производящих» различные способы и стили жизни (в том числе альтернативные).

Идентификация этих типов осуществляется посредством определения того субъективного смысла, который актер вкладывает в свою деятельность; посредством выделения субъекта деятельности по мотивационно-деятельностным характеристикам, отражающим современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бытия, определяющих стратегическое поведение личности в жизни (выбор жизненного пути, характера или сферы деятельности).

3. Образ жизни не есть нечто статичное. Это процесс, как сознательный, так и стихийный. Сознательный в том, что люди сами выбирают модели жизнедеятельности, а то и творят их. Стихийный в том плане, что результат борьбы таких моделей не всегда предсказуем. Взаимодействуя между собой, образуя устойчивые сочетания конкретных типов жизнедеятельности, они формируют вполне определенные доминантные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации, труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру, из которых выкристаллизовывается реальный образ жизни общества в целом.

Для объяснения логики социального взаимодействия в научный оборот введена система категорий, отражающих, интегративные и дезинтегративные процессы в жизнедеятельности людей, ее статику и динамику. Система состоит из узнаваемых, но далеко не тождественных понятий: образ, способ и стиль жизни, которые нередко употребляются как синонимы, хотя таковыми в действительности не являются. Их соотношение практически не освещено в научной литературе и они никогда и нигде не рассматривались в качестве системной триады, переходящих друг в друга категорий, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни как изменяющуюся и вместе с тем функционирующую систему.

В таком понимании образ жизни, являясь строго научной, а не идеологической или общежитейской конструкцией, возникает в результате взаимодействия (а нередко и борьбы) доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определенных социальных типов, жизнедеятельность которых является исходным элементом собственно социологического анализа.

В рамках разработанной концепции дано строгое разграничение и развернутые определения понятий образ, способ и стиль жизни.

Итак, образ жизни – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. Он возникает в результате реализации и последующей

объективации тех или иных способов и (или) стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводящей определенное отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Наиболее общие черты образа жизни являются типичными чертами общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни, маркируют отличие одной цивилизации от другой. И именно в этом смысле мы говорили и говорим о социалистическом и буржуазном, христианском и мусульманском, американском и советском образе жизни.

Как показывает исторический опыт, образ жизни детерминирован социальным временем и характерен для обществ, выработавших свою социальную и (или) национальную, шире – цивилизационную определенность. Строго говоря, он не является объектом свободного личностного выбора, а выступает в виде более или менее ограниченной совокупности возможностей социальной адаптации, задающих и формирующих базовые типы жизнедеятельности в процессе социализации. Поэтому его функция, – скорее организация, упорядочение, нежели самоорганизация жизни.

В условиях кризиса социальной системы, приводящего к разрушению устойчивых генерализованных связей, скрепляющих общество, – распадается и представляет собой мозаику альтернативных способов и стилей жизни, каждый из которых «борется» за приоритетность своего социального качества.

Способ жизни отражает и выражает тип жизнедеятельности, складывающейся как под влияни-

ем объективных условий, так и внутренних побудительных сил. Он показывает, какие именно возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях, реализуются в жизнедеятельности людей, и в какой форме. Это главное звено превращения социальных возможностей в действительность. Именно поэтому в нашем понимании он всегда соотносим с реальной социальной ситуацией и определяется характером взаимодействия с ней. И в этом смысле является не только способом поддержания, воспроизводства, но также изменения социальных отношений; не только способом включения в социальную структуру, но важным фактором ее динамики, поскольку взаимодействие с социальной ситуацией предполагает субъектность, целенаправленную активность: выбор профессии, рода занятий, места жительства и т.п. на основе осознания своих особых интересов и имеющихся альтернатив. Однако способы жизни характеризуют не просто специфические черты жизнедеятельности людей, но определенные системы своеобразных, конкретных, качественно отличных друг от друга, нередко альтернативных жизнепроявлений: типичные пути социального самоопределения, проявляющиеся в повседневной активности людей. Именно в этом плане мы говорим, наряду с городским и сельским, - о предпринимательском, крестьянском и фермерском и т.п. способах жизни.

В свою очередь, в ситуациях реального плюрализма норм, ценностей, форм социально-экономической адаптации и самоидентификации неизбежно происходит диверсификация способов жизни, формирование личностей и групп, жизнь которых в силу различий в конкретных жизненных ситуациях,

флуктуации внешних и (или) внутренних условий, начинает отличаться (порой значительно) от той, что сложилась в общностях более высокого порядка. Такие особые, сознательно избираемые, способы самоорганизации жизни, присущие, как правило, близким социальным субъектам (социально-психологическим типам), производящим свое материальное бытие в одной и той же форме (например, индивидуальной) но, преследующим при этом разнопорядковые интересы и цели, - мы называем стилями жизни. Это личностное самоопределение в рамках социального.

Если способ жизни есть результат взаимодействия человека с социальной ситуацией, то стиль - с конкретной жизненной ситуацией. В детальную проработку стиля жизни в качестве субкатегории образа жизни существенный вклад внесли украинские социологи (Л.В. Сохань, В.А. Тихонович). Во многом благодаря их работам утвердилась «словарное» определение стиля жизни как социально-психологической категории, выражающей определенный тип поведения людей: индивидуально усваиваемый или избираемый, устойчиво воспроизводящий отличительные черты общения, бытового уклада, манеры, привычки, склонности, типичные для определенной категории лиц, выявляющие своеобразие их духовного мира через «внешние формы бытия». Последнее утверждение явно обедняет содержание этой социокультурной категории, раскрывающей процессы социально-психологической самоидентификации и самодифференциации в сознании и поведении людей.

Говоря более конкретно, стиль жизни характеризует лишь та часть повседневного поведения, ценностных ориентаций и создаваемой самим человеком среды

обитания (жилище, вещи и т.п.), которая, с одной стороны, способствует его идентификации с определенной группой (ее образом), а с другой – выделяет (отличает) ту или иную группу среди других человеческих групп. Стиль жизни, следовательно, субкультурное понятие, характеризующее микросреду и ее особенности, реализуемые в определенной форме в деятельности людей. Являясь, как правило, результатом свободного выбора, характеризует социальные позиции, тяготения и социальную дистанцию, стиль жизни отражает значительные, но незаметные глазу глубинные изменения в социальной структуре, определяя развитие способов жизни. Соотношение тех или иных стилей жизни (например, цивилизованного-нецивилизованного) отражает специфику и динамику определенного способа жизни (например, предпринимательского). Причем, один и тот же способ жизни может быть связан с совершенно различными стилями жизни, выступающими по отношению к нему не только как специфические модификации, но и мистификации его существа в результате особенностей личностной самоорганизации (самоопределения, самоидентификации) жизнедеятельности. Например, в рамках фермерского способа жизни были вычленены четыре стиля жизни весьма значимо отличающихся друг от друга: собственно фермерский, крестьянский и два их альтернативных подтипа: псевдофермерский и псевдокрестьянский. Стиль жизни оказывается слабо связанным со способом жизни в тех случаях, когда он формируется вне трудовой деятельности. Именно туда смещается и там ощущается подлинность бытия, именно там человек реализует (или пытается реализовать) себя как

профессионал или мастер, будь то увлечение искусством, литературой, коллекционированием, любовными приключениями, охотой, рыбалкой, туризмом.

В стилях и способах жизни находят свое практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений и идеалов, вкусов. Это особые структурные состояния системы образа жизни (репродуцируемая социальная практика по Э. Гидденсу), представляющие собой потенциальную социальную структуру. В сегодняшней ситуации внутри них нередко разрабатываются новые стандарты (самонормирование), возникают новые социальные эталоны и культурные образцы, фиксирующие накопленный социальный опыт на основе освоения неведомых ранее форм и способов деятельности. В конечном итоге, именно изучение этого процесса дает возможность понять как, каким образом определенные формы жизнедеятельности и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции» (П. Сорокин), становление общества и личности определенного типа.

Итак, образ способ и стиль жизни различаются как по объему (широте) отражающих ими явлений и процессов, так и по характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определенных социальных и социально-психологических типов). Следует обратить внимание еще на один аспект: образ и стиль жизни могут выступать и реально выступают в качестве противоположно-

стей. Образ жизни выражает существенную для данного общества связь, проявляющуюся в «доминантной форме интеграции», способах организации и функционирования совместной жизнедеятельности. Стили жизни, в силу своей относительной независимости от социально-экономических и социально-политических условий, нередко являются носителями и выразителями другой существенной связи и в этом смысле являются главным источником изменений в образе жизни.

Это разные полюса анализа, которые не должны рассматриваться отдельно, или в качестве слабо, не совсем ясно как связанных компонентов единой системы, а только как диалектически взаимосвязанные, реализующиеся через свое другое (способ жизни) и на его основе. Таким образом, способы жизни выступают не просто в качестве звена, опосредующего отношение образа и стилей жизни, но как их объединяющее начало; а процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей к способам жизни, а от них к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим направлением процесса познания от изучения единичного, к обнаружению особенного и раскрытию общего.

Сегодня, когда появилось реальное многообразие форм жизнедеятельности вряд ли целесообразно для их обозначения и анализа пользоваться лишь одним многозначным, по преимуществу литературно-художественным и научно-публицистическим, понятием «образ жизни», которое было введено в научный оборот прежде всего для подчеркивания не столько целостности, сколько единообразия, общности социальных процессов, когда всякая их индивидуа-

лизация и разнообразие всячески игнорировались и третировались.

«Поле» образа жизни – общество в целом. Социологическое же изучение многообразия повседневной жизни целесообразно, на наш взгляд, вести на уровне стилей и способов жизни, где действуют конкретные социальные субъекты, «проклевываются» различные альтернативы общественного развития, где крепнет солидарность и прорастает конфликтность.

Динамическая (субъектно-деятельностная) концепция образа жизни апробирована в эмпирических исследованиях фермеров и работников коллективных сельскохозяйственных предприятий, представителей малого и среднего бизнеса, а также городского населения России. Результаты этих исследований отчетливо показали, что в российском социуме складываются альтернативные способы и стили жизни как совсем не совместимые, так и трудно совместимые по своему характеру, что свидетельствует о его конфликтности и неустойчивости вектора общественного развития [17].

В рамках социологии необходимо, на наш взгляд, ставить и решать три фундаментальные задачи:

1. Дать социологическую оценку нашего советского прошлого с точки зрения нынешнего состояния общества и человека в нем.
2. Дать социологическую оценку настоящего с точки зрения прошлого состояния общества и человека в нем.
3. Дать социологическую оценку прошлого и настоящего с точки зрения предполагаемого будущего состояния общества и человека в нем.

Не только естественное любопытство заставляет нас задуматься о том, повлияли ли (а если по-

влияли, то как) радикальные изменения социально-экономического и политического контекста жизни и деятельности россиян (очень точно названные П. Штомпкой травматичными) на их повседневную жизнь. В ходе сравнительного исследования советского и постсоветского образа жизни населения России надо оценить, как изменили его новые экономические, юридические и нравственные принципы устройства государства и общества.

Исследуя реальный процесс развития, раскрывая тенденции базисных сдвигов в массовом сознании и социальном поведении людей, отражая эмпирическую реальность, а не нормативные предпочтения, мы сможем ответить на актуальные вопросы, научно обоснованные ответы на которые еще не даны:

– Как повлияли радикальные изменения в социально-экономических и социально-политических условиях жизни россиян на их повседневную жизнь?

– Чем объясняются происходящие перемены в повседневной жизни людей? Какие институты и как влияют на возникновение новых норм, ценностей и повседневных социальных практик? Что препятствует их формированию?

– Какие элементы прежней повседневной жизни, ранее сложившихся смыслов создают благоприятные условия для цивилизованного развития страны, способствуют преобразующей деятельности, приводят к позитивным для человека результатам?

– Какие нормы и ценности повседневного поведения утратили свою преобразующую роль и значимость?

– Какие формы человеческой активности, типы взаимодействия между людьми могут способство-

вать, а какие препятствовать цивилизованному развитию России в перспективе?

Для ответов на эти вопросы могут быть использованы методики сравнительного анализа по весьма представительной группе показателей: уровень и качество жизни, ее условия (инфраструктура); характер труда, интенсивность, инициативность, успешность в работе, ее соответствие знаниям, способностям и возможностям человека; терминальные, инструментальные ценности, нормы повседневной жизни, социально-нравственные установки, характер микросреды и свободное время.

Эмпирический объект исследования – взрослое (от 18 лет и старше) население России в последнее десятилетие советской власти и в нынешнее время. Для сравнения целесообразно использовать данные базового фундаментального репрезентативного всесоюзного исследования образа жизни, проведенного Институтом социологических исследований АН СССР в 1981-1982 г.г., раскрывающего реальное аутентичное содержание советского образа жизни.

Отбор конкретных признаков для сравнительного исследования проводится исходя из необходимости представленности основных характеристик образа жизни в компаративном анализе при условии их адекватности как для советского, так и для нынешнего времени.

Формулируя сквозные направления сравнительного анализа, следует учитывать, что образ жизни достаточно консервативен. И эту сторону нельзя упускать из виду. Однако надо учитывать и то, что стабильность относительная и всегда сопровождается более или менее значительными подвижками в структуре жизнедеятельности, ее функциональном и ценностном со-

держании. Сегодняшняя ситуация в нашем обществе являет тому наглядный пример. Иными словами, в образе жизни всегда есть моменты константности и изменчивости, а противоречие между ними является важным фактором социальных изменений.

Поэтому первое направление сравнительного анализа – выявление элементов устойчивости и динамизма в советском и сегодняшнем образе жизни, а также факторов, определяющих эти тенденции.

Второе важное направление анализа – рассмотрение образа жизни с точки зрения механизмов интеграции и дезинтеграции. Дезинтегрированные состояния, конгломерат, противостояние различных элементов и моделей образа жизни характеризуют как становление нового, так и распад старого его качества.

Третье направление в рамках изучения динамики образа жизни – отслеживание адаптационно-инновационных тенденций.

И, наконец, еще один важный критерий социальных изменений – толерантность и нетерпимость к иным способам жизни.

Таким образом, существует целый спектр социальных проблем, связанных с анализом динамики образа жизни. Однако тут весьма сложным является вопрос о критериях показательности (значимости, основательности) изменений в образе жизни. На наш взгляд, таковыми можно считать массовые или групповые отклонения от установившихся типов жизнедеятельности, которые приводят к: альтернативным вариантам развития системы жизнедеятельности к ее преобразованию; определенным отклонениям от обычных моделей взаимодействия, не нарушающим установившихся домини-

рующих тенденций; изменению соотношения тех или иных типов взаимодействия.

В содержательном плане анализируются изменения:

1. В функционировании системы образа жизни с точки зрения: удовлетворения потребностей различных социальных субъектов; рассмотрения явных и скрытых функций, реализуемых той или иной формой (видом) или способом жизни.

2. В структуре жизнедеятельности: в типах взаимодействия между людьми (индивидуализм – коллективизм, соревнование – конкуренция, национализм – интернационализм и т.п.); в характере взаимодействия (частоте, интенсивности и т.п.).

С точки зрения развития образа жизни, как социального процесса, все значимые отклонения рассматриваются в качестве обратимых – необратимых, случайных – закономерных, рассеянных – направленных.

Своеобразие изучения состояния и динамики общественных отношений через призму образа жизни состоит в том, что все социально-экономические, социально-политические, духовные процессы анализируются через жизнедеятельность социальных субъектов, качественной характеристикой, которой выступает личность, действующей в разных сферах и масштабах своей жизни. Эта активность проявляется в формах деятельности, поведения, общения и отношения с определенной интенсивностью, характером и направленностью (+ –), что дает возможность содержательного сквозного целостного ее анализа вне зависимости от сферы и масштаба приложения сил субъекта. Соответственно предметом анализа тут выступа-

ют социальные отношения, выделенные по их субъекту (типичные формы многообразной повседневной жизнедеятельности людей, способы самоорганизации ими своей жизнедеятельности в конкретных социальных условиях и в соответствии с определенной концепцией жизни), что позволяет рассматривать социальные субъекты как целостности, в отличие от изучаемых функциональными теориями отдельных элементов общественных отношений, где субъект предстает лишь своей стороной в определенной сфере общественной жизни.

Таким образом можно констатировать, что основной подход к анализу изменений в образе жизни – субъектно-деятельностный. И хотя мы разделяем мысль В.А. Ядова, что ни одна из известных теорий социальных изменений не описывает адекватно то, чему не было аналогов в мировой истории, при анализе динамики образа жизни целесообразно использовать идеи П. Штомпки о большой теории социальных изменений, которая может быть названа теорией активно действующего социального субъекта [18].

Объект сравнительного исследования – взаимодействие социальных условий и повседневной активности людей в альтернативных социальных системах в рамках одной страны.

Его предмет – становление (в том числе изменение) в результате этого взаимодействия устойчивых, типических форм повседневной жизни, проявляющиеся в определенных смыслах бытия, нормах, ценностях, социальном поведении и общении людей.

Главный научный результат – выявление реальной динамики повседневной жизни и факторов, ее определяющих.

Анализ позволит раскрыть позитивные и негативные тенденции в сознании и поведении людей, а также в условиях их жизнедеятельности:

- в терминальных и инструментальных ценностях (традиционных – либеральных);

- в нормах повседневной жизни (цивилизованных – нецивилизованных);

- в социально-трудовой сфере (условиях, характере и содержании труда, его мотивации, результативности и удовлетворенности трудовой деятельностью);

- в структуре досуговой деятельности (ее иерархии и характере);

- в условиях и уровне жизни людей;

- в качестве жизни (социальном благополучии и социальном самочувствии, доступности дефицитных ресурсов и благ общества).

Выявленные позитивные и негативные тенденции рассматриваются в контекстах стабильности, трансформации, альтернативности, социального перелома.

Все это поможет понять траекторию развития повседневной жизни от 80-х годов прошлого века до наших дней, а также внести вклад в социологически обоснованную модель развития России на основе реально присущих ей культурно-цивилизованных ориентиров. Разумеется, эта модель не может быть разработана без учета ценностно-нормативного содержания, вытекающего из динамики общества и отражающего его будущее состояние, из динамики нормативно-ценностной, условий, уровня и качества жизни, из социальных, экономических и политических реалий сегодняшнего дня, а также отношения к ним населения России.

Литературы:

1. Социалистический образ жизни. М., 1984, с.18

2. *Бестужев-Лада И.В.* Опыт типологии социальных показателей образа жизни // Социологические исследования, 1980, №2; *Бестужев-Лада И.В.* Содержание, структура и типология образов жизни / Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности (под ред. Л.П. Буювой), М., 1983, с.93-96.

3. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, И.В. Рывкина. Новосибирск, 1980

4. См. *Тощенко Ж.Т.* Социальное планирование в СССР. М., 1981; Социальное проектирование. М., 1982; Идеология и жизнь. М., 1983

5. Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980

6. Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей / Под ред. И.Т. Левыкина и А.А. Возьмителя. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

7. См. *Возьмитель А.А.* Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки, 1991, №1

8. Народное благосостояние: методология и методика исследования / отв. ред. Н.М. Римашевская, Л.А. Оников. М.: Наука, 1988.

9. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Интерцентр, 1993.

10. *Ципко А.С.* Философский смысл проблемы образа жизни // Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах. / Под ред. З.Суфина и А.Ципко. Варшава, 1979.

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т.3

12. См.: *Вебер М.* Избранные произведения. Пер. с нем. / Под редакцией Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

13. *Mitchell A.* The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. N.Y. *Macmillan*, 1983.

14. См.: *Georg, Werner.* Soziale Lage und lebensstil. Eine typologie. «Leske + Budrich», Opladen, 1998.

15. *Кутлалиев А.Х.* Особенности национального стиля жизни // PR-диалог, 2000, №3 (8).

16. *Lynn R. Kahle, Sharon E. Beatty, Pamela Homer.* Alternative Measurement Approach to Consumer Values: The List of Values (LOV) and Values and Life Style (VALS) // The Journal of Consumer Research, Vol. 13, No. 3 (Dec., 1986), pp. 405-409.

Thomas P. Novak and Bruce MacEvoy. On Comparing Alternative Segmentation Schemes: The List of Values (LOV) and Values and Life Styles (VALS) // The Journal of Consumer Research, Vol. 17, No. 1 (Jun., 1990), pp. 105-109. The University of Chicago Press.

Vyncke Patrick. Lifestyle segmentation - From attitudes, interests and opinions, to values, aesthetic styles, life visions and media preferences // European Journal of communication, Volume: 17, Issue: 4, dec. 2002, pp. 445-463.

17. *Возьмитель А.А., Карпов А.П.* Становление образа жизни российского фермерства. М., 1994; *Возьмитель А.А.* Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей. М., 1997; *Возьмитель А.А.* Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. Социология, этнология. 2002, №1.

18. *Штомпка Петр.* Социология социальных изменений. М.: Аспект пресс, 1996.

Угроза и политика нераспространения ядерного оружия

Смирнова А.Г.

В основе восприятия угрозы распространения ядерного оружия в условиях неопределенности выступают характеристики образа государства, стремящегося к приобретению подобного оружия. Проверка сформулированного предположения осуществляется посредством анализа проводимой США политики по отношению к Северной Корее. В качестве теоретической основы исследования выступает теория социального конструктивизма.

Ключевые слова: ядерное оружие, политика нераспространения, паттернов угрозы, образ государства.

Smirnova A.G.

Threat and a policy of non-distribution of the nuclear weapon

At the heart of perception of threat of distribution of the nuclear weapon in the conditions of uncertainty characteristics of an image of the state aspiring to acquisition of the similar weapon act. Check of the formulated assumption is carried out by means of the analysis of a policy spent by the USA in relation to Northern Korea. As a theoretical basis of research the theory of social constructivism acts.

Keywords: the nuclear weapon, the politician of non-distribution, threat patterns, an image of the state.

Неопределенность как фактор восприятия угрозы распространения ядерного оружия

Один из наиболее важных уроков, который усвоило мировое общество, вступая во «второй ядерный век» [1, с. 45], заключается в том, что, несмотря на существующие режимы нераспространения, заключенные договоры, дипломатические и силовые способы регулирования, увеличивает количество государств, обладающих ядерным оружием (*горизонтальное распространение*). Кроме того, продолжается совершенствование существующих арсеналов тех стран, которые приобрели данный вид вооружений до 1967 г. (*вертикальное распространение*). При этом распространение ядерного оружия осуществляется в условиях высокой *неопределенности*, которая влияет как на познание данной угрозы, так и выработку стратегии по противодействию ей.

Неопределенность, характеризующая процессы распространения оружия массового уничтожения, складывается, по меньшей

мере, из следующих составляющих: неопределенности *источника угрозы, институтов*, регулирующих распространение ядерного оружия, и *союзников*, сотрудничество с которыми позволило бы замедлить или остановить данный процесс.

Неопределенность источников угрозы возникает в силу того, что технический прогресс постепенно вносит вклад в преодоление «разрыва между государствами, способными и неспособными к созданию собственного ядерного оружия» [2, с. 24]. Ограниченный научно-технический потенциал и финансовые возможности, а также – существовавшие меры контроля служили естественным препятствием для создания ядерного оружия, прежде всего, государствами с низким уровнем развития промышленного производства [3, с. 169]. Например, в начале 80-х годов прошлого столетия Ливия отказалась от ядерной программы не только по причине давления со стороны мирового сообщества, но и в силу собственных ограниченных возможностей. В то же самое время, ядерная и ракетная программы КНДР наглядно демонстрируют, что плачевное экономическое положение и изоляция не служат естественной преградой на пути распространения оружия массового уничтожения. Таким образом, в современном мире, отличающемся возрастающей доступностью ядерных материалов, оборудования и технологий, теоретически любое государство сможет создать собственное ядерное оружие. При этом для ряда стран – это лишь вопрос политической воли.

Повышению доступности материалов и технологий способствуют снижение эффективности экспортного контроля, а также тот

факт, что в качестве «распространителей» технологий и материалов все чаще выступают *негосударственные криминальные* структуры. Существование «черного рынка» увеличивает риск получения доступа к оружию массового уничтожения террористических организаций [4]. В результате они представляют еще одну группу акторов в сфере распространения, намерения и возможности которых должны быть учтены государствами при выработке стратегии в области обеспечения безопасности.

Таким образом, повышение доступности ядерных материалов и технологий, а также увеличение количества игроков на «ядерном поле» за счет негосударственных акторов, значительно затрудняют контроль над распространением ядерного оружия и усиливают неопределенность источников данной угрозы.

Еще один аспект неопределенности связан с особенностями *среды*, которая регламентирует процессы распространения ядерного оружия. Эксперты в области международной безопасности ставят под сомнение эффективность существующего режима нераспространения [2, с. 24]. Основная задача данного режима, представленного совокупностью международных договоренностей и организаций, состоит в том, чтобы предотвратить приобретение ядерного оружия странами, которые не имели его до 1967 г. Таким образом, режим устанавливает определенные отношения между ядерными и неядерными государствами, поэтому вклад в его ослабление вносят обе стороны.

Как продемонстрировала история развития северокорейской ядерной программы, статус страны, подписавшей Договор о нерас-

пространении ядерного оружия (ДНЯО), не исключает деятельность по разработке ядерного оружия, так называемое «латентное распространение» [5, с. 3]. Северная Корея подписала ДНЯО в 1985 г. Политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия, по мнению экспертов, было принято на рубеже 1970-х годов [прив. по: 6, с. 17]. В то же самое время, подписание ключевых для поддержания режима нераспространения договоров может использоваться в качестве аргумента в пользу мирных намерений государства, но вместе с тем, не снимает подозрений с тех стран, которые достигли определенного прогресса в развитии своих ядерных программ (например, Иран).

Таким образом, сложившийся режим нераспространения не всегда гарантирует государствам, развивающим ядерную энергетику в мирных целях, защиту от безосновательных подозрений, возможных санкций и даже применения военной силы. Вместе с тем, установленные нормы и правила далеко не всегда расцениваются государствами в качестве серьезного препятствия на пути создания ядерного оружия. Как отмечает Р. Эйнхорн, «неспособность международного сообщества наказать нарушителей режима нераспространения, таких как Иран и Северная Корея <...>, привели к снижению воспринятых затрат, связанных с обретением статуса ядерной державы» [7, с. 492].

Режим нераспространения ослабляет и политика государств так называемой «большой пятерки». В частности, среди ядерных держав только Китай декларирует намерение ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие первым. Другие государства

«пятерки» выработали перечень условий, при которых они могут нарушить данное обязательство (обзор доктрин применения ядерного оружия государствами «большой пятерки» см.: [8]). Повышение роли ядерного оружия в оборонной политике государств «большой пятерки» существенным образом отражается на мотивации стран, не обладающих подобным оружием. Отказ целого ряда государств от обязательства не применять ядерное оружие первыми может расцениваться неядерными участниками режима нераспространения в качестве угрозы безопасности и послужить оправданием стремления по созданию ядерного оружия.

Таким образом, снижение эффективности режима нераспространения во многом связано с тем, что он перестает быть выгодным его участникам, не позволяя как неядерным, так и ядерным государствам в полной мере обеспечить защищенность от возникающих угроз. Наряду с ослаблением режима нераспространения данное обстоятельство вносит вклад в поддержание неопределенности среды, размывая установленные правила и затрудняя прогнозирование поведения как ядерных, так и неядерных государств в области обеспечения безопасности.

В свою очередь, в условиях ослабления существующих норм страны пытаются создать новые формы взаимодействия, дающие возможность контролировать распространение ядерного оружия и одновременно – реализовать свои интересы. В качестве примера может служить предложенная США Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР). Кроме того, при решении проблем безопасности, в том числе, свя-

занных с распространением ядерного оружия, государства все чаще действуют *самостоятельно* или посредством создания *коалиции единомышленников* [9, с. 491], и руководствуются, преимущественно, своими интересами, нежели установленными нормами. Данное обстоятельство затрудняет выработку оснований для сотрудничества и также вносит вклад в формирование *неопределенности относительно возможных союзников* в борьбе с распространением оружия массового уничтожения.

Рассмотренные проявления неопределенности позволяют сделать вывод, что ее возникновение связано с разрушением, или, по меньшей мере, значительной трансформацией существовавших ранее *паттернов угрозы*, которые позволяли субъекту выявлять источники опасности на основе устойчивого набора категориальных характеристик. Вместо явных врагов у государства появляется множество потенциальных противников. Складывавшиеся на протяжении десятилетий союзы и блоки распадаются, а институциональные структуры утрачивают эффективность и перестают регулировать отношения акторов. Можно предположить, что в подобных обстоятельствах, когда поведение участников международных отношений и сама внешняя среда не позволяют сделать однозначный вывод о направленности их намерений, восприятие угрозы в значительной степени зависит от *характеристик субъекта познания*, его идентичности, интересов, представлений о приемлемых способах действия.

Отмечая значимость субъекта познания в преодолении неопределенности, тем не менее, необходимо определить, насколько он

независим в своих суждениях относительно источников угрозы и возможных последствий для безопасности? Учитывает ли он только свои интересы и цели при определении того, кто или что представляет для него опасность? Или он уделяет внимание, прежде всего, представлениям об основных угрозах, выработанным в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений, учитывает заключенные соглашения и общепринятые правила и нормы? Таким образом, необходимо определить *соотношение индивидуального и социального* в процессе познания угрозы. Кроме того, важно рассмотреть значение *когнитивных и материальных* переменных в восприятии угрозы и ответить на вопрос, зависит ли восприятие угрозы исключительно от убеждений субъекта, или он познает угрозу как элемент объективной действительности.

Индивидуалистические теории познания угрозы в международных отношениях

На пересечении двух переменных, отражающих влияние материальных и когнитивных факторов, и отношения между агентами и структурой, по мнению А. Вендта, возникают *четыре социологии* [10, с. 48], которые по-своему объясняют закономерности построения международных отношений, в том числе, в области безопасности. Обосновать употребление термина «социология» в данном контексте позволяет определение предмета социологии международных отношений, сформулированное Д.В. Ермоленко. Он полагает, что основной задачей данной науки является анализ природы международных отношений, их основных закономерностей, главных тенденций, соотношения

и роли объективных и субъективных факторов, экономических, научно-технических, политических, культурных и идеологических аспектов международных отношений, изучение положения государства на международной арене в таких категориях, как его классовая природа, государственные интересы, сила, потенциал, моральное и идеологическое состояние населения, связи и степень единства с другими государствами [прив. по 11, с. 75-76].

Предположение о роли субъекта познания в преодолении неопределенности, сопровождающей распространение ядерного оружия, заставляет обратиться, прежде всего, к теориям, которые строятся на основе утверждения о том, что объяснения следует сводить к качествам или взаимодействиям независимых существующих *индивидуальных субъектов*. Вместе с тем, данные теории отличаются друг от друга акцентированием роли материальных или когнитивных факторов. В качестве примера могут служить *теория баланса сил* и *когнитивные теории* восприятия угрозы.

С точки зрения теории баланса сил познание угрозы осуществляется на основе наблюдаемых *материальных* характеристик государства, самой важной из которых является *сила*. В этой связи можно предположить, что стремление *любой* страны приобрести ядерное оружие будет воспринято другими участниками международных отношений как представляющее угрозу их безопасности, поскольку ставит под сомнение сложившуюся расстановку сил в мире.

Однако влияние данного фактора на восприятие угрозы представляется не настолько определяющим, если учесть, что нара-

щивание государством военной мощи имеет *неспецифицированный характер* [12, с. 432]. Иначе говоря, наступательный потенциал государства - это общая опасность, направленная одновременно против целого ряда стран. В зависимости от того, способно ли другое государство «уравновесить» его за счет собственных ресурсов, и будет сделан вывод о существовании угрозы. Учитывая данное обстоятельство, с точки зрения теории баланса сил, ядерные арсеналы Ирана или Северной Кореи не должны рассматриваться государствами «большой пятерки» в качестве угрозы безопасности. Так, К. Уолтц, оценивая возможные последствия приобретения Ираном ядерного оружия, отмечает: «Я не думаю, что мы должны беспокоиться по этому поводу, поскольку сдерживание работало в ста процентах случаев. Мы можем сдержать небольшие ядерные державы после того, как сделали это в отношении таких государств как СССР и Китай» [13, с. 138]. Однако на практике складывается другая картина. Представители мирового сообщества, в том числе, страны, обладающие ядерным оружием, стремятся повернуть вспять ядерные программы Ирана и Северной Кореи, ссылаясь на то, что они бросают вызов их безопасности [14].

Сказанное позволяет предположить, что влияние нарушения баланса сил на восприятие угрозы опосредовано другими переменными. Теории, учитывающие значимость разделяемых субъектом *идей*, предлагают рассматривать познание угрозы как конструирование умозаключений под влиянием когнитивных, аффективных и мотивационных характеристик субъекта [15, 16]. В частности, Р. Джервис подчеркивает, что от-

правным пунктом к возникновению новых механизмов восприятия угрозы стало рассмотрение потенциальных возможностей и намерений государств причинить вред в качестве *субъективных суждений*, нежели характеристик объективной действительности [15].

Формулировка механизмов восприятия угрозы в международных отношениях с учетом особенностей когнитивных, аффективных и мотивационных характеристик субъекта обладает рядом преимуществ по сравнению с индивидуалистическими теориями, уделяющими внимание, прежде всего, материальным факторам. Во-первых, данный подход позволяет объяснить различия в восприятии разными государствами угрозы распространения оружия массового уничтожения. Они могут быть обусловлены как влиянием убеждений актора, так и возникновением ошибок восприятия. При этом как убеждения, приводящие к расхождению в оценках угрозы, так и ошибочные суждения подчас возникают, в том числе, и по причине трудностей в получении *достоверной информации* относительно намерений и возможностей ряда государств создать собственное ядерное оружие.

Во-вторых, когнитивный подход более точно отражает сущность угрозы как *выводного знания*. Это означает, что угроза, с одной стороны, соотнесена с фактами реальности, а с другой - представляет собой результат познания данных фактов. Иначе говоря, в реальности присутствует, например, факт увеличение численности армии сопредельного государства, а не «угроза» как таковая. Ее познание сопряжено с *придаванием значения* данному факту. В результате субъекты могут по-разному воспринять одни и те же дей-

ствия или события. Таким образом, угроза характеризуется онтологическим реализмом, но в то же самое время отличается эпистемологической лабильностью. Данное обстоятельство заставляет исследователя обращать внимание на *ментальные категории* субъектов, которые они используют в процессе познания угрозы.

Однако когнитивный подход зачастую становится объектом критических замечаний. Одно из направлений критики указывает на то, что он не позволяет ответить на вопрос, почему угроза была воспринята (или не воспринята) субъектом. Трудности, возникающие в связи с поиском ответа на данный вопрос, связаны с тем, что в качестве зависимой и независимой переменных выступают два пересекающихся пласта субъективной реальности. Искажения при построении суждений о возможностях и намерениях государства объясняются ошибками, допущенными по причине ограниченных когнитивных ресурсов актора, воздействия существующих представлений о природе политического мира или неосознаваемых мотивов. Иначе говоря, суждения субъекта об угрозе сами в свою очередь зависят от совокупности других убеждений о мире. Тем самым данный подход преуменьшает значимость характеристик объекта познания, в качестве которого выступает и государство, обладающее ядерным оружием.

В целом, несмотря на существующие ограничения, индивидуалистические теории, прежде всего, те из них, которые уделяют внимание когнитивным факторам, предоставляют наиболее широкие возможности для изучения механизмов познания угрозы в международных отношениях. Утверждение о том, что государства

воспринимают угрозу, исходящую от других акторов, является до-вольно условным. Строго говоря, познание осуществляет *индивид*. Поэтому именно особенности его познавательных процессов, а также - мотивы и переживаемые эмоции должны рассматриваться в качестве детерминант восприятия угрозы.

Вместе с тем, президент, министр или посол выступают на международной арене не как частные лица, а представители государства. Их деятельность в значительной степени регламентирована существующими институтами. Государство, в свою очередь входит в мировое сообщество, устанавливает отношения с другими акторами, подписывает соглашения, вступает в международные организации. Данное обстоятельство обуславливает необходимость рассмотреть влияние *структуры* на познание угрозы.

Структурные теории познания угрозы в международных отношениях

Значимость структурных факторов определяется тем, что угроза – это один из типов отношений, обладающих свойством организации *социальной системы* [12, с. 426], в которой взаимосвязи и взаимодействия индивидов упорядочены определенным образом. При этом влияние сложившейся структуры осуществляется либо посредством ее материальных, либо идеальных характеристик.

Неореализм уделяет внимание, прежде всего, *материальным факторам*. Так, представитель данного теоретического направления К. Уолтц отверг утверждение Г. Моргентхау о естественном стремлении государств к максимизации могущества и обратил внимание на структурные характеристики си-

стемы международных отношений. В частности, с точки зрения исследователя, основной переменной величиной является *распределение власти между государствами*. Могущество нации, в свою очередь, зависит от численности населения и размеров территории, обеспеченности ресурсами, уровня развития экономики, военной мощи, политической стабильности и компетенции [17, с. 131]. Как и сторонники теории баланса сил, К. Уолтц доказывает, что угроза является следствием асимметрии в распределении власти. И, несмотря на то, что могущество определяется целым рядом параметров, определить нарушения равновесия сил не представляется сложной задачей. Как следствие, также просто можно выявить и существующие угрозы.

Характеризуя распространение ядерного оружия и связанные с ним угрозы, К. Уолтц приходит к следующим выводам. Во-первых, учитывая стремление государств обеспечить свою безопасность, распространение ядерного оружия представляет собой неизбежный процесс. В частности, принимая во внимание военное доминирование США в мире, другие участники могут защитить себя только при помощи данного оружия. Поэтому «было бы странно, если бы, например, Иран не стремился его приобрести», - делает вывод К. Уолтц [13, с. 138]. Во-вторых, распространение ядерного оружия не является проблемой для мирового сообщества, поскольку подобный вид вооружений оказывает положительное воздействие на международную и региональную стабильность, предотвращает военные конфликты. Описанные тенденции позволяют сделать вывод о значимом влиянии *структурных факторов* на восприятие угрозы.

Сложившаяся система отношений сама «подскажет» источники угроз, связанные с распространением ядерного оружия, и направления действий по противодействию им.

Вместе с тем, познание угрозы на уровне практической политики задействует более широкий круг факторов, относящихся не только к системному, но и к *государственному* и даже *индивидуальному* уровням. Так, С. Сейган утверждает: «Для того чтобы понять, в какой ситуации ядерное оружие обеспечит сдерживание, а в какой, вероятнее всего, нет, мы должны открыть черный ящик принятия решений *в государстве* (прим. – курсив автора), чтобы увидеть, кто контролирует и управляет ядерным оружием» [13, с. 138]. В данном случае, по мнению исследователя, угрозы, возникающие в связи с распространением ядерного оружия, связаны с возможностью утраты над ним контроля. Не исключается также, что оно может быть просто украдено или продано террористам. Наряду с внутривластными переменными, значение могут иметь также «идеосинкратические факторы и процессы» [18, с. 78]. Однако, как подчеркивает Л. Данн, в теориях реализма и неореализма, трактующих решение государства о создании ядерного оружия как результат рационального выбора, «роль уникальных, отличительных психологических, культурных факторов либо вообще не рассматривается, либо недооценивается» [18, с. 83]. В этом заключается существенное ограничение отмеченных теорий.

Кроме того, реализм, как правило, критикуют и за некорректные оценки масштабов распространения ядерного оружия. Например, Дж. Гиманс приводит результаты, демонстрирующие суще-

ствование значительного разрыва между количеством государств, обладающих возможностями создать ядерное оружие, и странами, которые уже приобрели его [19, с. 457]. Особый интерес представляют случаи отказа государств от имеющихся в их распоряжении ядерных арсеналов. С учетом динамики распространения ядерного оружия, данные случаи позволяют предположить, что действиями государств руководит не только намерение обеспечить свою безопасность посредством наращивания военной мощи, но и стремление следовать *нормам и представлениям* о том, какие действия являются наиболее *уместными* в международных отношениях. Данное обстоятельство заставляет обратиться к *структурным теориям*, уделяющим внимание роли *идей*.

Например, Р. Коген, проанализировав ряд ситуаций восприятия угрозы разными государствами, сделал вывод, что в качестве релевантных показателей угрозы выступали «злоупотребление доверием или совершение противозаконных действий – нарушение <...> правил игры, которые управляют отношениями между странами» [20, с. 107]. Полученные результаты позволили ученому высказать предположение, что суть процесса познания угрозы в международных отношениях – есть предвосхищение возможных потерь в будущем, возникновение которых обусловлено нарушением другим государством норм, правил и договоренностей, регламентирующих отношения в той или иной сфере.

Значимость факта несоблюдения установленных «правил игры» для построения суждения о существовании угрозы определяется тем, что они позволяют государствам предвидеть поведение друг

друга в тех или иных ситуациях. Нормы и правила также могут использоваться в качестве средства давления на партнера с целью добиться от него установленных паттернов поведения. Взятые вместе при соблюдении условий транспарентности и открытости, они обеспечивают участникам международных отношений пространство для свободного обмена информацией, что, в конечном итоге, способствует демонстрации намерений акторов. Отказ следовать правилам влечет за собой предвидение потерь, что будет расценено как угроза.

Однако данный вывод также не всегда встречает поддержку в практике международных отношений. Так, Г. Чафетц, анализируя политику США и других демократических государств в области поддержания режима нераспространения ядерного оружия, находит многочисленные примеры расхождений в оценках угроз данному режиму со стороны разных стран. Например, США вводили в отношении Китая санкции за продажу Пакистану запрещенных для распространения технологий, но не приняли аналогичные меры в отношении европейских фирм, которые способствовали развитию ядерной программы как данного, так и ряда других государств. Фактически в обоих случаях имело место нарушение установленных норм и правил, однако как источник угроз оценивались только действия КНР. Различия в оценках угрозы демонстрируют, что связь «нарушение норм – угроза» опосредована другими переменными. Г. Чафетц делает вывод, что в качестве такой переменной выступает «самоидентификация группы либеральных государств» [21, с. 743]. Таким образом, на первый план выходят характери-

сти индивидуальных и коллективных субъектов, осуществляющих познание угрозы, а именно – их идентичность.

Рассмотренные структурные теории позволяют сделать вывод, что, с одной стороны, они не ограничиваются изучением отдельных субъектов, действующих в определенных ситуациях в тот или иной период, а исследуют взаимодействия между ними, отражая тем самым природу угроз как способствующих организации социальных систем. С другой стороны, ограничения данных теорий связаны с тем, что они недооценивают влияние переменных, отражающих специфические характеристики отдельных государств и субъектов принятия политических решений.

Проблема познания угрозы в теории социального конструктивизма

Отмеченные выше ограничения структурных и индивидуалистических теорий, позволяет сделать вывод, что максимальные возможности для изучения механизмов познания угрозы, в целом, и распространения ядерного оружия, в частности, представляла бы теория, которая позволяет преодолеть существующую дихотомию индивидуального и социального, агентов и структуры. По нашему мнению, подобным потенциалом обладает теория социального конструктивизма.

Согласно конструктивистам, взаимодействие индивидов осуществляется в рамках различных социальных групп – этнических, гендерных, профессиональных и других. Данные социальные образования в ходе своей деятельности создают, поддерживают и изменяют среду существования посредством системы значений, раз-

деляемых представлений о мироустройстве. При этом если индивиды не поддерживают доминирующую в обществе систему значений, социальные структуры перестают существовать.

Отношения между государствами в области обеспечения безопасности также строятся в контексте существующей системы значений. При этом, конструируя суждения о наличии угрозы, субъекты принятия решений учитывают и «материальные» характеристики, в числе которых можно назвать и баланс сил на международной арене. Однако, как подчеркивает А. Вендт, влияние данных факторов зависит от взаимных договоренностей и ожиданий, от распределения знаний, которые лежат в основе представлений акторов о себе и других. «Именно коллективные значения составляют структуры, организующие наши действия» – подчеркивает ученый [22, с. 397]. Вместе с тем утверждение о когнитивной основе существования институтов не означает, что они представляют собой ничего больше, чем убеждения индивидов. А. Вендт доказывает, что институты предстают перед акторами как социальный факт, но в то же самое время – и как следствие разделяемых ими знаний [22, с. 399].

Таким образом, социальная структура всегда соотнесена с «объективными» характеристиками действительности, ее невозможно просто «придумать». Следовательно, знания являются не только основой для интерпретации действительности рациональным актором. Скорее, можно говорить о *взаимопорождении знаний и характеристик среды*, в контексте которой взаимодействуют индивиды. Разделяя точку зрения о том, что не все в реальности обусловлено идеями, и что действия ак-

торов соотносимы с характеристиками действительности, конструктивисты пытаются преодолеть противопоставление идеального и материального.

Наряду с этим, они подчеркивают, что стабильность существующего социального порядка, также как и его изменение зависят от действий индивидов, которые, в свою очередь, определяются особенностями социально-политического, пространственного и исторического контекста. Однако, обсуждая проблему соотношения коллективного и индивидуального, агентов и структуры, сторонники данного теоретического направления не отдают «онтологического первенства» [23, с. 3] ни одному из данных элементов. Они характеризуют отношения между ними как «*взаимопорождение частей и целого*» [24, с. 22], агентов и структуры. Иначе говоря, институты соответствуют идентичности и интересам индивидов, которые их создают. Идентичность субъекта, в свою очередь, приобретает стабильность и воспроизводится в рамках соответствующих институтов в результате процесса *социализации*.

Таким образом, конструктивизм пытается преодолеть оппозицию коллективного и индивидуального и тем самым позволяет не сводить данный процесс ни к детерминирующему влиянию существующей структуры международных отношений, ни к произвольным решениям отдельных индивидов. Вместе с тем, термин «идентичность», входящий в понятийный аппарат теории конструктивизма, способствует тому, чтобы на теоретическом уровне был зафиксирован принцип, который имплицитно присутствует практически во всех исследованиях угрозы. В качестве объекта позна-

ния выступает не просто «угроза», а намерения причинить вред, исходящие от данного конкретного государства. Познание осуществляется не абстрактный субъект, а политик или группа, выступающие от имени той или иной страны. Данный принцип, в частности, позволяет объяснить различия в восприятии государствами угрозы распространения ядерного оружия. Как отмечает Р. Эйнхорн, страны, стремящиеся к его приобретению, придерживаются своей особой политики, поэтому представляется затруднительным выявить единые паттерны распространения оружия массового уничтожения. В результате государства вынуждены не только рассматривать *отдельно* каждый случай появления данной угрозы, но и разрабатывать особую стратегию по противодействию ей [7, с. 493]. При этом можно предположить, что в качестве факторов, лежащих в основе восприятия угрозы, выступают характеристики *идентичности государства*, стремящегося к приобретению подобного оружия, а также - особенности *идентичности* государства, осуществляющего познание.

Проанализируем сформулированное предположение, рассмотрев особенности восприятия США угрозы, которая исходит от Северной Кореи, обладающей ядерным оружием.

Идентичность США как фактор восприятия угрозы распространения ядерного оружия

В качестве объекта исследования выступает политика США по отношению к Северной Корее в 2000-2006 гг. Выбор для рассмотрения данного периода обусловлен, во-первых, изменениями оценок американского политического

руководства относительно последствий распространения ядерного оружия после событий 11 сентября 2001 г. В частности, Концепция национальной безопасности США 2002 г. бросает вызов довольно распространённому мнению о том, что ядерное сдерживание способствует поддержанию мира, поскольку возможность нанесения ядерного удара не сможет предотвратить совершение терактов с применением оружия массового уничтожения [25, с. 15].

Во-вторых, данный период характеризуется существенным прогрессом в развитии северокорейской ядерной программы. В январе 2003 г. Северная Корея вышла из ДНЯО. 31 марта 2006 г. северокорейский МИД объявил КНДР государством, обладающим ядерным оружием. 4 июля того же года было проведено испытание баллистических ракет, а 9 октября – первое подземное ядерное испытание.

В-третьих, американская политика в сфере нераспространения в рассматриваемый период отличается противоречивостью. С одной стороны, США прилагают значительные усилия по прекращению работ на ядерных объектах Ирана, который является членом ДНЯО, и декларирует мирную направленность исследований в ядерной области. С другой стороны, США в июле 2005 г. договорились с Индией об экспорте ядерного оборудования и технологий. Значимость отмеченных тенденций заключается в том, что в обоих случаях американская сторона нарушила условия ДНЯО. Иран, подписав данный договор и необходимые соглашения с МАГАТЭ, обладает правом на использование ядерных технологий в мирных целях. В то же самое время, американо-индийское сотрудничество свидетельствует о нарушении

США своих обязательств не передавать ядерные технологии государствам, не подписавшим ДНЯО, пока они не поставят все свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ¹. В целом, по мнению экспертов, «Вашингтон все более скептически смотрит на универсальные меры укрепления ДНЯО и связанных с ним режимов и организаций, отдавая предпочтение адресным мерам в отношении отдельных государств и компаний» [8, с. 66]. Таким образом, противоречивая политика США стала следствием переосмысления политическим руководством данной страны эффективности существующей стратегии в сфере нераспространения и поиска нового инструментария в данной области.

Отмеченные тенденции позволяют предположить, что познание США угрозы, которая исходит от Северной Кореи, обладающей ядерным оружием, определяется содержанием *трех взаимосвязанных друг с другом наборов убеждений*, разделяемых субъектами принятия решений, прежде всего, президентом Дж.У. Бушем. Первый отражает представления американского политического руководства об идентичности, статусе и роли Северной Кореи на международной арене (*образ государства*). Второй – содержит аналогичные представления о США (*образ «Я» государства*). Третий – включает убеждения относительно перспектив распространения ядерного оружия, а также – эффективности существующих режимов нераспространения. Рассмотрим отмеченные категории убеждений.

В соответствии с основными положениями теории социального конструктивизма, угроза может быть определена в качестве осо-

бого типа отношений между государствами, каждое из которых характеризуется существованием определенных *интересов и намерений, ресурсов* для их реализации, а также *уязвимостью* в тех или иных сферах. При этом содержание интересов, целей и уязвимости соотнесено с их *идентичностью*. Данное определение позволяет сделать вывод, что познание угрозы сопровождается одновременным конструированием как образа государства, от которого исходит опасность, так и образа государства – субъекта познания. При этом в основе данного процесса лежит *сравнение* характеристик двух стран [26].

Результаты исследования текстов речей Дж.У. Буша при помощи методики контент-анализа, направленной на выявление характеристик идентичности, статуса и роли государства, позволяют описать следующие направления сравнения образов США и Северной Кореи.

Прежде всего, необходимо отметить, что конструирование суждения об угрозе, исходящей от КНДР, осуществляется с учетом восприятия *различий идентичностей двух государств*, прежде всего, ключевых ценностей (прежде всего, свободы), а также характеристик политических режимов. Северная Корея рассматривается как закрытая и несвободная страна, руководители которой установили репрессивный режим, нарушают права человека, тратят значительные средства на содержание армии, в то время как экономика находится в плачевном состоянии. *Прямые сравнения*, которые использует Дж. У. Буш, характеризуя ситуацию в КНДР, указывают на существование различий Северной Кореи и США, а также Северной и Южной Кореи,

которая рассматривается как разделяющая ценности, схожие с американскими. В частности отмечается, что север и юг Корейского полуострова отличаются друг от друга как подавление и свобода, и Южная Корея выступает как лучшая альтернатива КНДР. Сравнения с США указывают на отсутствие в Северной Корее свободы прессы, а также на закрытость северокорейского общества.

Влияние характеристик идентификационного компонента образа КНДР проявилось и при оценке возможностей данного государства причинить вред. Традиционно данный компонент угрозы рассматривается как *элемент объективной действительности*, дающий субъекту основания для конструирования суждения о наличии или отсутствии опасности. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что суждение президента США о наличии у данного государства средств доставки ядерного оружия определяется *убеждениями* Дж.У. Буша о характеристиках северокорейского политического режима. В частности, на пресс-конференции 28 апреля 2005 г. он отметил: «Мы не знаем, располагает ли Ким Чен-Ир средствами доставки ядерного оружия, но я думаю, когда имеешь дело с таким тираном, лучше будет допустить, что такая возможность есть» [28].

В основе суждения американского президента об угрозе лежит воспринятое *несоответствие* между статусом, которым США наделяют КНДР (*предписываемый статус*), и статусом, на который данное государство претендует в системе международных отношений (*достигнутый статус*). В частности, восприятие угрозы со стороны Северной Кореи сопряжено с утверждением о том, что она

не должна обладать ядерным оружием (*предписываемый статус*). Озабоченность США основывается на убежденности в том, что КНДР продолжает обогащение урана, развивает ракетную программу и стремится увеличить количество ядерного оружия (*достигнутый статус*). При этом в заявлениях Дж.У. Буша имеются указания на «неповиновение» Северной Кореи, «неуважение» взятых на себя обязательств. Подобные утверждения также служат аргументом в поддержку предположения о том, что в основе суждения об угрозе лежит воспринятое несоответствие предписанного и достигнутого статуса КНДР.

Еще одно направление сравнения представлено сопоставлением содержания *ролевой концепции Северной Кореи* и ее идентичности, а также – статуса на международной арене. В частности, президент США подчеркивает необходимость того, чтобы КНДР прекратила работы в рамках ядерной программы, демонтировала оборудование так, чтобы международное сообщество могло проконтролировать данный процесс. При этом подчеркивается, что она должна не просто заморозить программу, а полностью исключить возможность возобновления работ на ядерных объектах. Основанием для конструирования подобного суждения стали особенности *идентификационного* компонента образа КНДР, прежде всего, характеристики политического режима данного государства.

Наряду с несоответствием исполняемых ролей идентичности Северной Кореи суждение о наличии угрозы строится также с учетом воспринятого *расхождения ролей и статуса* КНДР. В частности, подчеркивается, что она нарушила условия Рамочного согла-

шения 1994 г., согласно которому должна быть остановлена плутониевая программа и сформулированы условия контроля инспекторами МАГАТЭ так называемых «спорных объектов» (газографитные реакторы и радиохимическое производство). Однако, как подчеркивает президент США, вопреки соглашению Северная Корея продолжает обогащение урана, создает ядерное оружие. В декабре 2002 г. после взаимных обвинений в невыполнении условий Рамочного соглашения КНДР заявил о возобновлении работы и строительства ядерных объектов по производству электроэнергии; инспекторы МАГАТЭ высланы из страны.

Северная Корея продемонстрировала непоследовательность и в ходе начавшихся в 2003 г. шестисторонних переговоров. В соответствии с Пекинской декларацией от 19 сентября 2005 г. КНДР подтвердила намерение демонтировать свою ядерную программу. Но уже 10 февраля 2006 г. МИД Северной Кореи объявил о приостановке участия в шестисторонних переговорах, а также о намерении страны наращивать свой ядерный потенциал. В феврале 2007 г. в ходе очередного раунда шестисторонних переговоров согласовано Совместное заявление, которое предполагало ликвидацию объектов, связанных с реализацией ядерной программы. Однако участники переговорного процесса вновь столкнулись с трудностями при выполнении достигнутых соглашений. Таким образом, в основе восприятия американским политическим руководством угрозы, исходящей от КНДР, лежит представление о ней как о ненадежном, непредсказуемом государстве, нарушающем свои обязательства не только перед США, но и другими странами.

Конструирование парных образов США и Северной Кореи, позволяющих определить отношения между ними как содержащие угрозу, осуществляется с учетом представлений американского политического руководства о *значении ядерного оружия в качестве средства обеспечения безопасности*. Содержание данной категории убеждений может быть рассмотрено в контексте дискуссии между так называемыми «ядерными оптимистами» и «пессимистами» [13, с. 142] о последних этапах распространения ядерного оружия.

Оптимисты полагают, что распространение ядерного оружия оказывает положительное воздействие на поддержание безопасности, позволяя предотвратить вооруженные конфликты между странами. В свою очередь, пессимисты доказывают, что распространение ядерного оружия имеет отрицательные последствия, поскольку приводит к международной и региональной нестабильности. Зачастую к приобретению подобного оружия стремятся государства из конфликтогенных регионов. А война может привести к серьезным последствиям, прежде всего, к преодолению «табу» на применение ядерного оружия [29].

Политика США в области распространения на первый взгляд соответствует идеям пессимистов. Данное государство сыграло ключевую роль в международных усилиях по контролю над распространением ядерного оружия, в том числе, в подготовке ДНЯО. По сути данный договор, как и многие другие документы должны были способствовать тому, чтобы количество государств, обладающих ядерным оружием, не увеличивалось, а те страны, которые уже обладали им, предприняли усилия по разоружению. Вместе с

тем, история распространения ядерного оружия позволяет сделать вывод, что действия США в отношении стран, стремящихся в «ядерный клуб», зависели и от того, *какое государство* принимало решение приобрести ядерное оружие. В частности, некоторые ученые рассматривали установленный режим нераспространения в качестве средства воспрепятствовать приобретению ядерного оружия промышленно развитыми государствам, такими как Германия и Япония [9, с. 493]. США и другие представители мирового сообщества добились отказа от ядерного оружия или программ по его созданию от ЮАР, Бразилии, Аргентины, Южной Кореи, Тайваня, Ливии, Ирака, республик бывшего СССР. При этом признаваемый факт наличия у Израиля ядерного оружия не становился предметом обсуждения или решительных действий. Если обладание ядерным оружием одними странами считается неопасным (Индия, Пакистан), то другими - угрожающим и недопустимым (Иран, Северная Корея).

Таким образом, убеждения американского политического руководства относительно нераспространения основываются как на идеях «оптимистов», так и «пессимистов». С одной стороны, допуская существование ядерного оружия в отдельных странах, США поддерживают убежденность первых в эффективности сдерживания. С другой стороны, подразделяя страны, стремящиеся к приобретению ядерного оружия, на «ответственные» и «безответственные» [9, с. 491], США соглашаются с пессимистами в том, что новым ядерным государствам будет трудно создать эффективные системы контроля. Они столкнутся с непреодолимыми тех-

нологическими и организационными препятствиями для достижения стабильного сдерживания, повышая опасность применения ядерного оружия.

На практике подобные убеждения обусловили выработку политики, которая направлена не только на обеспечение нераспространения ядерного оружия, но и нацелена на *предотвращение* попыток ряда государств по его созданию. В частности, выработанная администрацией Дж.У. Буша стратегия борьбы с распространением оружия массового уничтожения основывается на трех составляющих: «контрраспространении, усилении режимов нераспространения, управлении ликвидацией последствий применения ОМУ» [8, с. 64]. При этом меры по противодействию распространения ядерного оружия подразумевают применение санкций, вплоть до военной силы, против «пороговых стран». Примером применения подобных мер может служить Северная Корея. Рассмотренные ранее характеристики идентификационного и статусного компонентов образа КНДР, сконструированного Дж.У. Бушем, позволяют сделать вывод, что она принадлежит к категории государств, которые ни при каких обстоятельствах не должны обладать ядерным оружием.

Таким образом, оценивая последствия развития северокорейской ядерной программы Дж. У. Буш сконструировал *целостную картину*, в рамках которой *отношения между США и КНДР* определяются как содержащие угрозу безопасности. Кроме того, данная картина мира включает также и *стратегию* по противодействию данной угрозе, выбор которой определяется базовыми представлениями об основных тенденциях в области распростране-

ния оружия массового уничтожения.

Заключение

Рассмотренные теории, а также результаты изучения особенностей восприятия американским политическим руководством угрозы, которая исходит от Северной Кореи, обладающей ядерным оружием, позволяют сформулировать следующие положения, раскрывающие механизмы познания угрозы распространения ядерного оружия в условиях неопределенности.

Прежде всего, необходимо отметить, что угроза в международных отношениях представляет собой разновидность *субъект-субъектных отношений*, которые являются элементом существующей *социальной структуры*. В качестве последней выступает сложившаяся *архитектура безопасности*, представленная заключенными договорами, созданными военно-политическими союзами, выработанными нормами и правилами взаимодействия, а также – общими представлениями о сферах уязвимости и основных источниках опасности.

В свою очередь, восприятие угрозы может рассматриваться как процесс *социального познания*. При этом в качестве объекта познания выступает не «угроза» как таковая, а действия государства на международной арене, то есть *социальный объект*. В результате данного процесса конструируется образ государства, от которого исходит угроза, а также – образ государства – субъекта познания. Иначе говоря, познание угрозы связано с установлением *конституирующих отношений*. Кроме того, существенный вклад в восприятие угрозы вносят разделяемые субъектом представления о

сферах уязвимости и основных источниках опасности, а также – наиболее эффективных методах борьбы с ними. В результате, в процессе познания субъектом угроз своей безопасности формируется целостный *паттерн*, включающий идентичность взаимодействующих субъектов, соответствующую систему значений и институциональные структуры, призванные отразить проблемы в области безопасности в определенный период времени в сложившихся культурных и исторических условиях.

Процесс познания угрозы было бы неверно рассматривать как находящийся под детерминирующим влиянием существующей структуры международных отношений. В то же самое время данный процесс не может быть объяснен только влиянием когнитивных, эмоциональных и мотивационных характеристик индивида. Фактически речь должна идти о формулировке теории познания угрозы среднего уровня, которая, с одной стороны, учитывает влияние общества в его системной целостности на решения отдельных государств, и, с другой стороны, принимать во внимание их уникальные особенности, идентичность и интересы.

Литература:

1. Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // Внешняя политика и безопасность России 1991-2002: Хрестоматия в четырех томах / Сост. Т.А. Шаклеина. Том 1. Исследования. М.: МГИМО, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. С. 38-57.
2. Ядерное нераспространение / И.А. Ахтамазян и др. Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е издание. Том 1. М.: ПИР-Центр, 2002.

3. Dong-Joon Jo, Gartzke E. Determinants of Nuclear Weapons Proliferation // *Journal of Conflict Resolution*, 2007. № 51. P. 167-194.
4. Пикаев А., Степанова Е. Нераспространение и ядерный терроризм // *Ядерное оружие после «холодной войны»* / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 310-357.
5. Chyba Ch., Sasikumar K. A World of Risk: The Current Environment for US Nuclear Weapons Policy // *US Nuclear Weapons Policy: Confronting Today's Threats* / Ed. by G. Bunn, Ch.F. Chyba. Washington: Brookings Institution Press, 2006. P. 1-33.
6. Булычев Г., Воронцов А. Северная Корея: опыт ядерного распространения // *У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения* / Под ред. А. Арбатова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 16-33.
7. Einhorn R.J. Identifying Nuclear Aspirants and Their Pathways to the Bomb // *The Nonproliferation Review*, 2006. Vol. 13. № 3. P. 491- 499.
8. Дворкин В., Каменнов, Кириченко Э., Пырьев В., Ярославцев С. Ядерная политика «большой пятерки» // *Ядерное оружие после «холодной войны»* / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 39-101.
9. Carranza M.E. Can the NPT Survive? The Theory and Practice of US Nuclear Non-proliferation Policy after September 11 // *Contemporary Security Policy*, Vol.27, № 3. P. 489-525.
10. Вендт А. Четыре социологии международной политики // *Международные отношения: социологические подходы* / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 48-90.
11. Кутейников А.Е. Отечественная традиция в социологии международных отношений // *Политическая социология: теоретические и прикладные проблемы* / Под общ. ред. Н.Г. Скворцова, А.О. Бороноева, С.М. Елисеева. СПб.: Издат. Дом СПбГУ, 2007. С. 69-83.
12. Boulding K.E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // *American Economic Review*, 1963. Vol. 53, No. 2, Papers and Proceedings of the Seventy-Fifth Annual Meeting of the American Economic Association. P. 424-434.
13. Sagan S., Waltz K., Betts R. K. A Nuclear Iran: Promoting Stability or Courting Disaster // *Journal of International Affairs*, 2007. Vol. 60, № 2. P. 135-150.
14. The National Security Strategy of the United States of America. March, 2006 // <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/>
15. Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // *Psychology and Deterrence* / Ed. by R. Jervis, R. Ned Lebow, J. Gross Stein. Baltimore, London: John Hopkins University Press, 1985. P. 13-33.
16. Pruitt D.G. Threat Perception, Trust and Responsiveness in International Behavior. Technical report № 11. Office of Naval Research, Washington DC, 1964.
17. Waltz K. N. *Theory of International Politics*. NY.: McGraw-Hill, 1979.
18. Dunn L.S. Nuclear Proliferation Epidemiology: Uncertainty, Surprise and Risk Management // *Managing Strategic Surprise: Lessons from Risk Management and Risk Assessment* / Ed. by P. Bracken, I. Bremmer, D. Gordon. Cambridge:

Cambridge University Press, 2008. P. 78-109.

19. Hymans J. E. C. Theories of Nuclear Proliferation // *The Nonproliferation Review*, 2006. Vol. 13. № 3. P. 455-465.

20. Cohen R. Threat Perception in International Crisis // *Political Science Quarterly*, 1978. Vol. 93. № 1. P. 93-107.

21. Chafetz G. The Political Psychology of Nuclear Nonproliferation Regime // *The Journal of Politics*, 1995. Vol. 57. No 3. P. 743-775.

22. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*, 1992. № 46. P. 391-425.

23. Klotz A., Lynch C. *Strategies for Research in Constructivist International Relations*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007.

24. Коркюф Ф. *Новые социологии*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.

25. *The National Security Strategy of the United States of America*. September, 2002 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf>

26. Смирнова А.Г. Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Ирана) // *Политические исследования (ПОЛИС)*, 2008. № 5. С. 34-44.

27. Евсеев В. *Мировой оборот ядерных материалов и технологий // Ядерное оружие после «холодной войны»* / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 178-204.

28. Bush G.W. Press Conference of the President. April 28, 2005 // <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/04/20050428-9.html>

29. Tannenwald N. The Nuclear Taboo: the United States and the Normative Basis of Nuclear Non-use // *International Organization*, 1999. Vol. 53. № 3. P. 433-471.

Ссылка:

1 В качестве условия поставок выступали обязательства, которые должна взять на себя Индия в ядерной области. В частности она должна разделить гражданский и военный секторы своей ядерной деятельности и поставить гражданскую деятельность под гарантии МАГАТЭ, включая положения Дополнительного протокола. Однако эксперты высказывают сомнения в выполнении данных обязательств, поскольку «всё имеющееся у Индии производство по обогащению урана имеет военный характер и не будет поставлено под гарантии МАГАТЭ» [27, с. 183].

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Конъюнктурные модели экономического поведения

Верховин В. И.

В статье анализируются модели экономического поведения в условиях колебания рыночной конъюнктуры. Рассматриваются особенности поведения предпринимателей и наемных работников в процессе динамики длинных волн Н. Д. Кондратьева. Дается классификация этих моделей и их отличие в зависимости от фаз экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: длинные волны Н. Кондратьева, экономический спад, экономический подъем, экспансионистские, оптимистические, стабилизационные, консервативные модели экономического поведения.

Verhovin V. I.

Conjunctural models of economic behaviour

In article models of economic behaviour in the conditions of market conditions fluctuation are analyzed. Features of behaviour of businessmen and hired workers in the course of dynamics of long waves of N.D. Kondratyev are considered. Classification of these models and their difference depending on phases of an economic conjuncture is given.

Keywords: N. Kondratyev's long waves, economic recession, economic lifting, экспансионистские, optimistic, stabilisation, conservative models of economic behaviour.

Наиболее массовые модели экономического поведения на рынке демонстрируют работники и работодатели, которые находятся в состоянии перманентного поиска равновесия своих экономических интересов по отношению друг к другу. Однако в реальности равновесие рынка труда как для тех, так и для других является недостижимым идеалом. Это связано в том числе и с тем, что конъюнктура рынка находится в состоянии постоянных колебаний, которые порождаются множеством эндогенных и экзогенных факторов. Поэтому и работники, и работодатели перманентно предпринимают многочисленные усилия, которые направлены на оптимизацию рисков, связанных с падением и подъемом рыночной конъюнктуры.

Эти усилия, во-первых, могут носить стихийный характер и проявляться в различных формах индивидуальных, групповых и массовых спонтанных реакций, которые со стороны наемных работников направлены на создание стабильных и приемлемых условий занятости, а со стороны предпринимателей (работодателей) – на

поиск надежных механизмов обеспечения прибыльности и рентабельности предприятий.

Во-вторых, подобные усилия имеют тенденцию к рационализации. Так, в процессе переговоров профсоюзов и работодателей относительно достижения общественно допустимых и целесообразных «порогов терпения» устанавливаются договорные критерии распределения социальных и экономических издержек и страхования рисков с обеих сторон.

В-третьих, функцию сохранения социального равновесия между наемным трудом и капиталом, постоянно нарушаемого конъюнктурными факторами рынка, выполняет правительство, которое в развитых и богатых экономиках перераспределяет ресурсы и доходы таким образом, чтобы амортизировать конфликты сторон, и восстанавливать необходимые «пропорции» общественного согласия между ними.

И все же социально-политические механизмы и институты социального партнерства, обеспечивающие достижение и поддержание социального равновесия между основными субъектами рынка — наемными работниками и работодателями (предпринимателями) — не могут полностью амортизировать результаты объективного действия экономической конъюнктуры, которая наблюдается в форме больших, средних и малых колебаний. Тем более что, по мнению Л. Мизеса, именно интервенционистское воздействие государства на рыночный процесс, стимулированное теоретиками регулирования рынка и адептами социальной экономики, заводит ее в такие тупики, которые только усиливают, а не сглаживают отрицательные последствия конъюнктурных подъемов и спадов¹.

Многочисленные исследования показали, что конъюнктурные колебания воздействуют на массовую психологию и поведение больших групп людей, включенных в рыночный процесс. В свою очередь «социальная конъюнктура» массовых настроений, мнений, социальных установок и экономических решений рыночных агентов, актуализирующихся под влиянием изменяющихся показателей и параметров рыночной конъюнктуры, прямо или косвенно влияет на функционирование рыночного механизма.

Эффекты, которые «деформируют» рыночный механизм в условиях конъюнктурных колебаний, являются еще одним доказательством того, что стохастическая структура массовых действий экономических агентов, преследующих свою выгоду, дискретна по своему содержанию, а рациональный элемент не всегда и не обязательно занимает в ней доминирующее место. Это касается, как ситуаций экономического спада, в рамках которого каждый «спасается, как может», так и экономического бума, в рамках которого каждый старается получить наибольшие преимущества и выгоды, не думая об отрицательных долгосрочных последствиях своих максимизационных действий².

Например, Дж. Кейнс по этому поводу утверждал следующее. Заметная часть действий экономических агентов, поскольку они направлены на что-то позитивное, зависит скорее от самопроизвольного оптимизма, нежели от скрупулезных расчетов, основанных на моральных, гедонистических или экономических мотивах. Большинство наших решений позитивного характера, последствия которых скажутся в полной мере лишь по

происшествии многих дней, принимаются под влиянием одной лишь жизнерадостности – этой спонтанно возникающей решимости действовать, а не сидеть, сложа руки, но отнюдь не в результате определения арифметической средней из тех или иных количественно измеряемых выгод, взвешенных по вероятности каждой из них³. Надо помнить, что человеческие решения, воздействующие на будущее в личных, политических или экономических делах, не могут полагаться на строгие математически обоснованные предположения, поскольку отсутствует база для их обоснования⁴.

Феномен экономической конъюнктуры связан не только с рациональными решениями, принимаемыми различными субъектами в определенный момент времени, но и в не меньшей степени – с колебаниями массовой психологии агентов рынка. То есть их экономическая мотивация находится под влиянием «приливов» и «отливов» оптимизма и пессимизма (эффект «animal spirits»)⁵, которые сопровождают различные фазы рыночных колебаний и влияют на методы рационального выбора экономических агентов, не важно, в каком секторе специализации они действуют.

И это тем более верно в связи с отсутствием объективных доказательств того, что сама экономическая рациональность является абсолютным условием поведения рыночных агентов.

Во-первых, потому, что ни один экономический агент не обладает полным знанием о поведении рыночного механизма и вынужден действовать в условиях рыночной неопределенности методом проб и ошибок. Это касается как рядовых агентов рынка, например наемных работников, так и работодателей

(предпринимателей), а также тех экспертов и государственных чиновников, которые принимают ответственные решения, «регулируя» параметры рыночного механизма.

Во-вторых, потому, что индивидуальные рациональные действия экономических субъектов могут называться таковыми только в дискретном поле конкретных рыночных ситуаций в пределах их (субъектов) понимания и интерпретации будущих событий. Все то, что находится за пределами их рационального понимания, превращается в предположения и описывается в терминах вероятностной логики неопределенности и риска. Таким образом, «сектор» рационального поведения весьма ограничен как для тех, кто стремится действовать рационально, так и для тех, кто прогнозирует и оценивает их действия.

В-третьих, потому, что не существует универсальных методов эквивалентного согласования экономических интересов в процессе рыночного обмена – в стохастической среде рынка всегда действуют элементы конкуренции, которые предполагают выигрыш одной стороны и проигрыш другой. И так далее.

В современных экономических теориях, анализирующих поведение рыночных субъектов в условиях конъюнктуры, объяснение массовых реакций социального, социально-психологического и психологического плана, влияющих на функционирование механизма спроса – предложения, носит, как правило, фрагментарный характер частных гипотез и предположений. Эти гипотезы формулируются, преимущественно, на уровне здравого смысла или на основе тех или иных психологических или социологических концепций, которые вводятся в эко-

номические теории с целью объяснить те или иные «аномалии» поведения различных секторов рынка в условиях краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных конъюнктурных колебаний⁶.

Отметим, что наиболее интересные и обобщенные модели конъюнктурного поведения демонстрируются в рамках теоретического и эмпирического анализа длинноволновых колебаний. Большинство концепций, объясняющих динамику этих колебаний (волн Н. Кондратьева), ориентировано на поиск теоретического (и статистического) конструирование социально-экономических механизмов, детерминирующих *длинные волны инноваций* (И. Шумпетер, Н. Кондратьев, Г. Менш, А. Клейнкнехт, Дж. Ван Дейн, В. Маевский и др.)⁷.

Отметим, что в центре инновационного процесса стоят конкретные люди, ментальные, психологические и поведенческие особенности которых, с одной стороны, во многом зависят от социально-экономической конъюнктуры, с другой – оказывают на нее существенное влияние. Все это может способствовать проявлению активных или, наоборот, пассивных реакций человеческого фактора на те или иные сигналы экономической среды. На этот факт указывают, в частности, исследования К. Де Грина, который разработал макропсихологическую типологию поведения людей в рамках длинноволнового цикла Кондратьева. Если объединить типологию К. Де Грина с обобщенной типологией социально-экономических ситуаций длиной волны Дж. Ван Дейна и Ч. Фримена, то можно показать особенности массовых поведенческих реакций различных агентов рынка, синхронных различным фазам длинноволнового экономического цикла.

По Де Грину, массовые поведенческие реакции экономических агентов перманентно испытывают колебания в зависимости от конъюнктуры рыночных колебаний. Это, в частности, относится и к таким субъектам рынка, как наемные работники и работодатели (предприниматели). Они в различных фазах длинных волн меняют ценности, приоритеты и мотивации своего поведения. Они интенсифицируют, оптимизируют или, наоборот, снижают свою экономическую и социальную активность в зависимости от объективных условий той рыночной среды, в рамках которой они действуют (табл. 1).

Следует подчеркнуть, что нельзя рассматривать эти реакции с точки зрения односторонней детерминации, в соответствии с которой агенты рынка выступают лишь в качестве пассивной стороны, испытывающей воздействие объективных факторов. Нам представляется, и на это в своей теории социального поведения указывал Н. Кондратьев, что перед нами *система взаимной детерминации*, в рамках которой наблюдаются «двухсторонние функции эластичности» между экономическими механизмами, которые вызывают конъюнктурные колебания, и массовыми поведенческими реакциям различных агентов рынка. Естественно, что в реальности это функциональное соотношение установить достаточно сложно. Однако вполне уместно, опираясь на предположения К. Де Грина, Дж. Ван Дейна и Ч. Фримена, представить некую гипотетическую интерпретацию процессов взаимодействия указанных экономических и неэкономических факторов, которые наблюдаются в различных фазах длинных волн. Эту интерпретацию можно осуществить, выделив наиболее типичные моде-

Таблица 1
Синхронизация типологий социально-экономических ситуаций (по Ван Дейну и Фримену) и массовых поведенческих реакций (по Де Грину) в рамках циклов Кондратьева⁹

Параметры экономической ситуации	Характеристики макроэкономической ситуации по ван дейну и фримену			
	Фазы длинной волны			
	Депрессия	Оживление	Процветание	Рецессия
ВВП	Минимальный рост или отсутствие роста	Увеличение темпов роста	Устойчивый и быстрый рост	Снижение темпов роста
Инвестиционный спрос	Излишние производственные мощности и их недоиспользование. Рационализация инвестиций	Рост замещающих инвестиций, возникновение новых секторов	Устойчивое расширение капитальных запасов. Рост инвестиций в инфраструктуру	Инвестиции, увеличивающие масштабы производства
Потребительский спрос	Продолжающийся спрос за счет личных сбережений. Удорожание сбережений	Покупательная способность в поисках новых предложений и рынков	Расширение спроса во всех секторах	Продолжающийся рост в новых секторах
Занятость	Массовая безработица в соответствии с рационализацией и стагнирующим спросом	Снижение нормы безработицы по мере обновления основного капитала и роста спроса на новые продукты	Достижение «полной» занятости по мере распространения влияния лидирующего сектора на всю экономику	Рост безработицы
Рыночная структура	Монополистическая или олигополистическая рыночная структура, рост нормы банкротств	Формирование новых рынков с немногими конкурентами	Конкурентный рынок в ранней стадии с последующей концентрацией и централизацией капитала	Процесс слияний, концентрации и централизации капитала, формирование монополистической рыночной структуры
Восприятие прямой угрозы	Падает до максимума	Падает	Слабое	Растет
Восприятие благоприятной возможности	Расширяется	Широкое	Ограничено	Очень ограничено
Творческая активность	Увеличивается до максимума	Поддерживается на высоком уровне	Колеблется, затем уменьшается	Низкая
Обучение	Увеличивается	Высокое	Падает	Низкое
Тревога	Уменьшается	Низкая	Низкая	Достигает максимума
Стремление к риску	Растет	Высокое	Падает	Низкое
Мотивация, мораль, удовлетворение работой	Растет	Высокое	Падает	Низкая
Отчуждение и падение прав	Падает	Низкое	Растет	Наибольшее
Ценности	Экономические	Конфликтные	Космополитические	Консервативные

длинных волн могут быть представлены следующим образом (табл. 2).

Экспансионистская модель поведения в фазе депрессии. В этой фазе спад производства, отсутствие роста ВВП, появление излишних, не использующихся мощностей, банкротства и тому подобные последствия депрессии вызывают следующие реакции предпринимательского корпуса. Происходит массовая консолидация инновационного потенциала, который концентрируется в направлении поиска альтернатив, нивелирующих и амортизирующих последствия депрессии. Эти альтернативы могут быть самыми разными: от защиты капитальных и финансовых активов в условиях кризиса до поиска технологических, организационных и институциональных инноваций, способ-

ли поведения предпринимателей (работодателей) и наемных работников.

Наиболее типичные модели экономического поведения предпринимателей в рамках четырех фаз

тернативы могут быть самыми разными: от защиты капитальных и финансовых активов в условиях кризиса до поиска технологических, организационных и институциональных инноваций, способ-

ствующих максимальному снижению издержек производства. Но самое главное, что все альтернативы экспансионистско-

Таблица 2
Изменение экономической активности предпринимателей в различных фазах длинной волны Кондратьева

Депрессия	Действуют экспансионистские модели поведения, основанные на риске и творческом поиске новых альтернатив
Оживление	Действуют оптимистические модели поведения, обусловленные факторами экономического роста, расширения рынка и конкурентной борьбы
Процветание	Действуют стабилизационные модели поведения, ориентированные на защиту и сохранение достигнутого экономического статуса
Рецессия	Действуют консервативные, пессимистические модели поведения, ориентированные на свертывание экономической активности и защиту активов

го поведения базируются на позитивной экономической мотивации, связанной с максимальной творческой инициативой, риском и поиском благоприятных возможностей для выхода из кризиса и осуществления экономического роста⁹.

Оптимистическая модель поведения в фазе оживления. Она характеризуется следующими особенностями: начинается рост ВВП, инвестиций, возникают новые сектора экономики, формируются новые рынки и усиливается конкурентная борьба между предпринимателями. Монополистическая структура рынка, доминировавшая в фазе депрессии, в связи с его «сжатием» и выживанием наиболее мощных предпринимательских структур, частично «очищается» для новых фирм, предлагающих инновационные продукты, услуги и технологии. В отдельных секторах экономики, особенно лидирующих, начинается активная диффузия инноваций, получивших развитие в предыдущий период.

В этих условиях оптимистическая модель предпринимательского поведения, с одной стороны, отражает общий подъем конъюнктуры на рынках, а с другой — является стимулирующим фактором этого роста, то есть происходит синхронизация экономического роста и оптимистических ожи-

даний и предпочтений активных экономических агентов, которые способствуют этому росту. Основные макропсихологические особенности оптимистической модели предпринимательского поведения заключаются в следующем.

Агрессивный прорыв на рынки определенной популяции предпринимателей, осуществленный на предыдущем этапе, позволяет им усиливать прессинг на старых рынках и открывать новые сектора в условиях интенсивной конкуренции. Как и на предыдущем этапе, действия предпринимателей отличаются максимальным риском и творческой инициативой. Однако в фазе оживления риск предпринимателя в большей степени направлен на достижение устойчивого статуса и закрепления собственной экономической ниши. Эта потребность особенно возрастает в фазе процветания.

Стабилизационная модель поведения в фазе процветания. Общая макроэкономическая ситуация в этой фазе длинной волны характеризуется следующими особенностями: устойчивым ростом ВВП, возрастанием капитальных запасов и инвестиций, дальнейшим развитием конкурентных рынков с постепенно усиливающейся тенденцией к концентрации и централизации капитала. В конечном итоге, процесс развития успешных фирм и предприятий замедляет-

ся, предельная производительность их капитальных благ достигает своего максимума.

В этой ситуации наиболее типичное поведение предпринимателей можно охарактеризовать так. Их приоритеты, связанные с экспансией и расширением производственного потенциала, постепенно сменяются приоритетами сохранения стабильности и устойчивости достигнутого экономического статуса. Одним из элементов такой стратегии является постепенный перенос акцентов из сферы «прямой» конкурентной борьбы в сферу монополистической конкуренции. В этом случае основными факторами сохранения стабильности являются не повышение производительности и снижение издержек, а создание институциональных и экономических барьеров, способствующих вытеснению оппонентов.

В связи с наличием общей благоприятной ситуации социально-психологические особенности стабилизационных моделей поведения характеризуются снижением уровня тревожности. Это, в свою очередь, способствует тенденции к минимизации риска и ориентации на решение достаточно стандартных, апробированных задач. Отсюда следует тенденция к постепенному снижению творческой активности предпринимателей и их рентоориентированному поведению, связанному с эксплуатацией результатов, которые были достигнуты в прошлом. В конечной стадии этой фазы начинает возникать тенденция к постепенному созданию условий, связанных с переводом производственного капитала в более надежные, ликвидные активы.

Консервативно-пессимистическая модель поведения в фазе рецессии (спада). В этой фазе про-

исходит снижение темпов роста ВВП, объем капитала постепенно становится избыточным, увеличиваются товарные запасы при одновременном уменьшении спроса. Падение экономической конъюнктуры отражается на сужении производства, уменьшении занятости и увеличении банкротств и слияний. Усиливаются тенденции к концентрации и монополизации капитала, начинается процесс сворачивания производства в секторах, где в наибольшей степени наблюдаются рецидивы спада. Фазе рецессии соответствуют следующие характерные черты действий предпринимателей.

Консервативно-пессимистическая составляющая предпринимательского поведения начинает сменять стабилизационную постепенно. Подобное объясняется инерцией в процессе смены социальных и экономических стереотипов, которые не могут эластично изменяться в соответствии с изменением экономической конъюнктуры. То есть возникает ситуация отставания в осознании нарастающей объективной угрозы экономического спада и необходимости собственной мобилизации. В силу этого проявляются всем известные реакции и соответствующие им технологии экономического поведения, ориентированные на защиту обесценивающихся капитальных активов. В условиях спада «рациональная» реакция предпринимателей, нередко перерастающая в панику, предполагает сокращение издержек производства, товарных запасов, занятости, избавление от кредитов и вообще усиление общей установки, связанной с бегством от реальных капитальных активов в сферу спекулятивных операций.

Не менее интересны модели поведения наемных работников в

условиях повышательной (оживление и процветание) и понижательной (рецессия и депрессия) фаз длинной волны. Они существенным образом отличаются от предпринимательских моделей в условиях длинноволновых колебаний экономической конъюнктуры. Дело в том, что предпринимательский корпус – наиболее мобильная часть экономически активного населения, которая наиболее дифференцированно и наиболее реалистично реагирует на изменение параметров экономической конъюнктуры. В свою очередь значительная часть занятых по найму относится к более пассивной категории экономических агентов, реакции которых более диффузные.

Естественно, что данное положение нельзя абсолютизировать, поскольку категория занятых по найму неоднородна. В ее состав входят и такие активные группы, которые могут пополнять ряды предпринимателей и включаться в различные формы самозанятости.

Тем не менее, следует отметить, что реакции предпринимателей и наемных работников на изменение экономической конъюнктуры неоднородны. Это подтверждается гипотезой С. Дубровского, который в своей теоретической модели длинной волны Кондратьева обосновал предположение о том, что экстремальные точки социальной напряженности и психологического дискомфорта разных социальных групп концентрируются в разных фазах волны. Точнее, пики социальной напряженности достигаются в течение одного цикла, но с эпицентрами в разных слоях общества¹⁰.

Развивая это положение, С. Дубровский утверждает следующее. Социальная напряженность в обществе обычно связывается с

неравномерным распределением доходов между различными группами. Исходя из этого, гипотетическая волна социальной напряженности, если она существует, должна совпадать по фазе с волной эффективности новшеств. Это объясняется тем, что разрыв в доходах различных социальных групп зависит, в частности, от разрыва между производительностью труда на новых рабочих местах и средней производительностью труда, определяющей среднюю заработную плату для лиц наемного труда¹¹.

Если исходить из теории максимального психологического дискомфорта в моменты перехода от роста доходов к их относительно снижению, то можно предположить следующее. Группы, связанные с доходами от инноваций (то есть предприниматели), испытывают максимальный стресс в ситуации, когда, во-первых, эффективность новшеств достигает максимума, и, во-вторых, когда величина ВВП достигает минимума и только начинает расти, отставая от роста нормы прибыли и фондоотдачи.¹² Данное утверждение, по-видимому, синхронно макропсихологической концепции К. Де Грина, который связывает фазу депрессии в рамках длинной волны с «максимальным выбросом адреналина» у категории активных экономических агентов, несущих ответственность за внедрение инноваций. Этот позитивный импульс, демонстрируемый предпринимателями в условиях депрессии, указывает на особый тип «социального стресса», связанного, по словам Й. Шумпетера, с процессом «созидательного разрушения».¹³

Очевидно, что пик социально-го и психологического дискомфорта значительная часть наемных

работников ощущает в совершенно иной ситуации. По мнению С. Дубровского, наемные работники, чьи доходы зависят от общей экономической ситуации, испытывают максимальный стресс в социально-экономических условиях, когда длительный подъем сменяется спадом и когда эффективность новшеств достигает минимума, а вслед за этим начинают интенсивно падать норма прибыли, что влечет за собой падение ВВП.¹⁴

Учитывая все это, достаточно абстрактная модель К. Де Грина (в ней рассматривается феномен коллективного поведения наций) позволяет гипотетически выделить несколько *типов поведения занятых*, существенно отличающихся в повышательной и понижательной фазах длинной волны.

Оптимистическая модель в повышательной фазе. В рамках повышательной фазы длинной волны наблюдается улучшение и стабилизация макроэкономической ситуации, что проявляется в снижении безработицы и достижении максимального уровня занятости. Это детерминировано ростом инвестиционного спроса, формированием и расширением новых рынков. Происходит увеличение темпов роста ВВП, заработной платы и доходов занятых, что, в свою очередь стимулирует рост производства. Эти параметры экономического подъема оказывают свое позитивное воздействие на поведение занятых по найму, которое характеризуются следующими особенностями.

Постепенно минимизируются стрессовые последствия спада. Снижается прямая угроза благосостоянию занятых работников, а восприятие благоприятных альтернатив и возможностей расширяется. В связи с увеличением занятости и ростом доходов обнаружи-

вается тенденция роста творческой инициативы, которая в наибольшей степени проявляется в первом периоде повышательной фазы длинной волны. Расширение рынка труда способствует увеличению альтернатив занятости, что, в свою очередь, увеличивает склонность наемных работников к риску в плане поиска новых рабочих мест и предъявлению повышенных требований к работодателям. Речь идет о том, что в условиях роста потребности в рабочей силе асимметрия спроса-предложения на рынке труда может смещаться в сторону наемных работников (особенно высококвалифицированных).

В фазе оживления (роста) и, соответственно, расширения занятости, доминируют оптимистические доминанты и ценности экономического поведения, которые обусловлены благоприятной социально-экономической ситуацией, относительным ростом доходов и расширением альтернатив на рынке труда. В фазе процветания (стабильности) процесс экономического роста достигает своего естественного предела (плато); в этих условиях основной доминантой экономического поведения занятых по найму (точно так же, как и предпринимателей) является мотивация сохранения стабильности своего социально-экономического положения. Эта установка массового поведения является «активным» социальным тормозом, противодействующим отрицательным последствиям неизбежного спада экономической активности. Формы этого социального противодействия могут выражаться в активных и пассивных формах адаптивного поведения.

Активные и пассивные модели адаптивного поведения работников в понижательной фазе. В ус-

ловиях начинающегося спада, переходящего в депрессию, происходит резкая поляризация социальных установок и мотиваций занятых, эпицентры которой находятся в различных социальных группах. У одной группы занятых по найму макропсихологические характеристики в условиях рецессии, указанные Де Грином, проявляются и пролонгируются и на период депрессии (пассивные модели адаптации). В то же время другая группа занятых по найму может резко изменять стереотипы своего поведения и в условиях депрессии демонстрировать установки, которые характерны для предпринимателей (активные модели адаптации).

Активную модель адаптации можно гипотетически дифференцировать на три вида. Во-первых, экономический спад и депрессия порождают массовые протесты, связанные с проявлением различных форм экономической и социально-политической борьбы. Естественно, что часть наиболее активных представителей занятого по найму населения интегрируется и институционализируется в рамках профсоюзных и социально-политических движений, отражающих и защищающих их интересы. Во-вторых, активной реакцией на спад экономической активности является интенсивный поиск новых секторов спроса и предложения рабочей силы. В-третьих, в условиях спада и депрессии среди наиболее квалифицированных и энергичных наемных работников может наблюдаться тенденция к смене экономического статуса и переходу в категорию самозанятых или предпринимателей.

Пассивные формы адаптивного, а в ряде случаев неадаптивного, поведения занятых в условиях

спада и депрессии также можно подразделить на несколько подвидов. Во-первых, можно выделить определенную часть занятых работников, которые по разным причинам индифферентно относятся к ухудшению своего положения при условии сохранения своего рабочего места. Во-вторых, – группу маргиналов, которые переходят в категорию люмпенов и наполняют «отстойники» социальных систем, особенно в период экономических депрессий и кризисов. В-третьих, можно выделить самую многочисленную группу занятых по найму, которая относится к категории потенциальных или реальных безработных.

Данная группа демонстрирует самые массовые виды поведенческих реакций, отражающих негативное отношение к последствиям экономических спадов и депрессий. Она и является тем «горючим материалом», который используется различными политическими лидерами и демагогами в процессе борьбы за власть.

Ссылки:

- 1 См.: *Мизес Л.* Человеческая деятельность. М., 2000. С. 748-751.
- 2 См. там же. С. 534-539.
- 3 См.: *Кейнс Д.* Общая теория занятости, процента и денег. Антология экономической классики. М., 1993. С. 261-262.
- 4 См. там же. С. 262.
- 5 См.: *Мэнкью Н.Г.* Макроэкономика. М., 1994. С. 722.
- 6 См.: *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории. С. 114-135.
- 7 См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития., М, 1982; *Schumpeter J.* Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. V.2. N.Y., 1939; *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы

конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002; *Mensch G. Stalemate in Technology. Innovation Overcome Depression.* N.Y., 1979; *Kleinknecht A. Observation on the Schumpeterian Swarming of Innovations // Futures*, 1981, v.13, №14; *Van Duijn J. Fluctuations in Innovations over Time // Futures*, 1981, v.13, №4; *Van Duijn J. The Long Wave in Economic Life.* L., 1983; *Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики*, 1994, №5 и др.

8 См.: Объединенная периодизация общей характеристики «длинной волны конъюнктуры» приводится по: *Кузнецова Н. Экономический рост в историческом контексте.* М., 1996. С. 109-112; *De Green K.B. The Kondratiev Phenomenon: A Systems Perspective// Systems Research.* 1988, v.5, №4. P. 281-298.

9 Следует отметить, что параметры данной макропсихологической ситуации в фазе депрессии, представленные К. Де Грином и экстраполированные нами на поведенческие модели предпринимателей, базируются на концепциях Н. Кондратьева, Й. Шумпетера и их последователей, которые были сторонниками внедрения базовых инноваций в фазе депрессии.

10 См.: *Дубровский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // ОНС*, 1993, №5. С. 88-89.

11 См. там же. С. 88.

12 См.: *Дубровский С. Указ. соч.* С. 88-89.

13 См.: *Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия.* М., 1995. С. 124-130; см. также раздел 4.1.

14 См.: *Дубровский С. Указ. соч.* С. 88-89.

Роль социальных сетей в регуляции отношений на рынке труда¹

Соколова Г.Н.

В основу статьи положен методологический синтез, получивший название качественно-количественного интерфейса и предполагающий сочетание количественных методов в рамках государственной статистики, проведенного социологического исследования и качественных методов, с использованием полустандартизированного интервью с работниками (520 чел.) и работодателями (102 чел.) на выделенных предприятиях г. Минска относительно каналов трудоустройства. Типологизация количественных и качественных характеристик формальных и неформальных механизмов трудоустройства / найма служит основой для построения социологических моделей экономического поведения наемных работников и работодателей на белорусском рынке труда.

Ключевые слова: внешний и внутренний рынок труда, формальный и неформальный механизм распределения, трудоустройство, служба занятости

Sokolova G.N.

Role of social networks in regulation of relations on a labour market

The summary: the methodological synthesis received the name of the is qualitative-quantitative interface and assuming a combination of quantitative methods within the limits of the state statistics, the carried out sociological research and qualitative methods is put in article basis, with use of the semistandardized interview to workers (520 people) and employers (102 people) at the allocated enterprises of Minsk concerning employment channels. Typology quantitative and qualitative characteristics of formal and informal mechanisms of employment / hiring forms a basis for construction of sociological models of economic behaviour of hired workers and employers on the Belarus labour market.

Keywords: external and work home market, the formal and informal mechanism of distribution, employment, a placement service

Концепция социальных сетей

Для создания концепции социальных сетей как механизма регуляции в сфере социально-трудовых отношений, мы обращаемся к теории хозяйства как институционально оформленного процесса (instituted process), разработанной социологом венгерского происхождения К. Поланьи (K. Polanyi) [1]. Главной задачей ученого было определить значение термина «экономический», которое можно использовать в социальных науках. К. Поланьи рассматривает хозяйство (экономику) как институционально оформленный процесс взаимодействия между человеком и окружающей средой, ведущий к постоянному обеспечению материальных средств для удовлетворения потребностей. Институциональное оформление экономического процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно порождает структуру, наделенную в обществе конкретной функцией. Оно изменяет место экономического процесса в обществе, придавая тем самым большую значимость его истории. Оно концентрирует внимание на цен-

ностях, мотивах и проводимой политике. Единство и стабильность, структура и функция, история и политика на операциональном уровне иллюстрируют утверждение К. Поланьи о том, что человеческое хозяйство – это институционально оформленный процесс. В этом случае, человеческое хозяйство *укоренено* (embedded) в экономических и неэкономических институтах, вплетено в них. Получается, что исследование изменения места и роли хозяйства в общественном устройстве – это, по сути дела, исследование способов институционального оформления экономического процесса в разное время и в разных местах.

Исследование институционального оформления реальных хозяйств должно начинаться с анализа того, как эти хозяйства обретают внутреннее единство и стабильность, т.е., с анализа взаимозависимости и повторяемости их составных частей. Это достигается сочетанием очень немногих способов связи (patterns), которые можно назвать формами интеграции. На эмпирическом уровне такими способами связи являются обмен, перераспределение и реципрокность. Реципрокность (reciprocity) обозначает перемещение между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение (redistribution) представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения «из рук в руки» в условиях рыночной системы. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп (symmetrically arranged grouping); перераспределение зависит от существования в группах определенной степени централизо-

ванности (centricity); обмен предполагает наличие системы ценообразующих рынков, предназначенных для того, чтобы породить интеграцию. Очевидно, что различные способы интеграции требуют разной институциональной поддержки.

Данная теория, представленная в тезисной форме, выбрана нами в качестве основополагающей по двум причинам. Первая причина состоит в том, что эта теория легла в основу новой экономической социологии [2, с. 481–510; 3, с. 233–257; 4, с. 234–251] и оказалась применимой к разным экономическим системам. Повторим утверждение К. Поланьи о том, что существуют три базовых способа распределения ресурсов: обмен, перераспределение и реципрокность. Для широкомасштабного воспроизведения каждой из этих форм необходимы соответствующую структуру: рынок, централизм и симметрия. Эти структуры не возникают спонтанно из многочисленных повторений одного и того же типа экономического поведения; они должны быть институционализированы экономическими агентами в политической и социальной сферах, в зависимости от того или иного типа общественного устройства. Вторая причина привлекательности теоретической схемы К. Поланьи заключается в той ключевой роли, которая отводится ей в социологических исследованиях государственного социализма и его современной трансформации, где эта теория стала источником как новых открытий, так и противоречий.

Американский ученый И. Селеньи (I. Szelenyi) первым исследовал государственный социализм как экономическую систему, в которой перераспределение высту-

пает доминирующим способом распределения ресурсов, а рынок имеет подчиненное значение. В результате, социальная стратификация в таких системах возникает из неравенства, порожденного перераспределением, в то время как рыночный механизм играет выравнивающую роль. В отличие от этого, в капиталистических государствах перераспределение смягчает масштабы неравенства, вызванного влиянием рынка [5, с. 63–87]. Благодаря такому подходу взаимодействие механизмов рынка и перераспределения заняло центральное место в социологии, изучающей переход постсоветских стран от государственного социализма к капитализму.

Исследователи, изучавшие роль социальных сетей в условиях перераспределения, обнаружили, что механизм социалистического перераспределения основан на централизованном планировании, цели которого определяются через широкую систему торгов и сделок между смежными уровнями перераспределительной иерархии. В этой системе нижестоящие уровни заинтересованы в том, чтобы меньше отдавать вышестоящим и больше получать от них, а интересы вышестоящих уровней прямо противоположны. Поскольку способности обеих сторон к планированию несовершенны, окончательный результат переговоров может в сильной степени зависеть от установившихся между ними связей, которые обычно принимают форму патрон-клиентских отношений.

Обобщая эту аргументацию, И. Селеньи и его соавторы приходят к выводу о том, что «социалистическая перераспределительная экономика может быть наилучшим образом описана в терминах интенсивной конкуренции и веде-

ния торгов акторами, стоящими на различных уровнях перераспределительной бюрократической иерархии. Сети, отношения типа патрон-клиент, «коррупция» и «мафия» являются ключевыми факторами четкого функционирования этой системы» [4, с. 234–251].

То же самое наблюдение оказывается верным и для социалистического общества в целом: межличностное доверие и лояльность тому, от кого зависит перераспределение ресурсов, укрепляют командную иерархию и позволяют ей функционировать даже в самых неблагоприятных условиях. Менеджеры социалистических предприятий постоянно использовали эту структурную *укорененность* перераспределения в социальных отношениях, когда им приходилось прибегать к авральской работе и обеспечивать выполнение месячного плана за несколько дней из-за хронической нестабильности поставок материалов и комплектующих [6].

Опираясь на существующие исследования капиталистической и социалистической экономик, транзитологи частично унаследовали подход своих предшественников к пониманию различных институциональных образований. Социальные сети рассматриваются ими как посредники, поддерживающие либо перераспределение, либо обмен. По природе своей они коррумпированы в условиях перераспределения и имеют более здоровый характер в условиях рыночных отношений.

Отметим, что основоположник данного направления и автор понятия *укорененность* (embeddedness) К. Поланьи не касается социальных сетей напрямую. Он, однако, вводит третий способ распределения ресурсов – реципрокность, который отлича-

ется от рыночного обмена и от перераспределения, представляя собой обмен услугами между членами симметричных групп. Принцип симметрии является гарантией того, что каждый член рассматриваемой группы выступает и как донор, и как получатель, что делает возможным непрекращающийся поток взаимных услуг. В отличие от рынка и централизма, которые, согласно К. Поланьи, предназначены для того, чтобы обеспечить институциональную поддержку экономического обмена и перераспределения, симметричные связи возникают по неэкономическим причинам и потому представляют собой социальную организацию, которая «замещает отличную от нее экономическую организацию» [7].

Действительно, экономическая социология исходит из того, что чисто рыночный механизм распределения ресурсов далеко не всегда эффективен. В частности, он не обеспечивает доверия между участниками рынка. А доверие необходимо в ситуации высокой неопределенности, которая неизбежно присуща любой экономической деятельности. И оно может возникнуть и укрепиться только в процессе длительных социальных отношений. Эти отношения не подпадают рыночного характера сделок, скорее, они усиливают его, облегчая передачу конфиденциальной информации, которая практически недоступна иными способами. Социологи, исследующие рынок труда, отмечают неполноту информации как основную проблему в отношениях между анонимными продавцами и покупателями; средством ее решения служит взаимодействие социальных связей в поиске работников и мест работы.

Проблема укорененности экономического поведения индивидов

(работников и работодателей) в социальных отношениях наиболее обстоятельно изучается американским исследователем М. Грановеттером (M. Granovetter). Развивая концепцию укорененности экономического поведения работников и работодателей в социальных отношениях, Грановеттер обосновывает, что подходы, не учитывающие социальный контекст, приводят к неадекватному пониманию как индивидуального экономического поведения, так и того, каким образом оно аккумулируется в более масштабные модели, называемые институтами. В аналитических целях он выделяет две главные проблемы: включенность экономического действия в сети социальных и экономических отношений и взаимовыигрышность связи экономических и неэкономических мотивов. Главную свою задачу Грановеттер видит в том, чтобы развить теоретическое понятие укорененности и затем показать его значение на примере одной из проблем современного общества, а именно: какие транзакции в современном капиталистическом мире осуществляются посредством рынка, а какие – в рамках иерархически организованных фирм [2, с. 481–510].

Грановеттер отмечает, что в рамках экономического анализа, индивидуальные акторы (действующие лица) рассматриваются так, как если бы они были изъяты из системы их отношений с другими, решений и поведения этих других, а также из прошлой истории этих отношений. Подобный атомизированный взгляд на экономическое действие имеет длительную историю в классической и неоклассической экономике. Это затрудняет адекватное понимание того, как индивидуальные действия могут агрегироваться на уровне инсти-

тутов, тем более что агрегация осуществляется через сети взаимосвязей. Другим различием между экономическим и социологическим подходами в сфере рынков труда является отсутствие в экономической литературе рассмотрения феномена переплетения экономических и неэкономических мотивов. Когда мы преследуем экономические цели в нашем общении с другими людьми, то они обычно переплетаются со стремлением к общительности, получению одобрения от окружающих, достижению определенного статуса и властных полномочий. Грановеттер обосновывает, что взаимодействие одного индивида с другими не ограничивается «экономическим инвестированием активности». Что касается других аспектов экономической жизни, то в нее входит также борьба за общественное признание, одобрение, социальный статус и властные полномочия. Грановеттер убежден, что все, что направлено на улучшение методологии более совершенных моделей рынка труда, станет результатом объединения экономических исследований с социологической экспертизой экономических отношений, а также со сложной мозаикой человеческих мотивов, представленных во всех реальных ситуациях [3].

Итак, сетевой подход рассматривается нами как один из основополагающих подходов в современной экономической социологии. В его основе лежит понятие «укорененности», введенное К. Полаanyi и развитое М. Грановеттером. В русле современных исследований, сетевая укорененность – это укорененность экономического поведения в сетях межличностных отношений, порожденных отношениями доверия. Сетевые отношения расположены в континууме

между «отношением» и «контрактом», но чаще они представлены так называемыми отношениями контрактами (relational contracts). В сфере социально-трудовых отношений сетевой подход базируется на положении о том, что структурная позиция работодателей и сопряженные с ней отношения определяют стратегии и практики действий наемных работников. Сетевая структура неразрывно связана с институциональными образованиями, вокруг них она строится и может сама принимать форму института. Сетевые отношения помогают бороться с неопределенностью, препятствуют распространению оппортунизма, позволяют осуществлять успешные экономические трансакции при условии ограниченной рациональности действующих лиц.

Авторский подход состоит в создании *концепции социальных сетей* как механизма регулирования экономического поведения наемных работников и работодателей в реальных условиях белорусского рынка труда. Проверяется гипотеза, могут ли (а если да, то в какой мере) неформальные связи, возникающие по неэкономическим причинам и представляющие собой организацию социальных отношений, замещать отличную от нее организацию экономических отношений. *Социальные сети* понимаются нами как структуры, возникающие из взаимодействия индивидов, а институты – как правила взаимодействия в данных сетях. *Количественными* характеристиками социальных сетей выступают их распространенность и плотность. *Качественные* характеристики социальных сетей обеспечиваются социальным капиталом индивидов, который проявляется в трех формах: обязательствах и ожиданиях; эффективности ин-

формационных каналов; способности этих каналов привести соискателей вакансий/рабочих мест к трудоустройству.

Разворачивается тезис о том, что в условиях трансформирующегося общества рынок труда становится объектом процесса *деформализации* – непрерывного замещения формальных правил неформальными и их встраивания в структуру неформальных отношений. Так, неформальные связи, возникающие в системе «работник–работодатель», могут способствовать развитию рыночных отношений, *дополняя* их и порождая тем самым «резонансный» тип взаимодействия участников данного процесса. Но эти же связи могут и препятствовать развитию рынка, *замещая* экономические отношения социальными (по родству, знакомству и др.) и порождая «диссонансный» тип взаимодействия главных субъектов рынка труда, что характерно для переходных экономик. Главный вопрос состоит в том, в какой мере социальные сети являются механизмом регуляции белорусского рынка труда и какова их роль в развитии рыночных отношений.

Структура рынка труда в контексте формальных и неформальных механизмов найма

Для социологического анализа роли социальных сетей в системе трудовых отношений нами используется теория *сегментации рынка труда*, активно развиваемая в 1980-е годы бельгийскими исследователями Р. Ловериджем (R. Loveridge) и А. Моком (A. Mok) [8]. Теория исходит из анализа различий между двумя сегментами в экономике и национальном рынке труда, первичным и вторичным сегментами с разной

заработной платой, характеристиками занятости и социально-экономических процессов. *Первичный* сегмент рынка труда в основном обладает высоким классом и высоким статусом работ, высокой заработной платой, хорошими предложениями со стороны *работодателей* в плане режимов рабочего времени и условий труда. *Вторичный* сегмент рынка труда характеризуется низкоквалифицированными работами, не требующими длительного обучения; работами, которые можно постигнуть в процессе ученичества. Каждый из сегментов подразделяется в свою очередь на *внутренний* рынок труда (фирма или фабрика, где уровни занятости и заработной платы определяются набором административных правил и процедур), и *внешний* рынок труда, где решения о ценообразовании, размещении и профессиональном обучении контролируются экономическими показателями. Эти два вида рынка связываются движением рабочей силы между ними через определенные входы и выходы. В противном случае, работы на внутреннем рынке труда наполняются продвижением или перемещением работников, которые уже выиграли право входа на этот рынок. Работы на внутреннем рынке защищены, как правило, от непосредственных влияний конкурентных сил внешнего рынка.

В исследовании Ловериджа и Мока теоретические стандарты интегрируются в четырехпольную модель рынков труда (см. рис.1)

Работы в *первичном внутреннем* сегменте являются типичными для работников, стабильно занятых в фирме; требуют долговременного обучения специальностям, нужным фирме; обладают гарантиями и хорошими перспективами продвижения, высоким уровнем

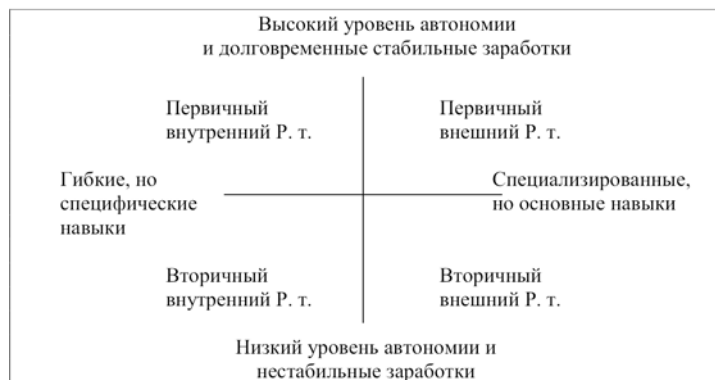

Рис. 1. Взаимодействие первичного и вторичного рынков труда

автономии и высокими материальными поощрениями. Для первичного внешнего сегмента типичны профессиональные и ремесленные работы, требующие скорее общепрофессиональных, нежели специфических навыков и часто осуществляемые по контракту или на основе самозанятости.

Вторичный внешний сегмент рынка труда предлагает работы низкой квалификации, с малой автономией и низкой ответственностью, низкими и нестабильными заработками, неудовлетворительными условиями труда, включая случайные и сезонные работы. *Вторичный внутренний* сегмент продуцирует работы в основном низкого класса, с низкими гарантиями и малыми перспективами продвижения. Из модели следует, что движение между первичным внутренним и вторичным внешним сегментами является скорее исключением из правил. Варьирует в определенных количествах и направлениях движение между смежными сегментами рынка труда (первичным внутренним и первичным внешним, а также вторичным внутренним; первичным внешним и вторичным внешним; вторичным внутренним и

вторичным внешним), детерминированное интеллектуальным потенциалом *наемных работников* и реакциями *работодателей* в рыночной среде. Эмпирические исследования показывают, что во вторичном рынке труда концентриру-

ются, в основном, работники без специального образования, этнические меньшинства и рабочие-мигранты.

Понятия первичного и вторичного рынков труда (или сегментов) прочно вошли в научное мышление: предполагается, что первичный рынок труда охватывает людей с гарантированной работой и хорошими условиями труда в государственном секторе занятости, крупных корпорациях и отраслях промышленности с развитыми профсоюзами. Тогда как вторичный рынок труда включает мелких работодателей, не охваченные профсоюзами секторы экономики и такие фрагментарные и конкурирующие между собой отрасли, как розничная торговля, где отсутствуют гарантии стабильной работы, а условия и оплата труда оставляют желать лучшего. Каждый из сегментов рынка труда обеспечивается определенными (формальными и неформальными) механизмами рыночного обмена.

В рамках концепции, заявленной в данной работе, во *внешнем* рынке труда существуют три базовых механизма перераспределения трудовых ресурсов: обмен (трудоустройство/наем) – в усло-

виях рыночных отношений; распределение, характерное для плановой экономики; неформальное взаимодействие, предполагающее взаимность обмена услугами. Обмен в условиях рыночных отношений осуществляется посредством *формальных механизмов трудоустройства/найма* работников, которые включают в себя государственную службу занятости населения, кадровые агентства, рекламу в СМИ, рекламные объявления в Интернет, прямой набор через отдел кадров. *Формальный механизм распределения* в современных условиях хозяйствования предполагает целевой набор выпускников учебных заведений. *Неформальные механизмы трудоустройства/найма* работников дополняют (или замещают) формальные отношения между нанимаемым работником и работодателем и включают в себя рекомендации знакомых, родственников, деловых партнеров.

Внешний рынок труда (далее – рынок труда) предполагает активное функционирование формальных и неформальных механизмов рыночного обмена, которые характеризуются конкуренцией как со стороны работодателей, так и со стороны работников. Работодатели ищут работников, выбирая их из альтернативных вариантов – альтернативных кандидатов и альтернативных источников поиска вакантных рабочих мест. Социальное вза-

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос: «Куда вы обращались при поиске работы?» (не более трех вариантов ответа)

	частота	процент
1. В государственную службу занятости	56	10,8
2. Обращался в кадровые агентства	27	5,2
3. Использовал объявления в СМИ	40	7,7
4. Использовал объявления в Интернет	27	5,2
5. Напрямую обращался к работодателю, в отделы кадров	193	37,1
6. Распределился после окончания учебного заведения	83	16,0
7. Обращался к знакомым	206	39,6
8. Обращался к родственникам	75	14,4
9. Другое	4	0,8

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос: «Какие способы поиска работы оказались для Вас результативными?»

	частота	процент
1. Обращение в государственную службу занятости	26	5,0
2. Обращение в кадровые агентства	5	1,0
3. Использование объявлений в СМИ	22	4,2
4. Использование объявлений в Интернет	5	1,0
5. Прямые обращения к работодателю, в отделы кадров	173	33,3
6. Распределение после окончания учебного заведения	78	15,0
7. Обращение к знакомым	183	35,1
8. Обращение к родственникам	26	5,0
9. Другое	2	0,4
Всего	520	100

имодействие работодателей и наемных работников на рынке труда является эффективным, когда источники поиска вакансий, используемые работниками, источники поиска работников, используемые работодателями, совпадают.

Формальные и неформальные механизмы трудоустройства

Применительно к белорусскому рынку труда, проблема состоит в том, что *первичный сегмент* этого рынка обслуживается, в значительной мере, с помощью *неформальных механизмов*, включающих в себя рекомендации родственников, знакомых и деловых

партнеров как в сфере трудоустройства, так и сфере найма. *Вторичный* сегмент рынка труда обслуживается, в основном, через *формальные* механизмы, в которые входят государственная служба занятости, кадровые агентства, реклама в СМИ, рекламные объявления в Интернет, распределение по окончании учебных заведений, прямой набор через отделы кадров (табл. 1, 2).

Формальные механизмы трудоустройства

Государственная служба занятости. Функционирование государственных служб занятости как канала трудоустройства сегодня в значительной мере ориентировано на обслуживание *вторичного* сегмента рынка труда и не уделяет должного внимания перераспределению работников *первичного* сегмента рынка труда. Однако в условиях инновационного развития Беларуси спрос внутренних рынков труда предприятий переориентируется на высококвалифицированные категории работников, т.е. на работников *первичного* сегмента. Актуализируется необходимость разработки социальных механизмов повышения эффективности государственных служб занятости как канала трудоустройства работников *первичного* сегмента рынка труда. Данный канал оказался результативным всего для 5,0% работников (из 10,8% обратившихся).

Кадровые агентства ориентированы на обслуживание *первичного* сегмента рынка труда, занимаются трудоустройством высококвалифицированных работников и управленческого персонала. Для специалистов, служащих и высококвалифицированных рабочих они обеспечивают соответствие ожиданий соискателей вакансий требованиям работодателей. Одна-

ко малочисленность кадровых агентств, отсутствие у них опыта и наработанной клиентской базы, непроработанность законодательства, регулирующего их деятельность, а также дороговизна их услуг по сравнению с использованием СМИ и службы занятости, снижает их эффективность в качестве канала трудоустройства на белорусском рынке труда. По данным исследования, результативным данный канал трудоустройства оказался только для 1,0% респондентов, при том, что обратились к его услугам 5,2%.

Реклама в СМИ. Традиционные печатные издания (прежде всего газеты) обслуживают как *первичный*, так и *вторичный* сегменты рынка труда. Однако происходит дифференциация СМИ по обслуживаемым сегментам рынка труда: СМИ, ориентированные на специализированную профессиональную аудиторию (бухгалтерские, юридические, финансовые, компьютерные и т.п. издания), ориентированы на обслуживание *первичного* сегмента (там представлены вакансии, требующие определенного уровня профессионально-квалификационной подготовки, опыта работы, специализированных навыков и т.д.). В СМИ, позиционирующих себя только как посредник на рынке труда (только информация о вакансиях и тех, кто ищет работу), представлены вакансии как *первичного*, так и *вторичного* сегментов. Однако преобладают вакансии *вторичного* сегмента рынка труда – на рабочие места с временной занятостью и разовыми работами. Результативным данный канал трудоустройства оказался для 4,2% респондентов (при 7,7% обратившихся).

Рекламные объявления в Интернет для поиска вакансий использовали 5,2% респондентов;

однако результативным данный канал трудоустройства оказался только для 1,0%. Использование Интернет в качестве канала трудоустройства, в отличие от рекламных объявлений в СМИ, позволяет экономить временные ресурсы соискателя, так как даже для публикации бесплатного объявления должно пойти некоторое время. Сегодня Интернет в качестве канала трудоустройства на белорусском рынке труда динамично развивается, однако объявления в сети Интернет содержат прежде всего информацию для высококвалифицированных работников, имеющих доступ в Интернет и обладающих навыками работы на компьютере; ориентированы в первую очередь на обслуживание работников *первичного* сегмента рынка труда.

Прямой набор через отделы кадров (непосредственное обращение к работодателю) относится к формальным каналам трудоустройства без участия формальных (официальных) посредником, базируется на индивидуальной инициативе соискателей и не использует ресурсы социальных сетей. По данным проведенного исследования, прямые обращения к работодателю, в отделы кадров использовали 37,1% респондентов, результативным данный канал трудоустройства оказался для 33,3% респондентов. Данный канал трудоустройства является эффективным и в наибольшей мере соответствует ожиданиям соискателей, претендующих на занятость во *вторичном* сегменте внутреннего рынка труда на крупных и средних предприятиях независимо от формы собственности. На крупных и средних предприятиях рынок труда характеризуется большой емкостью (большой численностью занятых), так как доля рабочих, согласно технико-

технологическим требованиям производственного процесса, существенно превышает долю управленческого персонала.

Формальный механизм распределения по окончании учебных заведений

Система распределения выпускников учебных заведений была одним из основных перераспределительных механизмов на советском рынке труда. С развитием рыночных отношений система связей между учебными заведениями и предприятиями оказалась разорванной. Сегодня институт распределения выпускников учебных заведений находится в стадии становления, отрабатываются механизмы функционирования и согласования интересов предприятий и системы высшего и среднего специального образования. В ходе проведения опроса выявлено, что использование распределения после окончания учебного заведения в качестве канала трудоустройства отметили 16,0% респондентов, результативным данный канал оказался для 15,0%. В ходе исследования выявлена следующая особенность: использование данного формального канала трудоустройства *поддерживается* использованием таких каналов, как обращение к знакомым и родственникам (неформальный), а также прямым обращением к нанимателю (формальный). Более 1/2 респондентов в возрастной группе до 25 лет, распределенных по окончании учебного заведения, использовали и неформальные каналы трудоустройства.

Неформальные механизмы трудоустройства

Рекомендации родственников, знакомых, деловых партнеров. Согласно Грановеттеру [9], работ-

ники и работодатели воспринимают друг друга отнюдь не как совершенные незнакомцы. Напротив, зачастую они довольно много знают друг о друге еще до того, как вступят в формальные отношения занятости. Обращения к знакомым и родственникам при трудоустройстве относятся к неформальным каналам трудоустройства и характеризуется отсутствием формальных посредников при трудоустройстве и использовании ресурсов социальных сетей. Трудоустройство с помощью знакомых и родственников опирается на существующие социальные связи, «сетевую укорененность» и социальный капитал соискателей. Социальная связь рассматривается нами как совокупность осознанных и неосознанных, необходимых и случайных, устойчивых и спонтанных зависимостей одних социальных субъектов от других.

Эмпирические исследования показывают важность прежде всего неформальных связей при поиске работы и зависимость успешности трудоустройства от позиции человека в сети социальных связей и его социального капитала как совокупности социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгоды. При поиске работы к знакомым обращались 39,6%, а к родственникам – 14,4%, т.е. ресурсы социальных сетей использовали 55,0% или 1/2 опрошенных респондентов. Вместе с тем, прослеживается интересная особенность. Привлечение «слабых» социальных связей (знакомых и коллег) является более эффективным в процессе трудоустройства, нежели привлечение «сильных» связей (родственников), за счет значительного расширения масштабов привлекаемой информации.

Почему же канал социальных связей столь широко использует-

ся на рынке труда и какова его роль в процессах трудоустройства? Одной из социальных проблем функционирования рынка труда является неполнота информации как о продавцах, так и о покупателях рабочей силы. Средством ее решения служит задействование социальных связей в поиске работников и мест работы, позволяющее получить предварительную информацию. Более того, используемые формальные каналы трудоустройства (вакансии в СМИ, службах занятости и т.д.) пропускаются через фильтры неформального обсуждения (с родственниками, друзьями, соседями) и получают социальную оценку. Информация, передаваемая по социальным сетям, играет важную роль в процессе сегментации работодателей. Человек, ищущий работу, условно подразделяет своих потенциальных нанимателей на сегменты не только на основании характеристик предлагаемых рабочих мест (условия труда, размер заработной платы и т.д.), но и по характеристикам предприятия (объективным – размер, форма собственности, финансовое положение и субъективным – репутация, известность, надежность).

Формальные и неформальные механизмы найма работников

В первичном и вторичном сегментах рынка труда позиции работодателей и работников раскрываются через механизмы найма, включающие в себя структуры взаимосвязи характеристик работников (личностных и профессиональных) и требований работодателей к этим характеристикам. Удельный вес, обозначающий значимость того или иного канала найма, представлен в табл. 3.

Государственная служба занятости. Данные опроса специали-

стов кадровых служб свидетельствуют о том, что государственная служба занятости является одним из основных каналов найма рабочих; она занимает первое место среди других источников поиска персонала (66,7% работодателей). Однако, несмотря на значительный вес государственной службы занятости при поиске работников различных категорий, данный канал как основной формальный механизм рыночного обмена, пока не стал структурой, которая располагала бы перечнем разнообразных, в том числе привлекательных вакансий для безработных и решала вопросы предпрятий с подбором персонала по необходимым *качественным* характеристикам. Поэтому для многих предприятий предпочтительными каналами поиска персонала являются такие формальные механизмы найма, как объявления о вакансиях в СМИ, объявления в Интернете, прямой набор через отделы кадров, а также неформальные каналы поиска и найма работников – рекомендации деловых партнеров, знакомых, родственников.

Кадровые агентства. Только 1/10 опрошенных экспертов отметили, что прибегают к услугам кадровых агентств при подборе работников на должность руководителя и специалиста и менее 5% экспертов – при поиске служащих и рабочих. Следует отметить, что частные кадровые агентства ориентированы на обслуживание особого сегмента рынка труда, занимающегося трудоустройством высококвалифицированных работни-

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «Какие источники поиска персонала Вы используете при найме различных категорий работников?» (не более трех вариантов ответа), %

Источники поиска персонала	руководители	специалисты	служащие	габочие
1. Государственная служба занятости	20,6	34,3	27,5	66,7
2. Кадровые агентства	12,7	10,8	3,9	4,9
3. Объявления в СМИ	30,4	45,1	36,3	56,9
4. Объявления в Интернет	25,5	33,3	25,5	24,5
5. Прямой набор через отдел кадров	24,5	37,3	36,3	64,7
6. Набор выпускников учебных заведений	11,8	47,1	24,5	44,1
7. Рекомендации знакомых	18,6	34,3	19,6	28,4
8. Рекомендации родственников	3,9	9,8	8,8	16,7
9. Рекомендации деловых партнеров	22,5	29,4	12,7	14,7

ков и управленческого персонала, о чем в определенной мере свидетельствуют данные опроса. Малочисленность кадровых агентств, отсутствие у них опыта работы и наработанной клиентской базы, снижает их эффективность в качестве канала поиска персонала предприятиями.

Использование объявлений в СМИ и Интернете. Данные каналы найма предполагают размещение объявлений о вакансиях, они функционируют преимущественно как информационные посредники, как некая «доска объявлений». Среди опрошенных работодателей объявления в СМИ о вакансиях являются одним из самых популярных каналов поиска персонала. Так, около 1/3 предприятий размещают объявления в СМИ, при необходимости заполнить вакансии руководителя и служащего, около 1/2 – специалиста и рабочего. Более 1/4 работодателей размещают объявления о вакансиях руководителя, служащего, рабочего в Интернете, свыше 1/3 – о вакансии специалиста.

Прямой набор через отделы кадров. Около 1/3 предприятий

используют данный канал для найма на должность руководителя, специалиста, служащего. Прямой набор через отдел кадров является наиболее часто используемым (после государственной службы занятости) каналом поиска рабочих (64,7% предприятий).

Формальный механизм распределения – набор выпускников учебных заведений. На белорусском рынке труда распределение после окончания учебного заведения является обязательным для выпускников бюджетной формы обучения. С одной стороны, это гарантия трудоустройства выпускника, а с другой – обязанность отработать установленный срок, вне зависимости от его удовлетворенности работой и оплатой труда. По результатам опроса работодателей, за счет распределения выпускников в основном заполняются вакансии для специалистов (47,1%) и рабочих (44,1%)

Неформальные механизмы найма – рекомендации знакомых, родственников, деловых партнеров. Данные механизмы найма базируются на функционировании социальных сетей взаимодействия между нанимателем и лицом, дающим рекомендацию относительно конкретного претендента на вакансию, с одной стороны, а с другой – между претендентом на вакансию и лицом, дающим рекомендацию нанимателю. Данные сети социального взаимодействия базируются на дружественных, родственных и деловых, т.е. социальных связях индивидов. Вместе с тем, они выступают механизмом найма, т.е. тем звеном, которое соединяет потенциального нанимателя и потенциального соискателя, замещая формальные механизмы найма либо дополняя их. Наиболее существенный вклад социальных сетей в палитру каналов

найма наблюдается при поиске всех категорий работников, когда наниматели прибегают к помощи и рекомендациям знакомых. За ними следует значимость рекомендаций родственников и деловых партнеров (см. табл. 3).

В ходе исследования выявлено, что *первичный* и *вторичный* сегменты внешнего рынка труда характеризуются использованием разных механизмов трудоустройства и найма работников. Выбор механизмов найма – формальных или неформальных – во многом зависит от специфики *внутреннего* рынка труда, которая определяется размером и формой собственности предприятия. На малых предприятиях, где разница между *первичным* и *вторичным* рынком труда незначительна, используются неформальные механизмы, которые *дополняют* рыночные отношения и формируют *резонансный* тип взаимодействия работников и работодателей, когда модели экономического поведения участников данного процесса сбалансированы. На крупных и средних предприятиях, где разница между *первичным* и *вторичным* сегментами внутреннего рынка труда существенна, в *первичном* сегменте используются неформальные механизмы найма, а во *вторичном* – формальные механизмы, продуцирующие *диссонансный* (несбалансированный) тип взаимодействия работников и работодателей.

На негосударственных предприятиях в *первичном* сегменте внутреннего рынка труда используются неформальные механизмы, *дополняющие* рыночные отношения работников и работодателей и порождающие *резонансный* тип их взаимодействия. Использование неформальных механизмов найма работников в *первичном* сегменте

внутреннего рынка труда государственных предприятий ведет к *замещению* рыночных отношений социальными и порождает *диссонансный* тип взаимодействия работников и работодателей.

Анализ роли социальных сетей в формировании моделей экономического поведения работников и работодателей на белорусском рынке труда в аспекте их взаимодействия, по поводу взаимного выбора, дает основания утверждать, что неформальные механизмы трудоустройства/найма *укоренились* в массовом сознании и получили распространение в хозяйственной практике. В среднем, каждый третий случай трудоустройства (найма) – результат использования социальных сетей. Это означает что неформальные механизмы являются важнейшими компонентами комплексного социального механизма взаимодействия субъектов белорусского рынка труда и на 1/3 обеспечивают функциональные возможности данного механизма в отношениях работника с работодателем за счет взаимной активизации потенциала социальных сетей. Частота обращения к неформальным каналам свидетельствует о том, что основной функцией социальных сетей на белорусском рынке труда является информационное посредничество, которое используется как канал, *дополняющий* формальные каналы трудоустройства работников и каналы найма работников работодателями.

Литература:

1. Polanyi, Karl. 1957. The Economy as Instituted Process // Trade and Markets in the Early Empires. Glencoe.
2. Granovetter, Mark. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. Vol. 91. P. 481–510.
3. Granovetter, Mark. 1992. The Sociological and Economic Approaches to Labour Market Analysis: A Social Structural view // The Sociology of Economic Life / Ed. by M. Granovetter and R. Swedberg. San Francisco. P. 233–257.
4. Szelenyi, Ivan, Beckett Katherine, Lawrence King. 1994. The Socialist Economic System // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser and R. Swedberg. – New York. P. 234–251.
5. Szelenyi, Ivan. 1978. Social Inequalities in State Socialist Redistributive Economies // International Journal of Comparative Sociology 19. P. 63–87.
6. Edwards Richard, Reich Michael, Gordon David. 1985. Labor Market Segmentation. N-Y.
7. Polanyi, Karl. 1977. The Livelihood of Man. New York.
8. Theories of Labor Market Segmentation / Ed. by R. Loveridge, A. Mok. – Brussels, 1989.
9. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 369–399.

Ссылка:

1 В исследовании принимали участие к.с.н. Н.Н. Сечко; к.с.н. Е.В. Таранова; к.с.н., доцент О.В. Кобяк. Автор – руководитель научного коллектива и разработчик концепции.

Флуктуации хозяйственной жизни: функция и субъект

Томилов В.А.

В истории семьи, нации и любой другой группы есть периоды спада и расцвета, проявляющиеся как колебания уровней эффективности. Эти колебания (флуктуации) – механизм воспроизводства совместной деятельности людей, его функция, а форма, в которой она осуществляется как спад или расцвет, определяется составом её участников.

Ключевые слова: Хозяйственная жизнь общества, совместная (групповая) деятельность, интенсивность (темп) труда, способности работника, профессиональный отбор, совокупный (групповой) работник.

Tomilov V.A.

The Fluctuations of Economic Life: Function and Subject

In the history of the family, the nation or any other group there are periods of recession and flourishing, shown as fluctuations of efficiency levels. These fluctuations are the reproduction mechanism of people's joint activity, its function, but the form in which it is realized as recession or flourishing is determined by the structure of its participants.

Keywords: Economic life of a society (community), joint (group) activity, intensity of labour, fluctuation of efficiency of economic life, abilities of the worker, professional selection, a group worker.

В истории хозяйственной жизни семьи, нации и любой другой группы, по мнению П.А.Сорокина, есть периоды расцвета и упадка, принимающие форму роста/ спада производства. Однако нет оснований видеть в колебаниях (флуктуациях) хозяйственной жизни проявление какой-либо тенденции. Иначе говоря, в истории хозяйственной жизни не наблюдается тенденции к раю процветания и к аду нищеты. «История показывает только бесцельные флуктуации» [1, с. 309-310].

Цель статьи – обратить внимание на то, что сама история семьи, нации или любой иной группы возможна благодаря их способности становиться субъектами хозяйственной жизни, которая протекает в обществе *непрерывно*. Поэтому флуктуации в форме роста/ спада её эффективности – это механизм самопроизвольного воспроизводства совместной (групповой) деятельности как *непрерывной* по своему характеру, его функция, а форма осуществления этого процесса всегда зависит от состава участников, то есть субъектов хозяйственной жизни общества.

Участники совместной деятельности имеют разнообразные способности. В связи с чем элементом организации труда на предприятии в XX веке становится профессиональный отбор, предшествующий обучению кандидата на рабочее место. В профессиональном отборе особое внимание обращается на наличие или отсутствие свойств личности, определяющих генотипом, и не поддающихся изменению, тренировке и формированию. Но в профессиональной деятельности также представлены свойства, связанные с его фенотипом, – совокупность «свойств человека, которые можно формировать или изменять» [2, с. 46]. Иными словами, в совместном труде работников представлены свойства человека, определяемые его «природой» и образованием, что позволяет говорить как о разнообразии способностей, так и о механизме связей между ними, структуре процесса.

Если у одного работника способности меняются в зависимости от того, какой предмет им производится, то два человека проявляют различные способности при производстве одного и того же предмета. Отсюда следует, что в групповой деятельности людей возникают бесконечные комбинации производственных *ситуаций*, у каждой всегда найдутся «два измерения – *интенсивность и продолжительность*» [3, с. 71, 73]. Особенности измерений могут быть представлены в контексте как аристотелевского, так и галилеевского способов мышления, обусловленной ими картины мира и места, которое отводится в ней человеку и формам его активности.

Кардинальная характеристика аристотелевского способа мышления – это «приписывание свойств,

которые проявляет объект, самому объекту, его природе» [4, с. 6]. В послеаристотелевской науке получили (на протяжении двух тысячелетий) развитие только теории о социальных и психологических переменах, которые рисовали картину активности человека в сравнительно статичном обществе. Другими словами, они не принимали во внимание, что состояние общества, как и процесса совместной (коллективной) деятельности людей определяется и «через совершенно специфические параметры, например, скорость, с которой протекают наши взаимоотношения. ...Можно разложить их на компоненты и измерить скорость, ... измерить продолжительность отношений» [5 с. 36, 37].

Пример сравнительно статичной картины изменений как общества, так и активности человека в ходе совместной деятельности людей – предложенное М.Вебером описание феномена «этоса» хозяйственной жизни.

М.Вебер, подчеркивая важность свойств человека, которые формируются у людей в процессе жизни, обращал внимание на «*своеобразный склад психики, привитый воспитанием*», и выделял такое направление воспитания, которое, с одной стороны, обусловлено религиозной атмосферой родины и семьи, а, с другой стороны, определяло «выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности» [6, с. 64]. В данном случае имеется в виду то, как исторически возникла «специфическая ментальность, или “этос”, “дух капитализма”» [7, с. 297].

В значительно меньшей степени обращается внимание на изменения в обществе, на латентном уровне влиявшие на становление «“производительности” труда в

капиталистическом значении этого понятия» [6, с. 204].

М.Вебер рассуждает «о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей “профессиональной” деятельности» [6, с. 76]. С этим процессом связан один несомненный факт: в немецком языке у слов «Beruf» есть два значения – «профессия» и «призвание», смысл которых протестантские народы (по преимуществу народы) понимался как «религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче» [6, с. 96, 193]. А, например, в русском языке синонимом слова «призвание» считается слово «склонность» в значении *предрасположенность* к профессии, которую человек избирает с опорой на свои природные способности [8, с. 609]. Поэтому важно обращать внимание и на то, что активность протестанта протекала в исторических условиях, когда община, где он состоял, уже не считала «достойной порицания и перемену профессии» [6, с. 190, 191], как это имело место в прошлом.

Интерес представляет и то, что мотивом «перемены профессии» выступает желание повысить её «доходность» [6, с. 190], практическим средством для которого оказывается выбор профессии, отвечающей способностям человека. И в этом смысле то, что отличало протестантскую общину до XX века, с его приходом делает профессиональный отбор элементом организации труда на предприятии. В рамках не только крупного предприятия, но и в современной фирме, менеджеры определяют в качестве *явной* цели то, что в *латентном* виде имело место в протестантской общине.

Известно, что членство в японской фирме завоёвывается прохож-

дением через отборочные тесты, которые разработаны с целью убедиться в том, что «каждая группа работников начинает... карьерный путь как максимально однородная по способностям группа» [9, с. 71]. Иными словами, *перемена* профессии в общине протестантов – первая институциональная форма, если иметь в виду опосредованный и всеобщий характер действия на её членов религиозного долга, профессионального отбора как средства становления *однородной* хозяйственной группы или *гомогенного* по составу участников субъекта хозяйственной жизни общества.

В отношении анализа «доходности», вызванного *переменой* профессии, могут быть использованы взгляды К.Маркса и современных исследователей хозяйственной жизни общества.

К.Маркс, обращая внимание на неравенство работников по уровню их профессиональных способностей, замечает, что «один человек физически или умственно превосходит другого и ... доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой... При равном труде... один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого» [10]. И, кроме того, получит больше, если станет заниматься тем делом, к которому у него есть природные способности. Иными словами, природные склонности работника, если они реализуются в трудовой деятельности, дают ему излишек, то есть «доход», размеру которого «соответствует рента на эти способности» [11, с. 76]. Эта рента (излишек) может вкладываться в развитие хозяйства, но она не име-

ет отношения к развитию капитализма. Как замечает Ф.Фукуяма, на накопление капитала позитивно влияют такие *индивидуальные добродетели*, о которых писал М.Вебер: рациональность, бережливость и трудолюбие. Но развитие капитализма связано с дорогостоящей машинной техникой и технологией. Поэтому оно нуждается не в *индивидуальных*, а в *социальных добродетелях* – в доверии граждан друг к другу и к государству. В условиях *социального доверия* происходит становление банков или форм концентрации капитала в крупных размерах с последующим вложением в индивидуальные структуры – *сеть* взаимодействующих между собой мелких и крупных промышленных и финансовых *корпораций*. Кроме того, если в обществе нет *социального доверия*, то взаимодействие между его членами в качестве своего условия предполагает наличие *сети посредников* – правового аппарата и формальных правил. Их функционирование «ведет к большим издержкам – своего рода налогу на все формы экономической активности, налогу, который общества с высоким уровнем доверия не платят» [12, с. 145].

Таким образом, роль индивидуальных добродетелей имеет значение для аристотелевского способа мышления, когда высокопроизводительный труд связывается, как правило, с *рационально-волевым* субъектом трудовой деятельности, его способностью к рациональному, добросовестному труду и аскетическому образу жизни. Но в этом случае не принимается во внимание, что институт образования или его организации (структуры), ориентирующие человека на выбор профессии в соответствии с природными способностями, являются субъектами своего рода

образовательной (воспитательной) ренты или *дохода*, к происхождению которого *рационально-волевые усилия* людей прямого отношения не имеют. Это, однако, не мешает присваивать его в различные исторические периоды развития человеческого общества всем, кто – так или иначе – участвует в хозяйственной жизни.

Галилей поставил вопрос иначе: если любой объект проявляет свои свойства во взаимодействии с другими объектами, то «свойства и являются характеристикой конкретных взаимодействий между объектами. Например, вес тела – это не имманентно присущее его “природе” свойство, а характеристика его взаимодействия с гравитационным полем Земли» [4, с. 6-7]. И тогда к уровню производительности труда работника имеет отношение *скорость*, с какой совершается людьми профессиональные действия. Между скоростью профессиональных действий и производительностью совместного труда есть связь: «суть производительности труда предельно проста – это *результат*, деленный на *количество времени*, в течение которого он получен. Например, триста деталей в час, три управленческих решения в минуту и т.п.» [11, с. 49]. Это справедливо, если речь идет об отдельном работнике, но не о совместной деятельности людей: при оценке результатов совместной (коллективной) деятельности людей важно учитывать результаты, которые дает реальная организация профессионального отбора.

Измерения производительности совместной деятельности могут представляться в контексте профессионального отбора как элемента организации труда и по его результатам. Если профессиональной отбор был произведен удачно,

производительность труда рабочих, при прочих равных условиях, «возрастает на 20-40%, не считая высокие качественные показатели и более низкий уровень утомляемости человека после смены» [3, с. 62]. И тогда работники, «удачно» прошедшие профессиональный отбор, – это одна из групп, участвующих в хозяйственной жизни общества в той или иной организационной форме. Другая группа состоит из работников, которые «неудачно» прошли профессиональный отбор. Обе группы, являясь *гомогенной* по составу, отличаются тем, что в одной «средняя» производительность труда на 20-40% выше, чем в другой. Вместе с тем, их представители могут входить в качестве участников в состав совместной деятельности, и уже в этом случае образуют *гетерогенную* группу, включающую в себя неоднородный по способностям состав.

Если различие между первой и второй группами работников очевидно, то этого нельзя сказать в отношении третьей группы. При её характеристике можно обратиться к закону, который привлек внимание еще А.А.Богданова: «...прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скоростью эскадры – наиболее тихоходным кораблем» [13, с. 353]. Однако участники совместной деятельности, хотя и производят свои действия с различной скоростью, их состав изменяется в непрерывном режиме. В связи с этим организаторам хозяйственной жизни общества и менеджерам различных уровней необходимо «контролировать как достигаемые результаты (“сколько километров мы уже прошли?”), так и текущую производительность труда и её прирост (“Какова скорость нашего движения, увеличивается она или уменьшается?”)

Причем чем сильнее конкуренция, тем больше внимания следует обращать именно на “скорость” и “ускорение”, а не на “пройденное расстояние” само по себе» [11, с. 49]. Иначе говоря, иметь дело с информацией, с одной стороны, характеризующей *темп* совместной деятельности людей, с другой стороны, являющейся по своей природе «асимметричной».

«Темп» хозяйственной жизни – это феномен, делающий предметом внимания *спад* производительности *совокупного работника*, то есть факторы низкой производительности групповой профессионально-трудовой деятельности людей.

Идея «совокупного работника» была выработана и использовалась в рамках марксистской теории. Ее суть в том, что «создаваемые в том или ином звене производственной сферы ценности являются результатом объединенных трудовых усилий всех занятых здесь работников, относящихся к разным профессиональным группам, в том числе и тех, представители которых сами по себе, т.е. вне связи с другими, никаких новых ценностей не создают» [14, с. 108-109].

Вместе с тем представленная выше идея может быть соотнесена и с пониманием того, что, участвуя в совместной деятельности, люди входят в состав *совокупного* (коллективного) *работника*, у которого возникает и новое *системное* качество – его целостность. *Целостность* должна непрерывно возрождаться, чтобы *совокупный работник* был субъектом хозяйственной жизни общества. С этим процессом непосредственно связана активность структуры *совокупного работника*, более точно – процесс её трансформации в форме *структурной инерции*.

Различия, обнаруживающиеся в результатах индивидуальной трудовой деятельности людей, сохраняются и в *совокупном работнике*. В контексте биологически заданных способностей, то есть способностей «от природы», каждый является «предельным» работником по уровню своей активности: работником «типа А(т+с)» или «типа В(т-с)», где «т» – труд или профессия(\), «+с/-с» – наличие/отсутствие профессиональных способностей к делу, которым работник занимается. Иными словами, работники, которые прошли профессиональный отбор «неудачно», не в состоянии увеличить *скорость* действий настолько, чтобы производительность труда возросла на 20-40%. Поэтому трансформация *гетерогенной* группы в *гомогенную*, что обеспечивает её *целостность* и способность участвовать в хозяйственной жизни, достигается через *падении* темпа действий тех работников, которые «удачно» прошли отбор. Здесь речь идет не о человеке как носителе долга, или *воле-рациональном* субъекте, а о структуре *совокупного работника*, о направленности её трансформации в ходе самопроизвольно протекающей *структурной инерции*.

Структурная инерция регулирует сам *темп* деятельности *совокупного работника*. Общая активность работников «предельного» типа, или «тип А(т+с)» + «тип В(т-с)» + ...», также протекает на «предельном» уровне, принимая следующую форму: «В(т-с)» < «А(т-с)». То есть имеет право стать *реальностью* не «средняя» производительность совместной деятельности людей, а «достаточная» для того, чтобы *непрерывно* воспроизводился *совокупный работник* в качестве субъекта хозяйственной жизни общества.

Иными словами, основа в совместной деятельности, принимающей различные формы, – всегда «предельная» активность наименее производительного из участников или представляющего группу тех, кто профессиональный отбор прошел «неудачно».

Структурная инерция, стимулируя *спад* производительности труда *совокупного работника*, предполагает наличие условий, которые также самопроизвольно вызывают «транзит» его активности на уровень *оптимальной* производительности труда, «минуя» форму воспроизводства его *целостности* (системного качества). В связи с этим *совокупный работник* имеет два уровня эффективности труда – *достаточный* и *оптимальный*. Если первый уровень характеризует его самопроизвольное воспроизводство как субъекта *непрерывно* текущей хозяйственной жизни, то второй определяет достижение результатов, которые обеспечивают развитие общества. Кроме того, существование уровней показывает, что их возникновение, с одной стороны, зависит от состава участников совместной деятельности, с другой стороны, они не связаны с рационально-волевыми усилиями и протекают спонтанно в форме флуктуаций, спада/роста её эффективности. Поскольку совместная деятельность имеет два уровня эффективности, обусловленные особенностями «перехода» профессиональных действий работников в то, что становится *темпом*, это позволяет относить её к особому классу *динамических* систем. Такого рода системы «не являются ни полностью детерминированными, ни чисто случайными и в них какие-то события истории определяют ход процесса развития» [15, с.184].

В качестве события, определяющего ход процесса развития, является выбор, который делает человек как его участник. И тогда профессиональный отбор может пониматься как в узком, так и в широком смысле слова. В первом случае есть объект, предмет и цель отбора, а результат – *оптимально-интенсивная* активность гомогенной группы, которая на 20-40% превосходит активность других субъектов хозяйственной жизни. Если же речь идет о хозяйственной жизни общества в целом, то профессиональный отбор важно понимать в широком смысле. Здесь уже нет субъекта, объекта и цели, а сам отбор трансформируется в *профессиональный выбор*, обеспечение которого является задачей института образования. Успешное решение этой задачи превращает его в субъект образовательной ренты.

Образовательная рента – доход, возникающий благодаря тому, что институт образования успешно решает задачу профессионального отбора и профессиональной ориентации. В силу того, что интенсивность совместной деятельности зависит от состава участников, активность которых является достаточной для её непрерывного осуществления, то рост производства на 20-40% и есть доход, достающийся обществу бесплатно и выступающий фактором его развития. Получение ренты возможно, когда профессиональный отбор понимается как в узком, так и в широком смысле слова. Но в первом случае её достижение предполагает наличие «симметричной» информации, определяющей силу воспитательного воздействия на человека; во втором – «асимметричной» информации, то есть оценки его выбора, от которого зависит эффек-

тивность хозяйственной жизни общества в целом.

Итак, флуктуация интенсивности совместной деятельности – это самопроизвольно текущий в хозяйственной жизни общества процесс, не имеющий отношения к рационально-волевой активности её участников, но непосредственно влияющий на их состояние. Как *непрерывная* совместная деятельность людей, с одной стороны, в состоянии протекать на *достаточном* и *оптимальном* уровнях её интенсивности; с другой – *достаточная* и *оптимальная* интенсивность совместной (групповой) деятельности являются границами, в пределах которых «переход» с одного уровня на другой имеет форму роста/спада производства и протекает как флуктуация. В подобном случае устойчивость того или иного уровня интенсивности труда, отличающей хозяйственную жизнь общества как форму совместной деятельности, зависит не от результатов профессионального отбора, а от выбора сферы приложения труда каждым из её участников.

Литература:

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
2. Рофе А.И. Экономика и социология труда: Учеб. пособие. М.: Издательство «МИК», 1996. 128 с.
3. Джевонс У.С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии / / Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. 380 с.
4. Леонтьев Д.А., Патяева Е.Ю. Курт Левин – методолог научной психологии // Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
5. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.

6. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н.Давыдов; Предисл. П.П.Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
9. Дор, Рональд. Различия японской и англосаксонской моделей капитализма // Анализ рынков в современной экономической социологии: пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 423 с.
10. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19 (<http://dparchives.narod.ru/marx/tom19.htm#s003>).
11. Казакбаева Г.М. Исследование взаимосвязи образования и человеческого капитала // Вестник ВЭГУ. 2009. № 4. С. 73-82.
12. Бусова Н.А. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8. С.144-148.
13. Богданов А.А. Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
14. Волков Ю.Е. Проблемы социологии и социальной философии. Избранные статьи и научные выступления. Т. 1. М.: ИД «АТИСО», 2007. 325 с.
15. Дэвид, Пол. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 533 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Сравнение исторической динамики России и Европы

Афанасьев В. В.

В статье прослеживается историческая судьба России в сравнении с многовековым развитием Европы. Автор приходит к выводу о том, что в Европе доминируют процессы объединения, в России – процессы распада. В будущем России предстоит пережить период обособления окраин в отдельные самостоятельные государства по «однонациональной» модели, а самой же еще сохранять свой многонациональный характер.

Ключевые слова: империя, трансатлантическая солидарность, европейская политическая система, культурная граница

Afanasev V. V.

Comparison of the historical dynamics of Russia and Europe

In the article the historical fate of Russia in the comparison with the centuries-old development of Europe is outlined. The author comes to the conclusion that in Europe prevail the processes of association, in Russia - processes of disintegration. However, in the future of Russia is in prospect to survive the period of the detachment of the outskirts into the individual independent states for «odnonatsionalnoy» model, and by the very to still preserve its multinational nature.

Keywords: empire, transatlantic solidarity, European political system, the cultural boundary

Если в XIX веке речь шла о России и Европе, то в XX веке речь идет о России и Западе. Понятие Европа изменилось: она уже не является самостоятельной политической величиной, а является лишь частью западной цивилизации. Это подтверждается в частоте повторяемых европейскими политиками уверениях их верности трансатлантической солидарности. Представление о России также изменилось: в XIX веке это была Российская Империя, в конце XX века – Российская Федерация. Если сравнить динамику политических систем Европы и России, то сразу же обращает на себя внимание несколько интересных моментов, но главное, что подобное сравнение ясно показывает, что эти системы находятся на различных стадиях исторического развития.

Становление политической системы в Европе заняло несколько столетий. Основу ее составляла империя Карла Великого, границы которой практически не изменились до настоящего времени, а дальнейшее развитие было связано с образованием на территории этой империи национальных госу-

дарств. Установление баланса сил между европейскими нациями можно считать наивысшим пунктом развития политической системы Европы. Пять государств, примерно одинаковых по своему геополитическому потенциалу, были едины во мнении, что ни одно из них не имеет права усилиться настолько, чтобы представлять угрозу для своих соседей. В противном случае остальные государства вступали в коалиции для совместной борьбы и возврата пошатнувшегося баланса сил.

В XIX веке эта система стала давать сбои. Могущественная Франция нарушила баланс власти, который был восстановлен только с помощью неевропейской страны – России. В XX веке ситуация повторилась, только на гегемонию в Европе претендовала уже не Франция, а Германия. Вновь неевропейские государства (США и СССР) были вынуждены вмешаться в ход европейской истории. После второй мировой войны США стали играть важную роль в европейской политике, инициировав процесс объединения Европы, то есть медленное разрушение традиционных национальных государств и передачу их суверенитета общеевропейским политическим структурам. Сегодня в ЕС Европа нашла новую динамическую форму, которая постоянно изменяется в процессе своего расширения. В истории европейской политической системы можно условно выделить три периода: период империи, период развитых национальных государств и период европейского сообщества наций (ЕС). Не зная этих периодов, невозможно понять современную европейскую политику.

Сравнение динамики политических систем Европы и России позволяет выделить следующее

важное отличие: если в Европе доминируют процессы объединения, в России – процессы распада. После распада Российской Империи, основу которой заложил еще Петр I, идет перманентный процесс обособления ее частей – процесс становления новых национальных государств. Этот процесс еще не закончен, о чем свидетельствуют современные политические события. При этом Советский Союз был переходной формой, которая имела черты как бывшей империи, так и признаки национальных государств. Именно во времена СССР национальный принцип государственного строительства был впервые применен в полной мере.

Особенно ярко отличие динамики развития политических систем Европы и России видно, если сравнивать произошедшие почти одновременно распад Советского Союза на 15 независимых республик и объединение 15 европейских государств в Европейский Союз. Если бывшие республики СССР получили государственный суверенитет, то страны ЕС, отдали часть своего национального суверенитета наднациональным общеевропейским структурам. Все это подтверждает тезис о том, что Россия и Европа представляют собой две политические системы, имеющие различную историческую динамику¹.

Является ли Россия частью Европы?

Несмотря на изложенные выше очевидные факты, есть теоретики, утверждающие, что Европейский Союз и Российская Федерация могут создать единую политическую систему, которая должна называться «единой» или «большой» Европой. Особенно часто можно слышать об этом в России, где со времени перестройки

говорят о строительстве «общевропейского дома». Эту идею развивают не только известные ученые из Фонда Горбачева, но и эксперты из Института Европы РАН. По их мнению, не только возможно, но и необходимо интегрировать Россию в европейские политические структуры.

Противоположного мнения придерживаются так называемые «неоевразийцы», находящиеся в настоящее время в оппозиции к демократически настроенным политическим силам. Наиболее известными их идеологами являются Александр Панарин и Александр Дугин. Ассен Игнатов следующим образом характеризует позицию А. С. Панарина: «Путь России на Запад, ее интеграция в Европу возможна, но только совершенно другим путем. Представители демократов, говорящие о необходимости европеизации России не хотят замечать тот факт, что Россия не является «государством русских», а представляет собой особую цивилизацию... Она является не «Второй Европой», а «Третьим Римом», наследницей Византии. Тем самым путь в Европу представляется, в отличие от представителей западников, только как путь геополитической победы под флагом православного мессионизма. «Те, кто хочет вступления России в ЕС не понимают, что она там будет второстепенной, зависимой страной»².

На Западе получила распространение другая точка зрения, согласно которой, если бы Россия и вступила в ЕС, то она бы взорвала эту организацию изнутри. Этого мнения придерживается, например, Манфред Петер, который считает, что Россия и ЕС являются самостоятельными политическими образованиями, которые могут иметь договоренности толь-

ко на двухстороннем уровне как равноправные партнеры³. Многие европейские авторы рассматривают данную проблематику со скрытой надеждой, что Россия согласится на подчиненную роль в Европе. Аргументами для оправдания такого мнения часто служит констатация кризисного экономического и политического положения в современной России. Эта же надежда скрывается в формулировке «привязать Россию к ЕС»⁴.

Срединную позицию в данном вопросе занимает руководитель центра по изучению России немецкого «Фонда науки и политики» в Берлине Хайнц Тиммерманн. Он предлагает говорить о вступлении России в ЕС в очень отдаленной перспективе: «Многие российские политики, как и Ельцин, много раз ставили вопрос о полном членстве России в ЕС. Поскольку эта перспектива в настоящее время представляется нереальной, то следовало бы это вступление рассматривать как отдаленную цель»⁵.

Особое мнение на этот счет имеет Гельмут Вагнер, считающий, что РФ имеет реальные шансы для вступления в ЕС, но для этого ей необходимо соответствовать всем европейским нормам, а защите своего национального суверенитета доверить ЕС. Если же Россия не пойдет по этому пути, то она будет «продана и предана», «отброшена назад», окажется в изоляции и вынуждена будет сотрудничать с Китаем. По мнению Вагнера, вступление в Европейский Союз соответствует «национальным интересам России», но она должна для этого отказаться от СНГ и создать с ЕС некую «конфедерацию», которая будет промежуточным этапом на пути к ее полному членству в ЕС. Принятие России в ЕС приведет к созданию «единой Европы без границ»⁶.

В Германии и других странах ЕС Россия по-прежнему рассматривается как некая периферия, которая не может оказывать существенного влияния на саму Европу. Так Герхард Симон пишет: «Окраинное положение России и ее культурная близость к Византии привели к тому, что в средние века европейские институты там не получили своего развития»⁷. По мнению Симона, в этом виновата сама Россия, так как она сама не хотела интегрироваться в западный мир. Многие немецкие авторы придерживаются аналогичного мнения, указывая при этом на особенности России, особенно ее истории и географического положения. Так, Карл Шлегель видит особенность России в ее среднем положении между Европой и Азией: «Двойственный, дуалистический характер России заключается в том, что она чувствует свою принадлежность к Европе и одновременно чуждость ей»⁸. Эту же идею развивал в начале XX века Освальд Шпенглер⁹. Однако, сама Германия также является страной занимающей промежуточное положение и некоторая двойственность политики свойственна и ей.

Сегодня проблема взаимоотношения России и Европы находится в иной плоскости: сегодня уже вопрос стоит не о том, является ли Россия частью Европы, а в какой мере Европа является частью России? Дело в том, что, начиная с XIX века, Россия вмешивается в европейские дела, сначала в составе антинаполеоновской, а затем антигитлеровской коалиции, и в обоих случаях, оказывается на стороне победителей. Поэтому можно говорить о том, что европейская часть евразийского континента также находится под влиянием России. Начиная с

символического участия в 1814 году русского царя в параде победы в Париже, Россия рассматривает Европу как свою часть. Именно тогда Россия впервые господствовала на всем пространстве евразийского континента, что послужило началом новой эпохи во взаимоотношениях России и Европы. Об этом не следует забывать сегодня, когда Россия находится на кризисном этапе своего развития.

Проблема взаимоотношения России и Европы является важной проблемой в истории российской политической мысли. По мнению Николая Бердяева тема «России и Европы» была основной темой XIX века, именно она в наибольшей степени характеризует «русскую идею и русскую миссию»¹⁰. Не потеряла своего значения эта тема и сегодня. Политические дискуссии о расширении Европейского Союза вновь ставят старый вопрос о том, где же проходят восточные границы Европы.

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на отношение России и Европы с отдаленной исторической перспективы. Только в этом случае становится ясно, что такой границей является Восточная Европа в целом. По Восточной Европе проходит не только политическая, но и этническая, не только культурная, но и географическая граница Европы. Этническая граница – это граница между германскими и славянскими племенами, культурная граница – это граница между католичеством и православием, географическая граница – это граница между немецким нагорьем и российской степью, между морским климатом Европы и континентальным климатом России.

Срединное положение Восточной Европы между Европой и Россией сравнимо со срединным по-

ложением России между Европой и Азией, причем в данном случае Европа и Азия (Китай) имеют больше общего, чем Европа и Россия. Петр Чаадаев считал, что Россия одной рукой опирается на Китай, а другой - на Германию. Федор Достоевский писал: «Для настоящего русского Европа, как и судьба всей арийской расы так же дорога, как и сама Россия». По его мнению, Азия для России также имеет большое значение, поскольку «Россия находится не только в Европе, но и в Азии»¹¹.

Западники видели будущее России в ее единении с Европой, славянофилы говорили о великой цивилизаторской миссии России в Азии, но и те и другие считали Россию и Европу двумя культурными мирами. Россия рассматривалась ими как самостоятельный культурный мир со своими религиозными, политическими, экономическими и социальными ценностями. Исходя из такого подхода, сама постановка вопроса о том, является ли Россия частью Европы, становится абсурдной. В такой постановке вопроса скрыто желание видеть Россию в качестве сферы влияния европейских интересов.

За время многовековой истории Россия получила свой, отличный от европейского, опыт политического существования. В результате во всех сферах общественного бытия Россия выработала свои стандарты, именно поэтому так тяжело приживаются на российской почве сегодня европейские законы. Россия не может существовать по европейским нормам, поскольку у нее есть свои, соответствующие ее историческому опыту, культурным традициям и географическому положению¹². Новая попытка европеизировать Россию показала еще раз, что она при всем желании не может стать ев-

ропейской страной. Кроме того, для большинства европейцев ясно, что Россия «не подходит» к ставшей такой маленькой Европе. Именно поэтому становятся непонятными призывы некоторых российских политиков добиться для России равноправного положения среди других европейских наций. Карл Шлегель, например, пишет: «Я думаю, что было бы правильным рассматривать развитие России в контексте европейской динамики»¹³. Подобная европоцентристская точка зрения, которую разделяют, к сожалению, некоторые российские политики, ведет к ложному представлению о принадлежности России к Европе.

После наполеоновских войн культурные контакты между Россией и Европой стали более интенсивными. Эти контакты вошли в сознание народов и оставили свой след в литературе. Как считает Вольфганг Гайер, эти контакты часто носили, к сожалению, негативный характер и основывались на «незнании друг друга, недоверии, страхе, ненависти, враждебности и предрассудках»¹⁴. Сегодня в эпоху глобализации многие старые национальные предрассудки потеряли свое значение, а необходимость сотрудничества заставляет по-новому взглянуть на чужие культуры и народы. Поэтому именно сегодня появилась надежда преодолеть пропасть исторических предрассудков, разделяющих народы России и Европы.

Российская Федерация как национальное государство

Если раньше слово «Россия» означало Российскую Империю, то сегодня оно означает Российскую Федерацию. Когда П. Стыков пишет, что Россия является страной, которая «ищет себя, свое национальное государство», то он,

конечно, имеет ввиду Российскую Федерацию – новое национальное государство, возникшее на развалинах Российской Империи¹⁵.

Для правильного понимания истории России представляет интерес тезис Николая Яковлевича Данилевского о том, что так называемый «государственный период» у России закончился¹⁶. Согласно его теории культурно-исторических типов, наивысшим пунктом политического развития России была Российская Империя XIX века. Именно она создала условия для современного развития России по пути демократизации, по пути создания на ее территории национальных государств. Петр Чаадаев был убежден в том, что для России расширение государства уже не является приоритетом, таким приоритетом становится участие России в мировой культуре¹⁷.

Советский период в истории России можно рассматривать как период перехода от старой империи к эпохе национальных государств, таких как Польша, Финляндия, а после 1991 года и других государств, бывших советских республик. Все они образуют культурное единство, хотя политического единства уже нет. Для всех их характерна единая этническая структура, которая возникла в результате смешивания тюркских (финно-угорских) народов со славянскими племенами, по аналогии с кельтами и германцами в Европе. Религия перестает быть важнейшим связующим элементом, уступая место культуре в широком смысле слова. Национальная проблематика актуальна сегодня на территории всего бывшего Советского Союза, а процессы формирования новых наций еще не завершились.

Господствовавшая ранее коммунистическая идеология также пред-

ставляет собой смесь имперских и национальных политических идей. Распад старой империи и формирование новых наций – это один и тот же процесс, когда на месте унитарного государства возникает конфедерация новых национальных государств. Эта конфедерация оставалась в советское время очень централизованной, сегодня же дает входящим в ее состав государства большую свободу действий (СНГ). Процесс этот означат перманентные реформы. Начиная с отмены крепостного права и заканчивая перестройкой Горбачева, политическая парадигма не изменилась и направлена на либерализацию общественных отношений.

Демократические реформы 90-х годов способствовали усилению процессов формирования новых наций. Многие народы бывшей империи стремятся сегодня создать свое национальное государство. Начало этому процессу положило восстание в Польше. Советский Союз можно рассматривать также и как неудавшуюся попытку приостановить распад империи, попытку сделать этот распад регулируемым.

Процессы исторического распада Российской Империи совпали с расколом российской элиты на два лагеря: западников и славянофилов. Их взаимная борьба привела к гражданской войне и, в менее кровопролитных формах, присутствует до сих пор. В советское время коммунисты выступали до войны западниками, а после войны стали славянофилами. Сегодня это противостояние продолжается в форме борьбы демократов и патриотов. По мнению Льва Гумилева, российский суперэтнос прошел в своем развитии фазу надлома¹⁸ и находится на нисходящем этапе развития, который связан с процессами урбанизации, когда основ-

ная часть жителей России стала горожанами. Соответственно изменилась и социально-классовая структура общества.

С 1861 года в России идут перманентные реформы, за отменой крепостного права последовала реформа образования, судопроизводства и т. д., пока изменения не коснулись практически всех сфер общественной жизни. В начале XX века Столыпиным была проведена аграрная реформа. Коммунистические реформы после революции 1917 года привели к резкому обнищанию кода-то богатой страны. Реформы Горбачева способствовали не только распаду Советского Союза, но и развалу его экономики. Идеологической почвой для этих реформ является революционная философия, возникшая в XIX веке в среде декабристов и давшая за два столетия глубокие корни в России. Результатом этих реформ является неизбежное ослабление государства, что выражается не только в потере окраин, но и в регионализации его структуры. Именно это ослабление государственного гнета, которое происходит на наших глазах, высвобождает общественные силы для развития экономики, которая, вероятно, станет основной целью для будущих поколений россиян.

В последние годы в научной литературе не прекращается дискуссия о месте России в современном мире. Во времена холодной войны и существования так называемой двухполюсной системы мира Россия, в виде бывшего СССР, представляла собой один из полюсов всей системы международных отношений. После крушения мировой системы социализма, Варшавского Договора, распада СССР и перехода к однополюсной системе мира встал вопрос о новой роли

России и бывших социалистических стран в мировых политических структурах.

Как известно, Российская Федерация объявила себя преемницей международных обязательств бывшего Советского Союза. Она унаследовала относительно развитую экономику, солидный научно-технологический потенциал, мощные Вооруженные Силы. Недостаточное развитие инфраструктуры, значительная отсталость в широком использовании современных технологий не позволили России претендовать на роль одной из ведущих экономически развитых стран мира. Однако развитый военно-промышленный комплекс, наличие в структуре ВС современных стратегических и космических вооружений делают Россию одной из ведущих военно-политических держав мира.

Эта явная диспропорция ставит перед современной политической элитой множество проблем, основная масса которых не нашла своего удовлетворительного разрешения до настоящего времени. Очевидно, чтобы устранить данную диспропорцию необходимо по возможности способствовать экономическому развитию России при сохранении военно-стратегического потенциала на минимально необходимом для обороны уровне. В этом согласны представители основных политических партий России. Но на пути реализации этих планов возник целый ряд объективных проблем и препятствий, не позволяющих полностью претворить их на практике.

Речь идет о том, что для развития российской экономики отсутствуют основные предпосылки, в особенности это касается недостатка необходимых финансовых ресурсов. Неоднозначно решается проблема и с односторонним со-

кращением военно-технического потенциала страны. Основную настороженность вызывают открытые агрессивные намерения некоторых стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Сможет ли Россия занять место региональной державы на евразийском континенте или она должна быть далее поделена на свои составляющие по этническим и территориальным признакам? Где находится тот предел процессов политического распада и административного деления, который на протяжении последних лет происходит на огромном евразийском пространстве? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исходить из традиции российской государственности, которая существует на протяжении нескольких веков лет и отражает собой глубинные политические стереотипы русского народа. Эти стереотипы должны определять и современную политику России, и только они способны подсказать пути выхода из кризиса.

Географические особенности российского государства выдвигают целый ряд требований, игнорировать которые невозможно. Пространственная удаленность окраинных территорий от политического центра обусловила традиционную авторитарную форму политического устройства России. Во все периоды, когда сила центра ослабевала, на окраинных территориях возникали центробежные тенденции, грозящие целостности государства. Устойчивый централизм российской власти способствовал установлению стабильного политического порядка в стране. В силу наметившихся современных тенденций демократизации, ослабления роли центра и усиления политической самостоятельности территорий появляется

заметный вакуум власти. Усилились противоречия между центром и территориями.

Важной особенностью современной политики России является ярко выраженный национальный подход в решении политико-административных проблем. Такой подход явно противоречит традиции российской государственности, когда представители различных этносов и наций равноправно участвовали в политической жизни многонационального государства. История не раз показывала, что национализм всегда чреват обострением политических проблем, так как он всегда основан на народном эгоизме, который порождает агрессию в отношении других народов. Брать за основу административно-политического устройства такой принцип означает закладывать бомбу замедленного действия, которая рано или поздно взорвется.

Вакуум власти плюс перманентные межэтнические проблемы на фоне экономических трудностей не позволяют России в полной мере проводить свою позицию и отстаивать свои интересы на международной арене. Но именно в этот не благоприятный для России исторический период и происходит перекройка политической карты мира с учетом нового распределения сил. Речь здесь в первую очередь идет о расширении НАТО на Восток. Недооценка роли России, ее геополитических возможностей, с одной стороны, и переоценка роли и значения ее бывшего стратегического соперника (США), с другой стороны, чревата неадекватным восприятием многими актерами международной политики мировых объективных реальностей.

А реальности эти таковы: Россия, несмотря на все существующие неустройства и проблемы, ос-

тается в военном отношении достаточно сильным государством, способным выполнять интегрирующую роль. Она способна обеспечить не только свою собственную безопасность, но и безопасность своих союзников на всем континенте, который нуждается в политической стабильности для устойчивого экономического развития. Россия могла бы, используя все выгоды своего стратегического положения, давать гарантии военной безопасности другим странам в обмен на технологическую и финансовую поддержку. Если в ближайшее время эти тенденции не найдут конкретные формы реализации, то процессы политической и экономической дестабилизации этого огромного пространства Земли могут стать необратимыми.

Европейские страны пытаются вовлечь Россию в орбиту своей политики. Раздаются голоса о вступлении России в Европейский Союз и даже в НАТО. Насколько реальны перспективы такого вступления? На многие вопросы еще предстоит ответить, поскольку на данный момент российское государство не выработало определенной внешней политики, не нашло своего места в новой политической структуре мира.

Россия – империя или нация?

Современные политические события способствуют росту интереса к проблематике национального вопроса. В Германии эти проблемы стали актуальными в связи с ее объединением, в Западной Европе – через заключение Маастрихтских соглашений 1992 года о создании Европейского Союза, в Восточной Европе – через выход из Варшавского пакта, в России – через распад Советского Союза. Для всех затронутых этими историческими процессами народами становится

актуальным ответ на вопрос: Какую ценность имеют нации? Какова роль наций в современной истории? Каково будущее нации? Проблемы нации и национальных государств стали особенно актуальными в XIX веке. Именно тогда встал вопрос о создании на месте бывших Австро-Венгерской и Турецкой империй независимых национальных государств. Сегодня в связи с объявлением политической независимости и бывшими советскими республиками эти проблемы возникли с новой остротой.

Эти события определяют важность теоретического осмысления вопросов, связанных со становлением и развитием национальных государств. Между тем, вопрос о нациях и национализме достаточно стар. Имеется обширная литература по этим вопросам. В России уже в прошлом столетии эти проблемы нашли развитие в работах таких известных авторов как Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Н. С. Трубецкой, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин.¹⁹ На Западе эти проблемы исследовали Й. Гердер, И. Фихте, Э. Ренан, О. Бауер²⁰ и др.

Нация представляет собой государственно-организованный народ со своей особой культурой. Каждая нация есть явление органическое, имеющее свою историческую судьбу: рождение, зрелость, старость. Так согласно К. Н. Леонтьеву, весь цикл исторического развития национального государства охватывает примерно одно тысячелетие. Например, национальное государство как форма политической жизни народов Европы появляется после распада империи Карла Великого, а пик своего исторического развития переживает в эпоху Возрождения. Именно в этот период появляются во всем своем могуществе Испа-

ния, Англия, Франция. В истории развития европейских наций можно выделить два периода: сословно-монархический и народно-демократический. Водоразделом между этими периодами служит эпоха революций.

Нация складывается из различных племен и народностей, населяющих территорию государственного образования, не имеющего национальных признаков, и постепенно, в течение длительного времени, осознает свое единство. Создание национальных государств является, как правило, результатом разрушения империй²¹. В национальном государстве народ получает возможность наиболее адекватным образом развиваться, отстаивать свои интересы и развивать свою собственную культуру.

Национальные государства можно признать в некотором смысле идеальными формами организации человечества. Они, и только они, имеют возможность развиваться органически, потому что, как пишет Хаген Шульце, именно «в национальном государстве народ свободен от всякого чужого господства»²². Николай Данилевский отмечает: «Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает, в пространстве и времени, возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления»²³.

Для развития современной системы международных отношений характерна тенденция распада крупных государств на более мелкие составляющие, с одной стороны, и создание экономических и политических блоков мелких государств, с другой стороны. Весь мир организуется как система региональных ассоциаций, состоящих из национальных государств.

Несмотря на кризис национально-государственной формы политического устройства в Европе, в других странах мира именно эта форма остается самой распространенной, а для некоторых государств даже и в определенном смысле идеальной, ориентированной на будущее. Может ли модель национального государства найти свое применение в России?

П. С. Стыков отмечает, что Россия сегодня находится на этапе поиска своего национального государства, на этапе осмысления своего места и своего призвания среди других народов мира²⁴. Но на этом пути ее ждет множество вопросов и препятствий. Так, например, встает вопрос: «На каких принципах должно основываться “свое” национальное государство, ибо “национальное государство” в смысле этнически более или менее гомогенного образования на территории Российской Федерации невозможно»²⁵. С последним утверждением трудно спорить, поскольку, с одной стороны, в Российской Федерации проживает кроме русских более 130 других народов и национальностей, составляющих примерно 17% всего населения страны, с другой стороны, более 25 миллионов русских оказались на территории бывших советских республик, а ныне независимых государств (Украина - 11,3 млн., Казахстан - 6,2 млн., Узбекистан - 1,6 млн., Белоруссия - 1,3 млн., Киргизия - 0,9 млн.)²⁶ Эти цифры свидетельствуют о том, что именно русские в наибольшей степени пострадали в результате распада Советского Союза.

По своим географическим особенностям и историческим традициям Россия заметно отличается от остальных стран Европы, где модель национального государства получила наиболее яркое развитие.

Речь идет о большой территории Российской Федерации, несмотря на то, что она значительно меньше бывшего СССР. Размер территории, как известно, накладывает отпечаток на политическое устройство. Как заметил в свое время еще Шарль Монтескье, для больших по территории государств наиболее адекватной формой политического правления является монархия, а не республика.

Такие особенности национально-менталитета россиян как врожденный интернационализм, «открытость» российского общества для выходцев любых национальностей, то есть отсутствие дискриминации по национальному признаку привели к тому, что представители «некоренных» национальностей широко представлены на всех уровнях российского общества. Все это затрудняет применение модели гомогенного национального государства для Российской Федерации. Россия не может стать национальным государством в традиционном его понимании без этнической чистки, на которую ни государство, ни народ в принципе неспособны.

Особые проблемы в реализации модели идеального национального государства в России представляет традиционная терпимость со стороны государства к многочисленным народностям и национальностям, проживающим на территории России, что позволило этим народностям не только сохраниться самим, но и сохранить свою культуру. Эта традиция значительно обогащала культуру России на протяжении веков. К сожалению, распространение национализма в последнее время привело к росту политических амбиций малых народов России, что имеет крайне негативные послед-

ствия и приводит не только к многочисленным этнополитическим и социальным конфликтам, но и ведет к вымиранию наиболее незащищенных народов.

Многие исследователи отмечают, что современные европейские народы сложились уже в начале нынешнего тысячелетия, в то время как российский этнос окончательно сложился лишь в XVI веке. Л. Н. Гумилев указывал на разницу в историческом возрасте народов, составляющих основу современных наций в России и Европе примерно в пятьсот лет.²⁷ Кроме того, национальное государство можно рассматривать как переходную форму от старых империй к новым содружествам государств, таких, например, как Европейский Союз. На месте старой Империи Карла Великого возникли современные европейские государства, которые в настоящее время постепенно сливаются, все отчетливее становясь единой политической системой, то есть национальное государство является исторически преходящей формой государственного строительства. Разницу в процессе этногенеза России и Европы можно изобразить в виде таблицы:

Если исходить из предложенной выше схемы, то России предстоит в ближайшее время пережить период дальнейшего обособления окраин в отдельные самостоятельные национальные государства по «однонациональной» модели, а самой же еще сохранять свой многонациональный характер, от которого ей при всем желании в настоящее время не избавиться.

	империя	нации	Сообщество
Европа	Карл Великий	Франция, Испания, Италия, Англия и др.	ЕС
Россия	Петр Великий	РФ, Украина, Белоруссия, и др.	СНГ

Ссылки:

1 Afanasiev V. Russland und Europa: Alte und neue Fragestellungen // Berliner Osteuropa Info 19/2003. S. 40 - 45.

2 Ignatow A. Das russische Europa-Bild heute, in: Berichte des BIOst 48/1997, S. 14.

3 Peter M. Russlands Platz in Europa, Berlin 2001, S. 89.

4 Timmermann H. Strategische Partnerschaft: Wie kann die EU Russland stärker einbinden? in: SWP-Aktuell, 12.04.2002, S. 11.

5 Timmermann H. Impulse, Rückschläge und Chancen für eine Partnerschaft. in: Berichte BIOst 3/1999, S. 21.

6 Wagner H. The Changing Relationship between Europe and Russia, in: Forum Baltikum, Tartu 2000, S. 123.

7 Simon G. Russland und die Grenzen Europas, in: Osteuropa 11/1999, S. 1095.

8 Schlügel K. Ein Sonderweg Russlands? In: Die Gemeinschaft Unabhängigen Staaten. Stuttgart 1992, S. 45.

9 Spengler O. Politische Schriften. München 1932, S. 109.

10 Berdjaev N. Die russische Idee. Sankt Augustin, 1983, S. 30.

11 Dostojewski F. Tagebuch eines Schriftstellers. Darmstadt 1963, S. 584.

12 Afanasjew W. Natürliche und kulturelle Besonderheiten Russlands in seinem Verhältnis zu Europa, in: Berliner Osteuropa Info 14/2000, S. 53.

13 Schlügel K. Ein Sonderweg Russlands? In: Die Gemeinschaft Unabhängigen Staaten, Stuttgart 1992, S. 48.

14 Geier W. Rußland und Europa. Wiesbaden 1996, S. 1.

15 Rußland wieder im Dunkel. Berlin 1992, S. 202.

16 Достоевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1998. С. 384.

17 Tschaadajew P. Apologie eines Wahnsinnigen. Leipzig 1992, S. 87.

18 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 237.

19 См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. В кн.: Собрание сочинений Владимира Соловьева. Т. 5., Париж, 1974; Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1997; Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920; Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1987; Сорокин П.А. О русской нации: Теория национального вопроса. М., 1994.

20 Herder J.G. Ideen zur Geschichte der Menschheit. Wiesbaden, 1985; Renan E. Was ist eine Nation? In: Granzfalle. Über neuen und alten Nationalismus. Leipzig, 1993; Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. In: Bauer O. Werkausgabe, Bd. 1, Wien, 1975.

21 По мнению Эрнста Ренана национальному государству должно предшествовать династическое правление.

22 Schulze H. Staat und Nation in der europäische Geschichte. München 1994, S. 209.

23 Данилевский Н.А. Россия и Европа. М., 1991, С. 222.

24 Stykow P. Slawophile und Westler: die unendliche Diskussion. In: Rußland wieder im Dunkel. Berlin 1992, S. 107.

25 Oswald I., Voronkov V. Föderation oder Imperium? Zu den Tendenzen einer zukünftigen Nationalitätenpolitik in Rußland. In: Berliner Debatte 3/1994, S. 6.

26 Nolte H. Nationenbildung östlich des Burg. Hannover 1994, S. 376.

27 См.: Марченко Г.И. Этнос как объект и субъект политики: социальные основы политики // Вестник Московского университета, Серия 12. № 5. 1997. С. 24.

Концепция «догоняющего развития»

Кравченко А.И.

Россия в XIX в. относилась к странам с запаздывающим развитием капитализма. В начале XX в. она вступила в фазу монополистического капитализма, что позволило большевикам совершить революцию и привести общество к социализму. Однако на всех стадиях своего развития Россия являла технически и экономически отсталую страну. В результате ни одна общественно-экономическая формация не была ею полностью пройдена.

Ключевые слова: капитализм, социализм, феодализм, вторичная модель, догоняющее развитие.

Kravchenko A.I.

The concept of «catching up development»

Russia in XIX century related to the countries with the being late development of capitalism. At the beginning XX century it entered the phase of monopolist capitalism, which allowed Bolsheviks to complete revolution and to lead society to socialism. However, at all stages of its development Russia appeared technically and economically the backward country. As a result not one social-economic formation was by it valuable it was passed. Keywords: capitalism, socialism, feudalism, the secondary model, catching up development.

Нет сомнений, Россия представляет для историко-социологического анализа весьма непростой объект. Наибольшие трудности вызывает определение ее формационной принадлежности.

В советской исторической науке в 1980-е годы появилась концепция «трех эшелонов развития мирового капитализма». Дореволюционную Россию ученые отнесли ко второму эшелону, для которого характерны такие черты, как запоздалый старт капитализма, слабая представленность или полное отсутствие некоторых его формационных предпосылок (политических, правовых, культурных), определяющая роль внешних импульсов, конкуренция Запада. Спонтанный рост капитализма «снизу» сопровождался в России систематическим насаждением «сверху» — со стороны государства.

Все это деформировало эволюцию капитализма в России, приводило к совмещению его фаз. Таковы типичные черты стран второго эшелона, куда кроме России относятся также Германия и Италия. В этих странах самые развитые формы производства и бизнеса, самые малочисленные слои населения и меньше всего — крестьянства. В начале XX века доля России в мировом промышленном

производстве составляла чуть больше 3%. Незначительной (15—20%) в этих странах была доля частного сектора и наемного труда.

В то время как на Западе во главе движения за капиталистическое преобразование в большинстве стран стояла буржуазия, в России капиталисты ни в какой политической деятельности не участвовали. В реформе 1861 г., вызвавшей падение крепостного права и ориентированной на развитие буржуазного строя в России, буржуазия практически не участвовала. По мнению И. Пантина, Е. Плимака и В. Хороса, политические буржуазные партии в XX веке так и не сложились. Характерным для стран запоздалого развития ученые считают и такое явление, как различие — специфический продукт разложения сословной структуры. Другая отличительная черта — политическая ориентация квалифицированного ядра пролетариата. В Европе и Северной Америке рабочая аристократия боролась за сохранение существующего строя, т. е. ориентировалась на буржуазный либерализм, в России же значительная ее часть выступала за его революционное свержение и победу социализма. Специфичным в России было и развитие общественной мысли. Основная полемика шла между западниками и славянофилами, но проблемы индустриального труда они не касались. В центре внимания оставалась судьба поземельной общины.

По поводу формационной принадлежности России единства мнений между отечественными учеными не было не только в конце XX в., но и в его начале. Только до революции 1917 г. русские историки спорили не только о специфике русского капитализма, но и о своеобразии российского феодализма.

Единства не было ни тогда, ни позже даже порой в рамках одной научной школы. Так, В.И. Ленин заявлял себя верным последователем К.Маркса, но когда дело доходило до применения его теоретических положений к России, резко отклонялся от главного хода мыслей в марксизме. Первое — расхождение позиций Маркса и Ленина по вопросу о русской общине и развитии капитализма в России. Второе — противоречие в оценках уровня капиталистического развития России у самого Ленина.

Оба эти противоречия невозможно ни разрешить, ни устранить, если оставаться в плену методологически устаревших представлений о классиках марксизма. И дело здесь не только в том, что и Маркс, и Ленин неоднократно упоминали о своих ошибках в оценке тех или иных конкретно-исторических событий (у Маркса это теория периодичности кризисов капитализма, у Ленина концепция «военного коммунизма» как единственно правильной модели социализма). И не в том, что оба они никогда не претендовали на окончательную истину и всякий раз, когда это следовало, признавались в недостаточности у них исторического материала, знаний для более полного осмысления события.

Социологу, занимающемуся историческим анализом закономерностей развития общества, и желающему как-то опереться, получить подтверждение своих взглядов в работах классиков марксизма, не следует забывать два момента. Во-первых, конкретно-исторической определенности высказываемых ими оценках; во-вторых, соотнесенности этих оценок с конкретными целями и задачами идейной или политической борьбы. Исторические оценки Маркса и Ленина всегда контекстуальны, если можно

так выразиться, адресны. Этот факт вовсе не снижает их теоретической и методологической ценности, но требует относиться к ним с пониманием, если надо, то и критически. Лишь в этом случае высказывания классиков марксизма перестанут быть для нас непререкаемыми истинами, научными догмами. Именно против такой канонизации особенно и предупреждали Маркс и Ленин. Единственный способ продлить их жизнь, наполнить реальным, современным содержанием, это соотнести их с нынешними достижениями науки. Науки, которая в свою очередь, органично впитала теоретико-методологическую мысль Маркса и Ленина, каждый раз проверяя ее на деле, дополняя, исправляя и, в конечном счете, еще более усиливая ее доказательную мощь.

И совсем неудивительно, что наиболее ценную разработку историко-социологического наследия классиков марксизма сделали не советские философы, долгие годы односторонне развивавшие только теоретическую часть исторического материализма, подменившие в конечном итоге живую теорию абстрактно-логическими категориями и схемами, а историки-медиевисты. Конкретно-страновый анализ исторических процессов на Западе и Востоке позволил им сформулировать хорошо работающую концепцию формационных моделей, которую частично мы уже рассмотрели.

По характеру эволюционных процессов Россия не подпадает под так называемую первичную модель формационного генезиса, к которой относятся, в частности Англия и Франция. У нее не только иная последовательность фаз в историческом времени, но и разноформационная природа общественного устройства в каждый данный

момент этого времени, т.е. иные параметры исторического пространства. Кстати сказать, этими свойствами не обладают Германия и Италия, отнесенные авторами коллективной монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» к той же самой вторичной модели.

Чем же характеризуются страны вторичной модели? «Истоки главных специфических стран вторичной модели следует искать в факте изначального отрыва, отставания этих стран от классической модели по крайней мере ни одну фазу или более и возникновении в связи с этим объективной необходимости сжатия исторических сроков последующего развития. Речь идет не просто об ускорении процесса эволюции, а о скачке через фазу или значительную ее часть (своеобразная модель догоняющего развития)»¹.

Догоняющий характер развития стран вторичной модели происходит в силу внешних факторов. Более развитые страны опередили их в экономическом и, стало быть, военном развитии. Конкуренция на мировом рынке вынуждает аутсайдеров ускорять индустриальный потенциал, более быстрыми, чем прежде, темпами двигать промышленность. Экономическое превосходство всякий раз оборачивается и военным превосходством, а значит и угрозой политического поражения, потери национальной независимости. В виду такой угрозы аутсайдеры вынуждены еще более закручивать темпы экономического роста.

Характерен факт, который приводит С.Г. Струмилин: при Петре I военная промышленность совершила резкий скачок вперед. Того требовали постоянные войны, которые вел царь за выход к морским торговым путям. Но и допет-

ровская Россия, по мнению советского академика, обладала немалым военным потенциалом. В XVI в. на вооружении русской армии находилось 2 тыс. орудий, «московская артиллерия уже тогда ... занимала первое место среди других европейских государств»². Что же тогда побудило Петра 1 еще более усилить военную промышленность, сделать ее фактически единственной основой индустриального развития страны? К этому времени, и Петр это чувствовал, европейские страны, раньше России вставшие на капиталистический путь, начали ее обгонять.

И вот в точном соответствии с моделью догоняющего развития Петр наращивает индустриальный потенциал державы. Первые, по настоящему крупные отрасли отечественной промышленности возникают для удовлетворения военных нужд, а не для обслуживания свободного рынка, потребностей населения. Суконная промышленность обмундировывала армию, парусная и канатная обслуживала флот, металлургия обеспечивала артиллерию, писчебумажная отрасль выросла на почве удовлетворения единственного потребителя — разбухшего государственного аппарата. То же самое можно сказать о лесной, кожевенной, химической отрасли промышленности. На мирные нужды оставались жалкие крохи, «на рынок попадали в сущности только забракованные приемщиком куски ткани», составлявшие в середине XVIII в. 3% от общего количества сукна в стране³. Крупные централизованные мануфактуры петровской России обслуживали исключительно армию, на рынок работали кустарные промыслы, домашняя промышленность, небольшие заводчики и мастерские стеклянной, шелковой, зеркальной промышленности, поташные и пилооматериальные заводы.

Стратегия догоняющего развития сохранялась в XX и в XXI вв. По утверждению М.Кастельса, в 1980-х годы СССР в ряде секторов тяжелой промышленности производил существенно больше, чем США, однако к тому времени наличие мощной производственной базы уже не гарантировало экономического процветания. Как полагает М. Кастельс, Советский Союз «пропустил революцию в информационных технологиях, которая сформировалась в мире в середине 1970-х годов»⁴. В какой-то момент советское руководство допустило стратегическую ошибку, приняв решение сократить собственную программу исследований в сфере компьютерных технологий. Вместо нее проводилась политика «гонки за лидером», когда усилия многочисленных НИИ направлялись на копирование американской и японской архитектуры компьютерных систем. Результатом стало технологическое отставание в наукоемких отраслях, которые обслуживали военно-промышленный, но не гражданский сектор экономики.

Струмилин пишет о Петре 1: «Своими реформами и творческой инициативой Петр Великий впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству»⁵. По существу петровская эпоха оценивается им как исторический перелом, совершенный быстро прогрессирующим капитализмом в недрах уже сходящего с исторической сцены феодального строя. Отечественная черная металлургия за сто лет, т.е. в течение XVIII в., увеличила объемы производства в 66 раз и, опередив Англию и Швецию, вышла на первое место в мире⁶. Петровские реформы дали толчок дальнейшему развитию русской промышленности. Так, к 1725 г. численность рабочих мануфактурной промыш-

ленности не превышала 15 тыс. человек, в 1770 г. она поднялась до 57 тыс., а в 1825 г. — до 210 тыс. Иными словами увеличилась за 100 лет в 14 раз. но и в следующие сто лет, т.е. с 1813 по 1913 гг. число рабочих возросло с 172 до 2320 тыс. человек, или в 13,7 раза⁷.

Долгое время прогрессивное значение петровских реформ на развитие русского общества и отечественной индустрии оценивалось однозначно положительно. Однако в 1960-е годы появилась иная точка зрения. Советский финансист-практик, работавший в составе первого Советского правительства, А.П. Спундэ (1892—1962) иначе оценивает достижения Петра 1. При анализе темпов роста промышленности России, считает он, надо принимать во внимание множество факторов, в том числе чрезвычайно низкий начальный уровень отсчета. Действительно, еще Струмилин в 1954 г. перепроверил считавшиеся до него неопровержимыми данные И. Голикова и пришел к выводу, что к 1718 г. выплавка чугуна в России составляла не 6,6 млн. пудов, а лишь 566 тыс. пудов. Даже в 1730 г., т.е. после Петра 1 выплавка чугуна в России составляла 92% от Англии и лишь через 10 лет произошел скачок, когда эта пропорция равнялась 145%⁸.

Если Струмилин своими расчетами намеревался подтвердить исторически преобразующую роль реформ Петра, то Спундэ ставит совсем другую цель. «Темпы роста русской промышленности в том случае, если она имела целью догнать Запад или хотя бы перестать отставать от него, должны были многие годы непрерывно *возрастать*. Условия для этого (территория, население, дешевые рабочие руки) были. На самом деле имело место обратное. Если разбить все пореформенное время на два периода: 1860—

1880 и 1880—1913 годы, то обнаруживается, что ускоряют свой среднегодовой рост только выплавки чугуна (1,4% в первый период и 7,35% во второй) и производство хлопка (3,5% и 4,7%). Остальные отрасли *замедляют* свой рост (добыча золота — 2,9% и 0,4%, добыча угля — 12,7% и 8%, добыча нефти — 19,7% и 3,2%, производство сахара — 11,7% и 5,5%). В результате к 1913 году разрыв в промышленном развитии Европы и России не уменьшился, а увеличился. Если в 1800 году Россия по выплавке на душу населения (4,15 кг) находилась на одном уровне с далеко не передовой в промышленном отношении Францией (4,0 кг), то в 1900 году она уже отставала от Франции в 3 раза (22 и 69 кг), а в 1913 году — почти в 5 раз (27 и 120 кг)⁹.

Подобные расчеты, по мнению Спундэ, должны убедить нас в том, что российская промышленность совершила гигантский скачок только в развитии черной и цветной металлургии, во всем другом эпоха Петра продвинула ее очень мало. И хотя царю нельзя отказать в таланте и огромной энергии, но «все эти качества Петра, все его таланты объективно вели к усилению и оживлению *отмирающих* клеток государства и к колоссальному ослаблению экономически прогрессивных сил. Иначе говоря, Петр талантливо и энергично делал и сделал огромное по своему историческому значению реакционное дело, затормозившее развитие России на целую историческую эпоху»¹⁰.

Как видим, одна и та же эпоха в истории России, реформы одного и того же деятеля на основании одних и тех же фактических данных оцениваются прямо противоположно, причем специалистами достаточно компетентными в этом вопросе. Для одного Петр — про-

грессивный реформатор, положивший начало промышленному обновлению страны, открывший широко двери индустриальному предпринимательству, и капитализму в России. Для другого он реакционер, мало чем отличающийся от Ивана Грозного и Сталина (точнее великих реформаторов), который укрепил класс феодалов и ослабил буржуазию. У Спундэ Петр предстает весьма противоречивой фигурой, его заслуга — попытка искусственно начадить европейские образцы индустриального труда в одряхлевшем теле феодальной экономики, завершившееся создание исторического уникама — промышленности на крепостном труде. В итоге деятельности и самого Петра и всех его последователей в 1917 г. «по достигнутому уровню экономического и культурного развития Россия созрела только для перехода к капиталистической экономике»¹¹. Этот вывод разительно отличается от мнения В.И. Ленина и придерживавшегося его позиции С.Г. Струмилина. Последний видел ростки капитализма еще в XVI в., а решительный поворот к новому общественному строю произошел при Петре. Именно XVIII в. знаменует собой «вину» капиталистического развития, когда в недрах феодализма рабочая сила становится товаром, а наемный труд — преобладающей нормой производственных отношений, когда «полуфеодальный» капитализм (выражение Ленина) становится доминирующим, главным фактором развития промышленности¹².

Как бы не расходились количественные оценки временных границ наступления капитализма в России (у Спундэ и Струмилина они разнятся в два века), нам важно знать характеристику качественных параметров процесса, прежде всего выяснились скачкообразный тип

эволюции и признаки модели догоняющего развития, иными словами, два важнейших критерия вторичной модели. Выяснилась также одна из причин скачкообразного ускорения общественного развития — внешние факторы. В данном случае это постоянное военное давление со стороны группы промышленно более развитых стран, а это и обязывает данную страну, отмечал В.И. Ленин, «под угрозой политического и экономического поражения» начинать процесс экономического ускорения¹³.

Если стимулом к промышленному ускорению в странах вторичной модели служат чисто внешние факторы, то механизмом реализации самого процесса скачкообразного ускорения выступают внутренние факторы — политическая надстройка, государство¹⁴. Экономическая роль государства как фактора ускорения промышленного развития может быть достаточно разнообразной, в том числе введение системы оградительных пошлин. «Таким образом, специфика вторичной модели проявляется ... в том, что принципиальные сдвиги, изменения в характере естественной исторической эволюции обществ происходят под воздействием сверху и политическая надстройка выступает в качестве главного системообразующего фактора»¹⁵.

Здесь важно оттенить не сам факт существования воздействия сверху, не его наличие, а его характер и удивительную жизнестойкость. Фактически государственная помощь, опека и поддержка оставались решающим фактором возникновения и укрепления промышленности в период зрелого феодализма в России (XVIII—XIX вв.), его разложения и усиления капитализма (1860—1917 гг.), а также в период создания основ социализма, сформированной индустриали-

зации (1930-е годы) и так называемого развитого социализма (1960-е и начало 1980-х годов). На последнем этапе роль политической надстройки, раньше сдерживаемая частнокапиталистическим сектором в городе и дворянско-помещичьим хозяйственным укладом в деревне, достигла даже своего апогея. Высшей точкой командно-административной системы управления явился сначала бонапартистский режим Сталина, а затем — уже на излете этого процесса — «застойный» механизм управления Брежнева. Так, через несколько общественно-экономических формаций сохранил и даже укрепил свое влияние государственно-политический фактор развития промышленности.

Эти и другие обстоятельства, определившие специфику генезиса вторичной модели, в частности скачкообразное ускорение, послушливый причиной нарушения классической схемы последовательности смены фаз. «Уже само начало вторичной модели — общественные реформы, осуществляемые традиционной надстройкой без соответствующих предварительных сдвигов в экономических и социальных базисных структурах, — есть нарушение классической схемы, так как различные элементы, характерные для последующей (или последующих, в зависимости от степени отставания данной страны) фазы, появляются в обществе в условиях незавершенности текущей фазы. Тем самым старые границы между фазами как бы размываются, сами фазы деформируются, появляются новые вехи, которые заключают между собой уже качественно иные синтезированные фазы»¹⁶.

Такой «матрешечный» тип формационной эволюции, при котором различные фазы не сменяют друг друга, а как бы вкладываются, про-

никают друг в друга, был характерен и для исторического генезиса России. Историческое своеобразие России уникально. Оно отличается не только от развития капиталистических стран типа Англии, но и от развивающихся государств, например Индии. Так, в переходный период в Советской России встретились не две как в Индии, а, по существу, три формации.

Всякий раз общественные или экономические реформы происходили на неподготовленной почве, новое возникло не на остатках разложившегося и показавшего свою историческую бесперспективность старого, а где-то в его глубине, возникало как бы в момент «передышки» естественного и еще далекого от своего завершения старого. Поэтому одни и те же преобразования происходили по несколько раз. И поскольку их внедрение не приводило к успеху в силу исторической неподготовленности страны, то на новом эволюционном витке они появлялись еще раз, как бы «вторым изданием». Отсюда и несовпадения ритмов развития стран первичной и вторичной моделей, существенное отставание фаз развития вторых от первых. «Неравномерность развития феодализма на Европейском континенте особенно наглядно выразилась в том факте, что, когда в странах Западной Европы элементы крепостного права окончательно исчезли в XVI—XVIII вв., в восточноевропейских государствах в те же века наблюдалось усиление закрепощения крестьянства («Второе издание крепостничества»). Западноевропейские страны уже завершили там свою заключительную фазу, фазу умирания, в то время как большинство стран Восточной Европы еще проходило через первые фазы этой формации, период становления

феодалной государственности»¹⁷. Различными были и последствия одного и того же социально-демографического цикла XVI в.: освобождение крестьян от личной зависимости на Западе и закрепление их на Востоке Европы¹⁸.

Об этом же свидетельствует и С.Г. Струмилин, весьма серьезный и авторитетный статистик, но, как оказалось, сторонник искусственного завышения темпов капиталистического развития России. «Волею случая ... завершение феодально-крепостного уклада в России, оформленное Уложением 1649 г., совпало по времени с первой буржуазной революцией в Англии, покончившей там с феодализмом ... Это сулило России надолго и дальнейшее отставание от опередившей ее Англии»¹⁹.

Итак, в стране вторичной модели нарушается классическая схема последовательности смены фаз, расцвет исторически предшествующей и более отсталой фазы общественного развития, например феодализма, приходится там на начало или полный переход к исторически более прогрессивной фазе формационного цикла (капитализм). Как следствие — размывание границ, отделяющих одну фазу от другой, их проникновение друг в друга. Струмилин, только что заявивший об отставании России от Англии вследствие неожиданного, — неожиданного с точки зрения классической схемы последовательности фаз, — усиления в первой крепостного права (феномен «второго издания»), тут же оговаривается, стараясь смягчить первоначальную формулировку: «Не следует, однако, забывать, что закрепощение русской деревни никогда не было у нас полным и повсеместным. Даже в апогее крепостничества доля помещичьих крестьян не превышала и полови-

ны сельского населения... Простое закрепощение крестьянства к тому же долго ограничивалось лишь центральными районами страны, не достигая ее окраин»²⁰.

Но то, что выглядит оговоркой с точки зрения концепции Струмилина, представляет историческую закономерность с позиций иной, разноформационной теории вторичной модели. Усиление крепостничества в тот момент, когда по всем законам исторической логики в России должен был если не процветать, то прочно утвердиться капиталистический уклад, лишь подтверждает гипотезу взаимопроникновения элементов одной фазы в другую, размывания их границ, точно также неудивительно, что в другом месте Струмилин к XVIII в. относит укрепление капиталистического уклада, на первый взгляд, противореча другому своему утверждению - о восходящем развитии феодализма в тот период. Взаимопроникновение двух формаций и породило феномен «феодалного» капитализма. При таком наложении очень трудно ожидать, что страна переходит к более прогрессивному строю лишь после того, как полностью исчерпал себя старый уклад. Как известно, эта закономерность сохранилась и позже. Именно поэтому Ленин имел все основания утверждать о том, что социалистическая революция, произошедшая в экономически и культурно отсталой стране, должна будет еще «дорешать» те задачи, которые не успел завершить капитализм.

Тезис о размывании границ между фазами формационного развития, их деформации отчасти объясняет факт противоречия мнений историков о том, с какого точно момента отсчитывать начало феодализма, капитализма, а позже и социализма. Четкие границы

и временные даты установить в принципе невозможно, но не потому, что научная мысль еще не разработала теоретических критериев классификации или не накопила надежных эмпирических данных. Дело в самой логике событий. Как мы помним, А. Спундэ считал, что в начале XX в. Россия еще только созрела для перехода к капиталистической экономике. Струмилин же вслед за Д.П. Маковским, рецензия на книгу которого опубликована Струмилиным впервые только в 1966 г., утверждал, что уже в XVI в. в сфере промышленности и сельского хозяйства России «зародились капиталистические отношения». В это время по уровню развития промышленности и торговли Россия даже обгоняла Европу²¹. Струмилин считал, что «косвенно это подтверждается и крупными цифрами русского вывоза за границу, и наличием многих тысяч купцов внутри России, и тем, что эти русские купцы кредитовали английских на миллионы рублей, а не наоборот, и большими торговыми караванами многотонных судов, для обслуживания которых только на Волге требовалось — на 500 судов по 40 человек — до 20 тыс. наемного персонала, и наличием немалого круга мануфактур с числом наемных рабочих от 30 до 200 и выше, и такими крупными предпринимателями, как солевары Строгановы, нанимавшие до 10 тыс. рабочих»²².

Насчет точности цифровых выкладок со Струмилиным спорить трудно. Хотя отдельные, даже высокотехнические, образцы промышленности не влияют на ее общее развитие, а передовые предприниматели еще только должны были стать массовым агентом общественного производства. Такая закономерность распространения капитализма в глубь и вширь.

Неубедительно, если не сказать больше, звучит и другое высказывание Струмилина: якобы в XVIII в. «дешевое русское железо... своим обильным притоком в Англию ускорило в ней промышленный переворот XVIII в., но тем самым в уже закрепощенной России ускорило и ее отставание от буржуазного Запада»²³. Во-первых, промышленный переворот — длительный исторический процесс, подчиняющийся собственным законам. Во-вторых, весьма сомнительным кажется утверждение, что страны вторичной модели могут прямо влиять на страны первичной модели и ускорять их развитие. Хотя обратное воздействие — через заимствование Россией зарубежного опыта, приток иностранных капиталов, квалифицированных кадров, предпринимателей и техники — являлось постоянным, долгодействующим фактором. Однако заимствования революционным образом не ускорили техническое развитие, не совершили промышленного переворота. Если он и произошел (по мнению специалистов, в середине XIX в.), то причиной послужили внутренние закономерности исторического развития России.

Правда, закономерности весьма специфические, сильно отличающиеся от классической модели развития формация. Если в странах первичной модели раннекапиталистическая фаза предшествует, а затем «снимается» следующей фазой, фазой зрелого частного-хозяйственного капитализма, которая характеризуется целостностью всего общественного организма (т.е. существенной ориентацией социальных институтов на капиталистический уклад, а не на феодализм), то во вторичной модели зрелая фаза вообще выпадает. «В этом особенно наглядно проявляется догоняющий характер этих моделей.

Фазы раннекапиталистического и заключительного, империалистического развития непосредственно (минуя вторую фазу) переходят одна в другую. При этом раннекапиталистическая фаза резко сокращается не только во временном плане, но и по существу, т.е. в смысле неполного ее исчерпания, неполного ее прохождения обществом к моменту наступления мировой экономики империализма и соответствующих этому сдвигов в самих странах вторичной модели»²⁴.

По поводу рассматриваемой концепции следует сделать некоторое уточнение. В России раннекапиталистическая фаза была не сокращена, а напротив, растянута во времени. Страна долго и мучительно рождала товарно-денежные отношения, предпринимала не одну, а несколько попыток и всякий раз неудачно. Даже при развитии социализма власть боролась за внедрение полного хозрасчета (реформы Косыгина), т.е. пыталась решить те исторические задачи, которые не решил российский капитализм. Не случайно противники хозрасчета при социализме постоянно пугали «реставрацией капитализма». Но какого капитализма? Может быть, его раннекапиталистической фазы? А в 1990-е годы, сломав хребет «развитому социализму», наша страна внедряла какой капитализм?

К той зрелой фазе капиталистического общества, когда не одна только верхушка, а вся социальная пирамида заражена вирусом частного предпринимательства, когда все социальные институты полностью ориентированы на капитализм, Россия не подошла даже в октябре 1917 г., когда большевики заявили, будто бы страна, опередив весь мир, вступила в эпоху монополистического капитализма.

С позиций советской науки принято было рассматривать им-

периализм как неопровержимое доказательство высокого уровня развития капитализма в России и, следовательно, ее готовности к социалистической революции. В принципе советские ученые ничего не придумывали, а лишь возвели в догму совершенно правильные мысли Ленина об империалистической стадии как высшей и последней ступени капитализма — предпосылки социализма.

Авторы коллективной монографии об эволюции восточных обществ обратили внимание на тот факт, что Ленин стал употреблять термин «государственно-монополистический капитализм» в 1917 г., а возникновение самой этой категории в трудах Ленина было тесно связано с анализом ситуации в Германии и России²⁵, т.е. стран вторичной модели. Со вступлением в третью, высшую фазу капитализма страны вторичной модели явно опередили развивавшиеся до сих пор с опережением страны первичной модели — Англию и США, где по настоящему монополистические механизмы в экономике закрепились лишь после мирового кризиса капитализма 1929—1933 гг.

Случаен ли такой зигзаг истории? Явные аутсайдеры, всю дорогу тащившиеся в хвосте промышленно развитых стран, на финише вдруг опережают лидеров. По всей видимости, за отклонением скрывается своя закономерность. Отмечая в мае 1917 г. наличие двух групп «величайших капиталистических гигантов — Англии и Германии», Ленин, связывая монополистические тенденции непосредственно с Германией, писал: «... против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистичес-

ких яств, когда места были заняты, но внесших в борьбы новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей. Группа эта внесла начала государственствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»²⁶.

К «образцам передовой капиталистической страны» (выражение Ленина) можно, пожалуй, отнести Германию и США, но никак не Россию. Хотя она и совершила гигантский промышленный скачок, став четвертой или пятой индустриальной страной мира, но сделала это скорее по общему валовому приросту, чем по новым приемам производства и лучшей технике. Общим явилась роль государства, которая в России была такой же значительной, как и в Германии. Получается, что в одном случае государство выступает мощным тормозом, задерживающим развитие страны, а в другом — его ускорителем, способствующим броску общества через несколько ступеней и фаз развития. В одном случае государство — главный признак модели догоняющего развития, в другом — обгоняющего движения.

Не отсюда ли проистекают иллюзии, что с помощью государственных мероприятий, реформ «сверху» можно достичь «промышленного чуда», обогнать передовые капиталистические страны? Не их ли разделял сначала В.И. Ленин (в период «военного коммунизма»), а позже И.В. Сталин, стремившийся именно «сверху», через государственный аппарат и

административно-командную систему управления совершить форсированный индустриальный скачок, догнать и обогнать капиталистические страны?

Но чем завершилось столь раннее вступление Германии в стадию монополизации? Этот «образец передовой капиталистической страны», по уровню «организованности капитализма, финансового капитализма» в 1919 г. опережавший Америку²⁷, в 1933 г. еще больше закрутил гайки государственного механизма и утвердил в стране тоталитарный фашистский режим. В это время «отставшие» чуть ли не на целую фазу страны классического капитализма — Англия, Франция, Америка, — вполне успешно развивали буржуазную демократию.

Все попытки политического компромисса, соединения элементов буржуазной демократии с реально существующими абсолютистскими формами управления завершались в странах вторичного капитализма «утверждением классического — Италия, Германия — или модифицированного — Испания, Португалия, Греция и т.д. — вариантов фашизма»²⁸. Но как в таком случае оценивать сталинский режим в социалистической России? Сейчас пишут, что «коллективизация привела к уничтожению крестьянства, что репрессии осуществлялись не против отдельных людей, а против народа, что политические процессы тридцатых были насквозь фальсифицированы, что Сталин установил в стране диктатуру»²⁹. На основании подобных процессов сталинский режим квалифицируют как «модифицированный фашизм». Но это не субъективно-культурная особенность России, а объективно-историческая закономерность стран «догоняющего развития».

Таким образом, все страны вторичной модели, Германия, Испа-

ния, Италия, Россия, заплатили за форсированный скачок в высшую фазу капитализации дорогой ценой — установлением непосредственно фашистского или модифицированно-фашистского режима. Россию, как теперь это стало очевидным, не спасла от вхождения в такой режим даже социалистическая революция.

В свете сказанного иначе раскрываются причины возникновения сталинского режима, которые только на первый взгляд кроются в феномене культа личности.

Складывается впечатление, что Россия в дооктябрьский период не успела совершить чего-то очень важного, быть может самого главного. Уже то небольшое, что выяснилось здесь о специфике минования зрелой фазы частнокапиталистического уклада и неподготовленного, форсированного вступления России в высшую, империалистическую стадию, свидетельствует «об органической слабости государственно-монополистического уклада в странах вторичной модели, его неукорененности во всей структуре общества. Эти черты лежали в глубокой основе повышенной кризисности социальных структур и политической конфликтности общества ... Ведь в отличие от стран первичной модели, где государственно-монополистический капитализм унаследовал от второй фазы капитализма десятилетиями обрабатывавшийся механизм парламентаризма, который в последующем удалось тесно «припереть» к довольно эффективному и вышколенному бюрократическому аппарату, государственно-монополистический уклад в странах вторичной модели не унаследовал ничего подобного. Политические представители правящих классов в этих странах пошли по пути простого заимствования у страны первичной модели

выработанных там политических форм парламентаризма и насаждения их в условиях отсутствия социального консенсуса, характерного для вторых фаз развития стран классической или первичной моделей. Неудивительно, что «классический» парламентаризм в конечном счете не сработал в странах вторичной модели, где отсутствовало зрелое, органически целостное гражданское общество...»³⁰.

Сравнение социально-экономических условий Англии 1840-х годов и России 1880-90-х М.Туган-Барановский приходит к выводу об их тождественности. На то есть серьезные причины. Действительно, опыт европейских стран показывает, что *первые стадии* развития капиталистического производства сопровождаются ухудшением положения трудящегося класса. То же происходило и у нас. Но тот же опыт не менее убедительно свидетельствует, что единственное средство улучшить положение рабочего класса заключается в *дальнейшем развитии* капиталистического производства³¹. В подтверждение своих мыслей Туган-Барановский ссылается на знаменитое выражение Маркса о том, что общество страдает не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточности такого развития. Он оценивает высказывание Маркса, как наилучшую характеристику положения «всех стран, находящихся на первых стадиях капиталистического развития». Правда, Туган-Барановский не уточняет, идет ли речь о раннекапиталистической фазе или о более зрелой частнокапиталистической стадии. Но разрыв в 50 лет между моментом прохождения этой фазы Англией и Россией сохраняется. И в заключении автор еще раз напоминает свой главный тезис: «Единственное спасение от

всех зол капитализма заключается в его дальнейшем развитии»³².

Однако в чем именно состоит дальнейшее развитие капитализма в России и к чему оно должно привести? Если суть его в улучшении материального положения рабочего класса в целом, то сдвиги стали здесь заметными лишь к 1913 г., т.е. примерно 30 лет спустя (стало быть, разрыв с Англией в пол века еще не был преодолен), а затем в связи с первой мировой войной материальное положение российского пролетариата опустилось до самой низкой точки. Если речь идет о повышении заработной платы, то она имеет тенденцию постоянно колебаться.

Самое тяжелое у России оказалось не позади, а впереди. Обострение всех противоречий при империализме и главного – между трудом и капиталом, по мысли Ленина, и подтолкнуло Россию к социалистической революции. Здесь действует простая логика: если бы материальное положение рабочего класса и крестьянства в 1917 г. не достигло крайней точки, то никакая агитация большевиков не подвигла бы их ни на какую социальную революцию. И количественные показатели России «по валу» (выплавка чугуна и добыча нефти, концентрация пролетариата в городах и число крупных предприятий, обороты монополий) в данном случае ничего не объясняют. Напротив, они только маскируют кризисное положение страны. Смещение фаз развития, разнообразные перескакивания через исторические законы, аритмия экономической эволюции (то резкое отставание, то скачкообразное ускорение), неразвитость политических форм правления не могли не сказаться. Вместо того чтобы прогрессировать по капиталистическому пути, Россия то оставалась на месте, то скатыва-

лась вниз. Наложение империалистической стадии непосредственно на раннекапиталистическую еще больше запутывало положение дел и создавало иллюзию ускоренного исторического движения. Второй стадии развития капиталистического производства, пользуясь критериями Туган-Барановского, когда преобладающим становится машинный, а не ручной труд, Россия накануне октября 1917 г. так и не достигла. (Со всем недавно, в пору так называемого развитого социализма доля труда в общественном производстве опустилась у нас ниже 50%). Как не достигла она и другого – полного разорения крестьянства (до 1917 г. оно составляло 80% населения), превращения его в аграрно-индустриальный слой рабочего класса, т.е. ситуации, когда кустари прекращают конкурировать с крупной фабрикой благодаря дешевизне своей рабочей силы. Вот с этим тяжелым наследством капитализма и столкнулся социализм, его-то и имели в виду наши обществоведы, говоря о «родимых пятнах» капитализма.

Действительно, социализм застал капитализм, прямо скажем, не в самый подходящий момент его развития. Язвы русского капитализма эпохи первоначального накопления, которые в стране вторичной модели приняли оболочку монополистической фазы, были налицо, а достижения (демократическое правление, современная экономика и промышленность, высокий уровень жизни) были еще далеко впереди.

В 1917 г. большевистская партия взяла власть и оказалась единственной силой, которая могла спасти страну от великой катастрофы. Спаси, теперь это уже ясно, ценой, быть может, еще большей катастрофы. Ведь миллионные жертвы крестьянства и ликвидацию духовного ядра наро-

да – интеллигенции – иначе как катастрофой не назовешь. И после 1917 г. большевикам пришлось доделывать то, что не успел совершить в России капитализм. Доделывать при ином политическом режиме и иной социальной структуре общества. Это, в конечном счете, для стран вторичной модели не так важно. Но все это должно было быть сориентировано на главное – промышленный подъем страны, экономическое оживление общества. У стран первичной модели ушло на это несколько столетий, по крайней мере, лет двести очень напряженного, интенсивного движения «без перекуров». Так можно ли предполагать что социализму или, используя историческую метафору в смысле особенности вторичной модели, «русскому способу» догнать передовые капиталистические страны потребуются меньше времени?

Подводя итоги индустриального развития за советский период можно совершенно определенно сказать, что времени потребуются не меньше. Как-то уж больно легко обществоведы расстались с мыслью о том, что социализм есть самостоятельная и достаточно длительная общественная формация, и поспешили в 1960-е годы объявить переход к развернутому строительству коммунизма. А между тем, социализм на отечественной почве существовал уже дольше капитализма. Если началом последнему считать официально принятую дату – 1861 г.³³, то капитализм в России просуществовал 57 лет, а социализм – чуть более 70.

На основании статистических выкладок о темпах промышленного роста, повышения материального уровня жизни и ряда других показателей можно было бы почти математически точно вычислить, кто из них сделал больше полезного, у кого выше коэффициент

полезного действия. Но подобные расчеты, с точки зрения историко-социологического анализа, напоминают скорее игру ума, чем добротное научное исследование. Дело ведь в другом. Ни тот, ни другой общественный строй свою историческую задачу не выполнил. Разобраться в причинах – цель научного исследования.

Методологической посылкой может послужить различие двух уровней-макро и микроанализа, предложенное авторами уже упоминавшейся монографии. «В классической (т.е. абстрактно-теократической) модели зарождения, становления и развития капиталистической формации изменение сущности предшествует изменению формы, качественные изменения в базисе влекут за собой перемены в надстройке. В первичных конкретно-страновых моделях на макроуровне (т.е. на уровне общества в целом) происходит то же самое (именно в этом выражается, прежде всего, близость первичной модели и классической). Однако на макроуровне (на уровне отдельных аспектов общественного бытия) уже могут быть частные отклонения, заимствования извне конкретных форм и более или менее постепенное наполнение их новым содержанием. В странах же вторичной модели, наоборот, на макроуровне все начинается с заимствования и внедрения новой формы, которая постепенно, через фазу формального синтеза, ведет к сущностным изменениям. Однако на макроуровне могут наблюдаться и явления обратного порядка. В отдельных случаях обновляющееся содержание может существовать и в старых формах»³⁴.

Ярким свидетельством «обратного хода событий» во вторичной модели, когда изменения в форме определяют последующие изменения в сущности, т.е. надстройка

активно влияет и детерминирует развитие базиса, является преувеличенная роль государства. С теоретической точки зрения это объясняется выпадением второй фазы капиталистического развития в странах вторичной модели.

Полнокровная стадия развития капитализма наступает лишь тогда, когда раскрывается его сущность. Иначе говоря, изменяется сущность, а не форма. К сущности не относится простое товарное производство, которое преспокойно уживается с феодальными производственными отношениями, постепенно разлагая их изнутри. Речь идет о частнокапиталистическом этапе, когда свободная конкуренция и свободный рынок становятся несоместимыми с жесткой ролью государства. Это «фаза зрелых классов и зрелого одноклассового господства»³⁵. Но о каком классе идет речь? Естественно о буржуазии, которая в западноевропейских странах действительно привела к обществу с одноклассовым господством, а в России нет.

Ссылки:

1 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 235.

2 Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 236.

3 Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности М.: ОГИЗ-Госполитиздат. 1947. С. 36.

4 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. с.455.

5 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 338.

6 Там же. С. 324.

7 Там же. С. 340.

8 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 323.

9 Спундэ А. Очерк экономической истории русской буржуазии // Наука и жизнь. 1988. № 1. С. 77—78.

10 Спундэ А. Указ соч. С. 79.

11 Там же. С. 76.

12 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 328.

13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 131.

14 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 236.

15 Там же. С. 236.

16 Там же. С. 237.

17 Там же. С. 242.

18 Экономическая история. Проблемы и исследования. М.: Наука, 1987. С. 93.

19 Цит. по: Колонтаев А.П. Проблема занятости в развивающейся экономике. М. 1988. С. 32.

20 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 317.

21 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 156.

22 Там же.

23 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 157.

24 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 238—239.

25 Там же. С. 259.

26 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83.

27 Там же. Т. 38. С. 156—157.

28 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 258.

29 Литературная газета. 1988. 13 июля. С. 4.

30 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 254.

31 Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М, 1922. С.356 - 357.

32 Там же. С.357

33 «Основной факт, что капитализм в России можно считать господствующей... формацией уже со времени освобождения крестьян в 1861 году, пользуется у нас общим признанием» (см. Струмилин С.Г. Указ. соч. С.142).

34 Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С.262.

35 Там же. С.262.

И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Техногенное общество и природа в процессах глобализации

Дергачёва Е.А.

Глобализация на основе использования достижений науки, техники и технологий стремительными темпами меняет социальный и трансформирует биосферный мир на Земле. С одной стороны, техногенное развитие создает благоприятные условия для социализации человека, роста его благосостояния и социального прогресса общества в целом, а с другой стороны, ведет к глобальному разрушению биосферной природы, нарастанию социально-экологического кризиса, нежелательной трансформации человека и формированию искусственного земного мира. Это требует противодействия сложившимся глобальным тенденциям. Ключевые слова: техногенное социоприродное развитие, биосфера, техносфера, социотехноприродная глобализация, экологический кризис.

Dergacheva E.A.

Technogenic society and biosphere in globalization process

The globalization of the technogenic society based on scientific and technological productive forces changes social and biospheric world on the Earth swiftly. The technogenic development creates good conditions for social development and progress. But artificial direction of the technogenic society transformation leads to the global biosphere destruction and the rise of social and ecological crisis. It demands counteraction to global tendencies.

Keywords: technogenic sociobiospheric evolution, biosphere, technosphere, socitechnobiospheric globalization, ecological crisis.

На протяжении тысячелетий шло развитие общества в единстве с природным миром. Вначале жизнедеятельность человека определялась природно-биосферными условиями, затем, по мере перехода к производящей экономике и эволюции земледельческого общества, – природно-социальными, а в эпоху, начавшуюся после промышленной революции XVIII в., соответствующую генезису индустриального социума в Западной Европе и распространению его в мире, – уже преимущественно социоприродными, в которых науке, онаученному сознанию человека (мировой науке), технике, технологиям и техносфере в целом принадлежит роль ведущих факторов.

В аграрном обществе с медленными темпами прогресса функционирование и развитие социума еще во многом зависело от природных условий, хотя уже началась социализация растительного и животного мира на планете в период земледелия (в сочетании с

животноводством и ремеслом) при помощи естественно-биологической энергетики (мышечной силы человека и одомашненных животных) и социальные закономерности стали оказывать заметное воздействие на биосферу, но еще в локальных масштабах. Многоаспектная рационализация социоприродного бытия осуществлялась на основе социально развивающегося сознания и опыта и периодически приводила к качественным изменениям в обществе и природе, ей сопутствовали экологические кризисы регионального охвата, процессы сокращения биосферных пространств и дальнейшего восхождения глоболизирующегося социума. Однако если за 10 тыс. лет ведения сельского хозяйства человечеством израсходовано 1,5 млрд. га продуктивных земель, то еще 0,5 млрд. га утрачено за последние два столетия интенсивного индустриального развития, из них 0,3 млрд. га – за последние полстолетия разворачивания научно-технической революции, а оставшихся 1,5 млрд. га, по прогнозам, едва ли хватит на два века [1]. Накануне промышленной революции в мире уже существовали развитые земледельческие цивилизации.

Достаточно заметная и нарастающая рационализация связана с процессами преиндустриального развития в Западной Европе, а затем и с распространением индустриального развития на весь мир. Со времени промышленной революции, с конца XVIII в., существенно меняется характер совокупных производительных сил общества: основную энергетическую нагрузку вместо человека и животных стала нести техника, а с развитием НТР – и нанотехника (интегрированная совокупность науки, техники, технологий

и производства), что означало замену биосферных технологий искусственными, небiosферными. В начале XXI в. преимущественно ручным трудом занята еще половина населения мира, но доля ручного труда на планете составляет примерно сотую часть работ. Такая глобальная трансформация, основывающаяся на господстве машинного производства в промышленности и сельском хозяйстве, сопровождается переходом общественных систем и земного мира в целом на путь *техногенного социоприродного развития*, формирования качественно нового типа среды обитания людей – изменяемой и разрушаемой природной и создаваемой искусственной, техносферной, возрастания темпов социально-экономических изменений, хозяйственной и научной деятельности, социально-природной и техносоциальной детерминированности общественной жизни. Благодаря нанотехнике в мире формируются *техногенные*, во многом уже постаграрные общественные системы: вначале индустриальные, а с конца XX в. – и постиндустриальные. К техногенным общественным системам сейчас относятся страны Запада и Япония, вступившие на путь постиндустриального развития, Россия и страны бывшего СССР, Китай и индустриализирующиеся страны Юго-Восточной Азии.

Общество в результате промышленного переворота добилось огромных успехов в удовлетворении своих потребностей, социализации человека и природы планеты. В XIX-XX вв. была создана обширная искусственная предметно-вещная и электромагнитная, предельно урбанизированная природа – техносфера; примерно в пять тысяч раз увеличилось количество ученых (с 1 тыс. до 5 млн.)

[2]; более чем в 6 раз выросло население мира (с 0,9 млрд. до 6,1 млрд.), а число горожан – в 70 раз, достигнув половины жителей планеты; более чем в 2 раза повысилась средняя продолжительность жизни (с 30 до 65–80 лет); более чем в 200 раз возросло количество богатых и зажиточных, то есть социально обеспеченных, приближающихся к половине населения мира и т.д. Но генезис глобальной цивилизации осуществляется за счет беспощадного уничтожения ресурсов биосферы, которая катастрофически теряет свои способности к самовосстановлению. Так, в настоящее время человечество извлекает из естественного биогеохимического круговорота около 40% первичной продукции биоты, из них около 12% уже не продуцируется естественными природными экосистемами. Это примерно в 40 раз больше, чем в начале XX в., то есть только за последнее столетие в результате антропогенного воздействия существенно снижена мощность биоты, что, в свою очередь, приводит к глобальным генетическим и биогеохимическим изменениям [3, с.78].

Понятие «техногенность» и ему родственные употребляются в современной социологической литературе в значениях «технический», «техносферный», «индустриальный», хотя эти термины несут разную смысловую нагрузку. Современный техногенез социоприродного развития, как обосновывает автор статьи в своих монографиях, представляет собой коренные изменения и трансформации в обществе, естественной природной и создаваемой искусственной среде, происходящие под воздействием науки и основанной на ней технико-технологической деятельности человечества в направ-

лении существенных изменений биогеохимических процессов биосферы за счет массового внедрения в них небiosферных, искусственно созданных человеком веществ, большинство из которых опасны для естественной биосферной природы и ее живых существ [4, с.29–54]. К началу XXI в. человек научился синтезировать 18 млн. различных химических веществ, которые в основном являются загрязнителями биосферы. Только в атмосфере городов ученые обнаруживают сотни загрязняющих веществ, в тканях человека найдено до 2 тыс. посторонних веществ антропогенного происхождения, на мировом рынке в обороте находится до 200 тыс. их наименований, причем известны последствия воздействия на человека только 10 тыс. [5, с.328]. Современное общество является сложной, выходящей за пределы человечества, биосоциотехногенной системой и развивается на основе комплекса социотехнических, социобиосферных, технобиосферных и других определяющих взаимосвязей при постепенной передаче доминирующих и развивающихся земной мир функций от биосферы онаученным технико-технологическим системам. В постиндустриальном обществе индустриальный характер развития не исчезает, а совершенствуется и рационализируется на основе ускоряющегося развития наукотехники, постоянного внедрения научных знаний и новейшей техники в производство и все сферы социальной жизни, пространственного расширения техносферы. Глобализирующееся техногенное общество вместе с техногенно трансформированной биосферой формируют техногенный земной мир, который по своему охвату пока еще меньше земного биосферного

мира, но с нарастающей скоростью приближается к последнему, перестраивая биосферу в соответствии с усложняющимися социотехносферными процессами. Нарастающая техногенная (экономическая, научная и технико-технологическая) рационализация развивающегося социоприродного мира, основу которой на планете составляют рыночные методы хозяйствования, коренным образом меняет облик человеческого общества, превращая его в надприродно-искусственное, постбиосферное. Концептуальный анализ техногенной общественной системы и противоречий ее развития и рационализации был ранее проведен автором в статьях и монографиях [4, 6-10].

Глобальное техногенное развитие общества и природы отличается нарастающим формированием техносферы и искусственного материального мира в целом. Техносфера создается человечеством с целью приобретения им независимости от неблагоприятных факторов природной среды, повышения комфортности существования, степени удовлетворения социально-экономических, культурных и бытовых потребностей. Жизнь в техносфере – урбанизированных городских поселениях – становится неотъемлемым атрибутом человеческого существования, условием эффективного производства и прогресса, средством обеспечения человеческой жизнедеятельности, формирования основных жизненных установок и особенностей питания. В XXI в. происходит дальнейшее пространственное распространение техносферы. По приближительным оценкам, общая площадь урбанизированных территорий мира к концу XXI в. достигнет 13 % всей территории суши, в то время как она составляла

лишь 4% в конце XX в. [11]. Крупнейшие города мира, объединенные транспортными и коммуникационными системами, образуют гигантский техносферный геополис со своеобразной урбан-техносферной жизнедеятельностью, которую можно рассматривать уже как постбиосферную, а со временем – и становление в третьем тысячелетии всепланетарной техносферной жизнедеятельности. Этот техно-урбанистический каркас представляет ядро глобализации современного мирового сообщества. Вот почему, по мнению автора статьи, на смену биосферной системе жизни приходит *не просто глобальная социоприродная, а социотехноприродная система, включающая и техносферу*. Последняя утвердится уже в третьем тысячелетии, если человечество не предпримет решительных мер по сохранению биосферы, вне существования которой человек жить не может, так как хозяйственная деятельность глобализирующегося социума на четверть зависит от нынешних ресурсов биосферы, на две трети – от продуктов прошлых биосфер, а первичные потребности людей на 90% удовлетворяются за счет ресурсов и средорегулирующей функции современной биосферы [12]. Такие глобальные процессы техносферизации общества и природы необходимо учитывать в современных концепциях глобализации.

В исследовании процессов глобализации автор выделяет *две основных теории: социально-экономическую и эволюционную социотехноприродную* [8, 9]. *Первая теория*, наиболее распространенная в отечественных и зарубежных научных публикациях, охватывает практически все общественные процессы формирования мегаобщества, то есть гуманного гло-

бального земного сообщества. Представители этого направления акцентируют свое внимание на экономических, социальных, политических, информационных, научно-технических, экологических, социокультурных трансформациях, описывают разные аспекты глобальных проблем, инициированных либерально-экономическим развитием, настаивают вполне справедливо на их немедленном решении, так как это ведет к исчезновению человечества и биосферы на планете.

Вторая, разрабатываемая автором теория социотехноприродной глобализации включает единство биосферной природы и социума в их совместном историко-эволюционном развитии и восходит в своих основах к трудам философов так называемого *социоприродного подхода* – идеологов ноосферы В.И.Вернадского, Э.Леруа, П.Тейяра де Шардена, написанных в первой половине XX в., историков социоестественной истории, «Большой» («Универсальной») истории, работам А.М.Ковалева, В.А.Кутырева, Н.Н.Моисеева, социологов и философов *Брянской научно-философской школы социоприродных и техносферных исследований* Э.С.Демиденко, Н.В.Попковой и автора статьи [6, 7]. Данная теория не сводится к экологическому аспекту социально-экономической глобализации, хотя экологическая тематика в ней занимает одно из центральных мест. Социотехноприродная глобализация рассматривается автором как усложняющийся процесс органического слияния социальных и природно-биосферных форм жизни и перехода к новым, социотехноприродным формам жизни на основе направляемого капиталистической экономикой развития онаученного сознания

человечества, техники и технологий с включением в этот генезис техносферы. Осуществляется не просто глобализация социума в пределах планетарного пространства и формирование мегаобщества. Общество качественно трансформируется, становится техногенным, переподчиняет в ходе своего эволюционного развития биосферу, разрушает ее и создает искусственный, постбиосферный живой и неживой мир на основе биосферного. Глобализация техногенного общества направлена по пути становления нового, *системного социотехноприродного образования – техногенного земного мира*, объединяющего в совокупность техносферу с социумом, трансформированной естественной природой и остатками биосферы. Направление социально-техногенных изменений земного мира предопределено глобальными и взаимосвязанными процессами индустриализации, урбанизации, сциентизации, технологизации, информатизации, рыночной либерализации и сопутствующими им глобальными социоприродными проблемами.

В ходе глобального социотехноприродного перехода жизни на нашей планете – от естественной к искусственной – происходит деградация естественной природной среды, хищническая эксплуатация социальных и особенно биосферных ресурсов, нарастает социально-экологический кризис, что сопровождается усилением техногенности эволюции земного мира. Естественный природный мир техногенно социализируется, техносферизируется, наполняется искусственной и трансформированной биосферной реальностью, причем естественных биосферных систем постепенно становится все меньше. В XX в. ант-

ропогенные изменения стали глобальными и охватили весь земной мир, что сопровождается массовой гибелью различных видов организмов, сокращением площади лесных массивов, ухудшением плодородия почв и истощением в ближайшем столетии продуктивных земель (это ставит вопрос о биотехнологическом производстве продуктов питания и формировании искусственных почв), качественным истощением вод суши, интенсивным накоплением опасных отходов небiosферного происхождения и другими кризисными процессами. К этому необходимо добавить, что если в аграрном обществе биосфера самовосстанавливалась, то сейчас она не в состоянии восполнять потери.

Масштабы воздействия *онаученного техногенного социума*, творящего техносферу и преобразующего биосферу, по своим размерам и степени влияния на экосистемы Земли в XX–XXI вв. стали сопоставимы с естественными природными процессами. К социуму переходят функции творения постбиосферного, включая и биологическую жизнь, мира. Постбиосферный мир создается онаученным человеческим сознанием на основе искусственных (не существующих в природе) технологий. В этом мире сосуществуют как трансформированные (одомашненные, окультуренные, социализированные) биосферные организмы, так и техно-ноосферные, то есть созданные в научных лабораториях по разработкам учёных (биотехнологические, клонированные, генетически модифицированные, трансгенные и др. живые искусственные организмы, объединяющие гены различных растений и животных), то есть происходит замещение живого биосферного искусственным, техносферным. В

начале XXI в. в мире выращивается уже более трети трансгенной сои, примерно десятая часть хлопка и кукурузы и т.д. [13]. Модифицированные гены уже вызывают мутации, попадая в биосферную среду, дают потомство. Разрастание искусственного мира сокращает пространства биосферы, подавляет ее активность и способность к воспроизводству биосферной жизни. Возможно к концу XXI в. уже не останется биосферных животных и растений без генетических изменений.

Глобальные тенденции техногенной деградации биосферы не могут не сказаться на жизнедеятельности и здоровье современного человека, поскольку он является не только частью социума, но и биологическим видом, потребляющим продукцию биоты, а теперь уже и элементом, включенным в процессы техносферы. Техногенез инициирует взаимосвязанные *социокультурные, социотехнологические и социобиосферные трансформационные процессы* в человеке, которые удаляют вид *Homo sapiens* от естественных, природных показателей его жизнеспособности. Если в дотехногенную эпоху человек как биосоциальное существо был подчинен биосферным процессам, то в техногенную эпоху происходит нарастание социальных факторов в эволюции человека, которые воздействуют на биосферные, трансформируют, подавляют их и определяют ускоряющееся разрастание техносферы и ее влияние на организм и образ жизни людей, индивидуальные природные и социальные качества.

Становление индустриально-техногенной культуры сопровождается *социокультурными изменениями*, которые выражаются в возрастании *противоречий в раз-*

витии социальных и природных качеств человека. Если социальные качества быстро совершенствуются, то природные, сформированные биосферой (физиологические и психофункциональные системы организма), нарастающе деградируют. Расширение областей деятельности, участие человека в производствах, особенно в сфере умственного труда, обусловили развитие социальных качеств, что отразилось на усложнении его мышления, трудовых функций, образа жизни, способствовало формированию новых потребностей, удовлетворяемых в большей степени за счет биосферы. В развитии *социальных качеств* также наблюдаются *противоречия*, которые объясняются динамикой техногенных изменений. Возрастает значимость таких личностных рыночно-социальных качеств как индивидуализм, частнособственнический эгоизм и деградируют такие выработанные веками еще в земледельческом обществе качества как коллективизм, нравственность, сострадание и др.

В техногенном мире осуществляются *социотехнологические изменения* в человеке, то есть происходит *трансформация жизни* Homo sapiens в соответствии с закономерностями функционирования техноструктур. Индивид приспособливает свою жизнь к технике, а не к природе, перестраивает структуру собственного бытия под требования техносферы. Творческий характер деятельности человека приобретает техноконтехнологическую направленность, машинам также передаются творческие функции, что делает излишним целый комплекс человеческих способностей, умственных и эмоциональных характеристик.

Наиболее остро стоит вопрос о *социобиосферных изменениях* в

человеке. Улучшение здравоохранения и удовлетворения материальных потребностей людей в техногенном обществе оказало существенное влияние на резкое снижение смертности, что явилось основной причиной «демографической революции» во второй половине XX в. и нарастающего роста численности земель. Техносферизация условий жизнедеятельности сопровождается примерно десятикратным *сокращением физической нагрузки на человека*, что за два столетия техногенеза привело к изменению биологических процессов в организме, нарастанию гиподинамии и заболеваний системы кровообращения. Только в России ежегодно от сердечно-сосудистых заболеваний умирает около 1 млн. человек [3, с.100]. Одновременно *возрастает умственная нагрузка на человека*. Достигнув больших успехов в медицине, *человечество значительно ослабило давление естественного отбора*.

Под угрозой оказалась биологическая жизнестойкость самого человека – все большее распространение получает рост генетической неполноценности социума. Раньше такие дети погибали, но теперь современная медицина помогает им выживать и оставлять потомство. В настоящее время более 2 тыс. наследственных болезней вызвано генетическими мутациями; до трети новорожденных имеют отклонения в функциональной деятельности различных систем организма, а каждый десятый из них обладает значительными патологиями [14]. Генофонд цивилизации гибнет, и невозможно предсказать, будет ли это предотвращено в будущем или человечество прекратит существование, поэтому в настоящее время речь идет о необходимости организации

коэволюции человечества и биосферы. Искусственные меры по поддержанию здоровья человека нарушают естественный отбор, ведут к патологиям и, наряду с положительными, имеют отрицательные биологические последствия для самого человека и его потомства. Недостаток биовосстановительных способностей организма все больше компенсируется за счет достижений в био- и нанотехнологиях.

В мире проявляется тенденция увеличения числа болезней цивилизации, обусловленных деформацией природных экосистем, неконтролируемым разрастанием техносферы и количества синтезируемых социумом загрязняющих веществ небактериального происхождения, которые крайне негативно воздействуют на человека, особенностями техногенного образа жизни (курения, наркомании, алкоголя), изменением качественного состава продуктов питания, что в целом приводит к разрушению природного здоровья человека. Только в материнском молоке насчитывают до 300 синтетических веществ, которые попадают в организм ребенка еще в грудном возрасте [15] и, конечно же, они влияют на состояние здоровья ребенка, закладывая с детства множество болезней.

Нарастает интеграция «био», «социо» и «техно» в организме благодаря новому направлению в генной инженерии – возможности клонирования человека с целью выращивания в медицинских лабораториях здоровых биологических тканей и органов на замену потерявшим свои функции, а в перспективе с развитием нанотехнологий – технологического управления биологическими процессами в организме на молекулярном уровне, то есть *речь идет о*

технологиях конструирования и усовершенствования самого вида Homo sapiens. Такое эволюционирующее в процессе интеграции с техносферой социотехнобиосферное человеческое существо уже не может существовать в естественной среде: оно нуждается в комфортных условиях жизни, постоянном контроле за состоянием здоровья со стороны медицины. Поддержание существования человечества в условиях нарастания глобальных социотехноприродных процессов должно быть направлено на разработку на международном и национальном уровнях программ исследований наступивших социотехноприродных трансформаций в человеке и на их основе – рекомендаций по укреплению его здоровья.

Техногенное социоприродное развитие определяется в большей степени не биосферными, а социальными и техносферными факторами, причем постепенно трансформирующая роль в системе «социум – техносфера – биосфера» переходит от социума к создаваемой им техносфере, что приводит к разбалансировке естественных процессов в экосистемах. Социотехноприродная глобализация определяет контуры эволюционирующих техногенных общественных систем, а в перспективе – техногенного земного мира. В этом глобальном техногенном мире вряд ли частично сохранится естественная биосферная среда жизни, затронутая техногенными преобразованиями. Дальнейший прогресс человечества идет по пути постепенного усложнения технологического базиса общества и формирования искусственного биологического мира, что негативно влияет на биосферу и сопровождается социоэкологическими кризисами. И надо эти глобальные социотехно-

риродные процессы и проблемы исследовать не только на уровне социологического прогнозирования тенденций и их социально-фило-софского осмысления, но и под-ключая для этого весь, доступный человечеству междисциплинарный инструментарий наук. Будущее человечества во многом зависит от разумного согласования закономерностей социотехноприродной гло-бализации и создания возможнос-тей для саморазвития биосферы.

Литература:

1. Строганова М.Н. Земельные ресурсы мира // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-И., 2006. С.339-340.
2. Философия и методология науки. М., 1996. С.58.
3. Ильин В.И. Экология. М., 2007.
4. Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск, 2005.
5. Лосев К.С. Загрязнение окружающей среды // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-И., 2006. С.328.
6. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир. М.; Брянск, 2007.
7. Дергачева Е.А. Брянская научно-философская школа социоприродных исследований в 2002-2007 годах // Вестник РФО. 2007. №3 (43). С.17-18; www.famous-scientists.ru/3989
8. Дергачева Е.А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. №3. С.109-122.
9. Дергачева Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М., 2009.
10. Дергачева Е.А. Формирование техногенной общественной системы. Брянск, 2009.
11. Воронков Н.А. Экология общая, социальная, прикладная. М., 1999. С.279.
12. Хаскин В.В., Акимова Т.А., Трифонова Т.А. Экология человека. М., 2008. С.140.
13. Спасибенко С.Г. Биолого-генетические основания социальной структуры человека // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3. С.109.
14. Николайкин Н.И. Экология. М., 2003. С. 332-333.
15. Михал В. Что с защитой? / ГЕО. 2007. №4. С.86.
16. Хаскин В.В., Акимова Т.А., Трифонова Т.А. Экология человека. М., 2008. С.140.

Информационное обеспечение экологической безопасности

Цогоева Ф.Б.

В последние десятилетия антропогенные факторы стали преобладающей силой в изменении характеристик окружающей среды, что привело к экологическому кризису. При этом экологически опасные воздействия на природу порождены социальными механизмами, управляющими основными сферами деятельности общества.

Ключевые слова: экология, социальная экология, безопасность, информационное обеспечение, городская среда

Tsogoeva F.B.

Supply with information of ecological safety

Last decades anthropogenous factors became prevailing force in change of characteristics of an environment that has led to ecological crisis. Thus ecologically dangerous influences on the nature порождены the social mechanisms operating the basic fields of activity of a society.

Keywords: ecology, social ecology, safety, a supply with information, the city environment

Экологические проблемы городов, главным образом наиболее крупных из них, связаны с чрезмерной концентрацией на сравнительно небольших территориях населения, транспорта и промышленных предприятий, с образованием антропогенных ландшафтов, очень далеких от состояния экологического равновесия. Над крупными городами атмосфера содержит в 10 раз больше аэрозоль и в 25 раз больше газов. При этом 60-70% газового загрязнения дает автомобильный транспорт. Более активная конденсация влаги приводит к увеличению осадков на 5-10%. Самоочищению атмосферы препятствует снижение на 10-20% солнечной радиации и скорости ветра.

При малой подвижности воздуха тепловые аномалии над городом охватывают слои атмосферы в 250-400 м, а контрасты температуры могут достигать 5-6°C. С ними связаны температурные инверсии, приводящие к повышенному загрязнению, туманам и смогу.

Города потребляют в 10 и более раз больше воды в расчете на 1 человека, чем сельские районы,

а загрязнение водоемов достигает катастрофических размеров. Объемы сточных вод достигают 1 м^3 в сутки на одного человека. Поэтому практически все крупные города испытывают дефицит водных ресурсов и многие из них получают воду из удаленных источников. Водоносные горизонты под городами сильно истощены в результате непрерывных откачек скважинами, а кроме того загрязнены на значительную глубину.

Коренному преобразованию подвергается и почвенный покров городских территорий. На больших площадях, под магистралями и кварталами, он физически уничтожается, а в зонах рекреаций - парки, скверы, дворы - сильно уничтожается, загрязняется бытовыми отходами, вредными веществами из атмосферы, обогащается тяжелыми металлами, обнаженность почв способствует водной и ветровой эрозии.

Растительный покров городов обычно практически полностью представлен "культурными насаждениями" - парками, скверами, газонами, цветниками, аллеями. Структура антропогенных фитоценозов не соответствует зональным и региональным типам естественной растительности. Поэтому развитие зеленых насаждений городов протекает в искусственных условиях, постоянно поддерживается человеком. Многолетние растения в городах развиваются в условиях сильного угнетения.

Город, являясь особым образом организованным, жизненным пространством, создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют собственно социальную «подоснову» сотворения рукотворных городских ландшафтов. Любые фрагменты

городской среды хороши, если они «коммуникативны» и, значит, осмысленны и гуманны. Это рождает у человека ощущение комфорта, желание остановиться и посмотреть вокруг, пройтись по знакомым улицам своего города, чувствуя свою причастность ко всему, что здесь происходило, происходит и произойдет в будущем. Если же у горожан подобных чувств не возникает, если жизненная среда не располагает к общению с другими людьми, если детям негде поиграть, и они во дворе собственного дома «маневрируют» среди машин, если подросткам и молодежи негде собираться, кроме подъездов, то это чаще всего означает, что городская среда обустроена плохо, что социальная ориентация в градостроительстве не предусмотрена.

По экспертным оценкам и данным опросов населения проблема загрязнения окружающей среды продолжает оставаться одной из наиболее серьезных проблем города Владикавказ, РСО-А ЮФО РФ. В этих условиях эффективная реализация продуманной городской политики по сохранению экологически значимых объектов (зеленых зон), ликвидации очагов загрязнения, осуществление жесткого контроля за новыми проектами застройки и т.д. невозможны без полной и достоверной информации об отношении населения ко всем вопросам экологии города, без обратной связи с ним. Поэтому основной целью проведенного в сентябре-декабре 2008 г. Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им.В.И.Абаева (руководитель проекта - про-

фессор Х.В.Дзудев) полномасштабного социологического исследования на тему: «Социально-экологические проблемы и промышленная безопасность г. Владикавказ» было изучение экологического состояния городской среды как функции антропогенного воздействия и устойчивости (на примере г. Владикавказ).

В рамках обозначенной цели решался определенный комплекс задач, среди которых – выявление представлений горожан об основных источниках информации об экологических проблемах в г. Владикавказ и оценка степени их распространенности в разных социальных группах, а также с учетом национальных особенностей и национального менталитета определены основные факторы, обуславливающие особенности формирования общественного мнения.

Объект исследования – городская среда, и та ее часть, которая является следствием антропогенного воздействия, в результате чего изменяется ее состояние и влияние на здоровье людей. Были проведены массовый и экспертный опросы населения г. Владикавказ. Выборочная совокупность для проведения массового опроса была составлена с учетом значимых социально-демографических показателей населения города и включала 1370 респондентов. В экспертном опросе приняли участие 12 экспертов, в число которых вошли ведущие экологи республики, ученые, юристы, журналисты, экономисты, предприниматели. Таким образом, была сформирована репрезентативная двухступенчатая, районированная, пропорциональная выборка с фиксированными переменными (пол, возраст, образование, сфера деятельности, национальность), которая по своему объему и структуре

позволила отразить спектр умонастроений различных слоев населения города. В массовом анкетном опросе приняли участие главным образом респонденты с высшим образованием (56,4%), по национальности – осетины (74,4%), по роду (сфере) деятельности – служащие и неработающие (20,4% и 34,3% соответственно), по уровню общего дохода всех членов семьи в месяц (по самооценке респондентов) – средне- и малообеспеченные горожане (53,8% и 35,7% соответственно).

Опрос проводился в каждом муниципальном округе Владикавказа (Северо-Западный, Промышленный, Затеречный, Иристонский) по специально разработанной анкете. Вопросы в анкете были сформулированы таким образом, чтобы иметь возможность перепроверки ответов респондентов (т.н. прямые и косвенные). С другой стороны, ответы респондентов на косвенные вопросы позволили определить степень обеспокоенности проблемами экологии в целом и на этом фоне определить отношение граждан вообще к проблемам промышленной безопасности, а также дать сравнительный анализ восприятия горожанами различных предприятий Владикавказа, отличающихся негативным воздействием на состояние окружающей природной среды.

Сформированное общественное мнение имеет интегративный характер, представляя собой не арифметическую сумму индивидуальных мнений, а концентрированное, внутренне единое выражение коллективного разума, результат взаимодействия между людьми, сплав, репрезентирующий мнение большинства. В зависимости от содержания суждений, сформированных общественностью, мнение может быть оценочным, аналитичес-

ким, конструктивным и регулятивным. Оно может выступать также в форме позитивных, негативных или нейтральных суждений.

Основными каналами выражения общественного мнения и одновременно его формирования являются средства массовой информации, деятельность которых обладает значительным влиянием на управление, в частности социально-экологической ситуацией, и коммуникации (включая слухи). В свою очередь технический прогресс ведет к постоянному увеличению скорости доставки информации, все большему расширению аудитории СМИ и усилению их влияния на поведение человека.

В настоящее время СМИ являются, во-первых, важнейшим фактором формирования общественного мнения (как путем убеждения, так и путем внушения); во-вторых, одним из главных источников экологических знаний (по результатам опросов, проведенных специалистами ЦСИ ИСПИ РАН в 2000–2006 гг., СМИ играют эту роль для 30–45% респондентов), соприкасаясь в этом качестве с системой экологического образования; в-третьих, достаточно эффективным инструментом влияния на деятельность органов власти и т.д. Более того, в период достаточно спокойной социально-экологической ситуации СМИ зачастую играют роль некоего диффузного лидера общественного мнения. По мнению экспертов, освещение экологической тематики республиканскими СМИ несут, скорее, конъюнктурно-эпизодический характер.

Для определения наиболее популярных среди владикавказцев СМИ в анкету был включен ряд вопросов соответствующего содержания. Информация об «охране окружающей природной среды» по степени

важности находится на четвертой позиции, следуя за темами «экономика» и «политика» (45,5% и 44,6% соответственно). Менее всего людей интересуют темы «наука» (8,8%), «связь, телекоммуникации» (5,5%). Какие-либо значительные различия в ответах относительно половозрастной и национальной принадлежности, уровня образования не выявляются.

Относительно сферы деятельности информация о здравоохранении важна в первую очередь для руководителей и неработающих (64,0% и 64,1% соответственно); об охране окружающей природной среды – для студентов и госслужащих (40,5% и 40,8% соответственно); об экономике – предпринимателей (76,1%); о политике – госслужащих (48,8%), руководителей (48,0%), неработающих (47,6%).

Наиболее распространенными источниками информации о проблемах экологии и промышленной безопасности являются «телепередачи» (73,3%), «статьи в газетах» (51,6%), а также «разговоры с друзьями, соседями» (31,8%).

Как показывают исследования, доступ к современным информационным технологиям распределяется между социальными группами – в зависимости от доходов и образования, этнической или возрастной принадлежности и пр. – крайне неравномерно. Возможность получения информации, предлагаемой, например, Интернетом, требует от потребителя высокого культурного (не технического) умения разыскать, преобразовать и использовать эту информацию. В современных условиях, характеризующихся, в частности, резким социальным расслоением по уровню материальной обеспеченности, новые информационные технологии ведут к большему, чем раньше, разделению общества.

Интернет как источник информации пользуется популярностью в основном у студентов (40,0%) и предпринимателей (30,4%). «Разговоры с друзьями, соседями» информативны в первую очередь для таких категорий опрошенных, как «рабочие», «неработающие», а также респондентов со средним, средним специальным образованием. В меньшей степени, по мнению респондентов, на общественное мнение влияют рекламы, встречи с активистами политических партий и общественных движений, а также различным собраниям и конференциям.

Из телеканалов, присутствующих в республиканском эфире, респонденты чаще всего предпочитают смотреть передачи «Первого канала» (64,4%), ГТРК «Алания» (50,6%) и телеканала «Россия» (49,3%). Печатные СМИ оказались не менее популярными, чем ТВ. Чаще всего респонденты предпочитают узнавать новости о происходящем из республиканской газеты «Северная Осетия» (63,1%), из российских изданий выделяют «Аргументы и факты» (26,4%). Как показал опрос, наиболее читающей категорией респондентов оказались женщины в возрасте старше 35 лет, а также респонденты с высшим образованием. Из российских наибольшей популярностью пользуется радиостанция «Русское радио» – преимущественно среди респондентов женского пола (20,4%), в возрасте до 35 лет (24,0%), по роду деятельности – служащих (29,5%) и предпринимателей (28,3%), по уровню образования – с высшим образованием (22,1%).

Наряду со СМИ одним из мощных каналов получения информации являются слухи, возникновению которых способствует неудовлетворенность интереса и инфор-

мационных потребностей. Живучесть слухов как элемента устной коммуникации объясняется множеством факторов, среди которых выделяют такие как доступность, альтернативность их содержания официальной информации, репрезентативность источника (т.е. либо получатель информации хорошо знаком с источником и поэтому доверяет всему, от него услышанному, либо источник обладает неким авторитетом для получателя информации), эмоциональная окраска информации, содержащейся в слухах, невозможность (чаще всего) их доказать или опровергнуть и пр.

Информации, полученной от родственников, соседей или друзей, т.е. тех, кого они хорошо знают, доверяют 41,4% всех опрошенных. Если же прибавить тех, кто откровенно признался, что доверяет слухам и существующему общественному мнению (11%), то окажется, что именно «альтернативная» информация имеет наиболее существенное значение уже для большей половины респондентов. Прежде всего, это респонденты-женщины (43,6%), в возрасте старше 35 лет (42,7%), по роду деятельности – руководители и предприниматели (48,0% и 52,2% соответственно). Официальные же источники информации, представленные республиканскими СМИ, по степени доверия со стороны обычных граждан находятся на втором месте (32,7%), причем этому источнику информации доверяют преимущественно русские респонденты (36,0%), по роду деятельности – руководители (48,0%). В наименьшей степени люди склонны верить «официальным заявлениям руководства предприятий» (15,6%).

В целом опрос показал: горожане в большей степени не дове-

Таблица

Ответы на вопрос «На чью помощь и поддержку Вы будете рассчитывать в первую очередь, оказавшись в сложной жизненной ситуации?» (%)

	Всего	пол		возраст		национальность			образование		
		муж.	жен.	до 35 лет	старше 35 лет	осетин	русский	другая	среднее	ср. спец.	высшее
родственников	64,7	61,3	67,9	65,5	64,1	66,0	59,5	66,7	61,8	65,0	65,5
друзей	41,2	44,1	38,5	50,1	35,2	40,8	40,5	50,0	40,9	31,3	45,7
только на самого себя	40,1	44,1	36,3	39,0	40,9	40,6	37,6	42,4	35,6	34,7	44,1
коллег по работе	9,7	8,9	10,5	9,2	10,1	8,8	12,8	10,6	5,3	8,7	11,7
государства	8,1	7,9	8,2	4,9	10,2	7,8	10,3	3,0	10,2	8,7	7,1
другое	1,4	0,7	2,1	1,8	1,1	1,6	0,8	1,5	0,9	1,0	1,8
затрудняюсь ответить	2,1	2,0	2,1	1,8	2,2	2,0	2,5	1,5	2,2	2,7	1,8
		Род занятий									
		студент	рабочий	служащий	гос. служащий	руководитель	предприниматель	неработающий			
родственников		65,9	54,5	67,2	64,8	72,0	58,7	66,7			
друзей		58,4	35,7	49,6	41,6	40,0	52,2	29,9			
только на самого себя		36,2	42,9	43,4	47,2	36,0	54,3	35,2			
коллег по работе		2,7	12,3	20,1	17,6	20,0	4,3	3,6			
государства		3,2	9,1	5,3	8,0	4,0	2,2	12,2			
другое		1,1	1,3	1,2				2,4			
затрудняюсь ответить		2,7	3,2	0,8	0,8	4,0	2,2	2,4			

ряют официальным источникам информации, а неудовлетворенность официальными новостями, диссонанс между сообщаемой в СМИ информацией и объективным положением дел – это основа для появления и циркуляции слухов, которые оказывают значительное влияние на поведение людей. И прекращаются слухи в том случае, когда исчезают обуславливающие их страхи и напряжения. Главный же способ их предотвращения – профилактика, заключающаяся в своевременном и полном информировании населения.

Для уточнения и конкретизации предыдущих ответов в анкету был включен контрольный вопрос о том, на кого респондент будет рассчитывать в первую очередь, оказавшись в сложной жизненной ситуации. Любой человек может оказаться в подобной ситуации, и тот, к кому он обратится за помощью или за советом, скорее все-

го, является для него тем, кому он доверяет, и соответственно мнение которого для него в какой-то степени авторитетно.

В ходе опроса подтвердилась традиционная поведенческая установка на родственную солидарность: в трудной ситуации большинство респондентов-горожан в первую очередь обратятся за помощью к родственникам (64,7%) (табл.), что еще раз косвенно подтверждает релевантность их мнения для респондентов (см. табл.).

Подчеркивая слабую дифференцированность показателей ответов респондентов разных социально-демографических групп, следует отметить большую заинтересованность в родственной поддержке респондентов-«руководителей» (72,0%).

Представители экспертного сообщества дали следующий комментарий относительно степени доверия граждан различным ис-

точникам информации и роли СМИ в формировании общественного мнения в республике:

- В условиях правящего в республике этнократического авторитаризма общественного мнения как такого нет, так как нет еще самого гражданского общества. Кланово-родовая структура североосетинского общества априори исключает существование такой институции, присущей только более развитым обществам, как общественное мнение. Из приведенного списка самые достоверные источники – это разговоры с друзьями и соседями, а также свои собственные наблюдения».

- Все виды СМИ, радио как один из оперативных источников информации, также телевидение. Надо, чтобы на телевидении ввели рубрику об экологии, раньше была. Организовывать «круглые столы». Например, даже в пятничную программу можно ввести (авторская программа с Ф. Сабановой «Пятница»), чтобы в ней поднимались вопросы экологии».

- «Плохо, что наша пресса иногда делает вид, что информация подается объективно. В этом плане «Растдзинад», например, не выдерживает никакой критики. От кого пресса зависит? А надо, чтобы было больше мнений, ведь тогда меньше ошибок. На общественное мнение влияют только факты и научное обоснование. Республиканские СМИ никак не влияют на общественное мнение».

- В условиях отсутствия свободных СМИ в республике нельзя верить не только республиканским СМИ, но также и официальным заявлениям руководства предприятий, которые доводятся до сведения читателей этими СМИ.

- В одно время выпускался экологический бюллетень, и, видимо, есть необходимость его возоб-

новить. Народ читал, он был отличным подспорьем для различных учебных заведений и, во-первых, давал не только картину экологического состояния, но и виновники назывались, и какие меры были предприняты, – это надо реанимировать. У нас же выходит газета, вкладывш в «Слово», нужно хотя бы там освещать вопросы экологии.

- Информацию о положении дел в РСО-А я получаю из нескольких источников: официальную – из газет и телевидения, неофициальную – из Интернета и моего окружения. Официальная информация бывает зачастую бравадной, не показывающей истинное положение дел, неофициальная – свидетельствует о росте числа недовольных жизнью людей (высокие тарифы в ЖКХ, рост преступности, безработицы, повальное пьянство). Необходимо перестать власти выдавать желаемое за действительное и думать все же не только о своем кармане, но и о благополучии своего народа.

- Вы когда-нибудь в последние годы видели людей, которые доверяют СМИ? И если мы владеем какой-либо информацией о происходящем, то, так скажем, благодаря показаниям тех людей, которые живут рядом, которые работают на этих предприятиях, которые не понаслышке знают, что на самом деле происходит. Ведь люди, которые работают на спиртзаводах, «Электроцинке» и других предприятиях, они же рядом с нами живут и знают, что реально происходит.

- Уверен, что подавляющее большинство горожан не доверяют официальным заявлениям любого уровня, так же не доверяют подконтрольным властям республиканским СМИ. Поэтому люди в основном пользуются информаци-

ей, связанной с различными слухами, и больше доверяют родственникам, соседям, друзьям.

- У меня есть возможность получать информацию из двух источников: знакомые, которые работают там много лет и которые могут дать сравнительную информацию, т.е. что было раньше и что стало сейчас; и во-вторых, я сам имею возможность сравнивать, потому что был знаком с положением на «Электроцинке» раньше. Что касается официальных источников... Была специальная телепрограмма по поводу дел на «Электроцинке», потом отдельные выступления официальных лиц, ну, я им не доверяю, конечно. На общественное мнение, думаю, влияет и официальная информация, которая распространяется СМИ и по другим каналам, и второе – это информация, исходящая от тех людей, которые там работают. Здесь, конечно, возникает некое противоречие для тех людей, которые не имеют реального доступа к «Электроцинку», но делают вывод, исходя из каких-то своих предпочтений и соображений. Я думаю, что общество должно иметь реальную информацию, нет смысла скрывать. Это не то направление, которое следует скрывать от горожан.

Таким образом, общественное мнение, будучи специфическим проявлением общественного сознания, не только отражает определенный уровень знаний людей по тому или иному вопросу, но и фиксирует их активное отношение к объекту мнения. Основными каналами выражения общественного мнения и одновременно его формирования являются средства массовой информации и коммуникации (включая слухи). Анализ ответов респондентов на вопрос о степени доверия конкретным источникам информации по поводу охраны окружающей природной среды и деятельности предприятий показал, что более половины (51,4%) респондентов доверяют именно слухам, т.е. той «альтернативной» информации, которую получают от родственников, соседей или друзей. И здесь важно учитывать, что иногда слухи деформируются настолько, что, возвращаясь через других проводников к исходному отправителю, полностью изменяют свое содержание. Специальные эксперименты показали зависимость содержания слухов от индивидуальных особенностей и взглядов ретрансляторов. Это обстоятельство свидетельствует о довольно низком уровне доверия горожан к официальным информационным источникам.

Гуманистическое государственное региональное управление (на примере Сахалинской области)

Бурыкин А.Н.

Современная ситуация в России характеризуется переходом от тоталитарных методов управления к демократическим. В связи с таким переходом становится актуальным исследование методов гуманистического управления, создания стратегии развития региона с позиции комфортности жизни человека.

Ключевые слова: жизненная стратегия, инфраструктура, человеческий потенциал, инновационное развитие.

Burykin A.N.

Humanistic state regional government (on an example of the Sakhalin region)

The modern situation in Russia is characterised by transition from totalitarian management methods to the democratic. In connection with such transition there is actual a research of methods of humanistic management, creation of strategy of development of region from a position of comfort of human life.

Keywords: Life strategy, an infrastructure, human potential, innovative development.

В 2006 г. высшим руководством Российской Федерации была поставлена сложная и амбициозная задача: сделать Дальний Восток удобным и привлекательным местом для жизни людей. Задача требует поистине революционных решений. За короткий временной период предстоит вывести оторванный от материка, сейсмоопасный островной регион с суровым климатом, в лидеры по экономическому развитию и качеству жизни на Дальнем Востоке и в стране в целом, осуществить «сахалинский прорыв».

Применительно к Сахалинской области, постановку и реализацию этой задачи можно считать наиболее актуальной и реалистичной. Сахалинская область представляет собой один из самых сложных, с точки зрения социально-экономической и инфраструктурной ситуации, регионов Дальнего Востока и РФ, но и один из самых перспективных регионов страны. Данное утверждение обусловлено как природно-ресурсным потенциалом области, так и её уникальным географическим положением на стыке двух цивилизаций и культур,

дающим Сахалинской области блестящие перспективы для стремительного движения в XXI век в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2020 года (далее – Стратегия).

Стратегия – ясное и разделяемое наиболее активной частью населения представление о будущем, а также план приоритетных действий администрации области, направленный на достижение поставленных стратегических целей, посредством реализации существующего потенциала региона. Это система мер государственного управления, базирующаяся на долгосрочных приоритетах региональной социально-экономической политики органов государственной власти.

Комплексный стратегический анализ социально-экономического развития Сахалинской области, учитывающий многостороннюю уникальность и ценность региона, его место в ряду субъектов РФ и роль в будущем России, позволяет сформулировать миссию.

Жизнестратегия – это стремление и желание людей жить достойно, формировать крепкие и большие семьи, творчески и физически развиваться, образовывать новые производства и строить новые города. Понятие жизнестратегии задает масштаб оценки любых мер управления регионом и страной. Экономические показатели лишь тогда становятся критерием высокой эффективности стратегии, когда обеспечивается их неразрывная связь с жизнедеятельностью значительных групп населения, ростом качества жизни и реализацией конституционных прав и свобод граждан.

Новая модель региональной российской жизнестратегии – это модель формирования инновацион-

ного техно-промышленного и социо-культурного уклада, которая обеспечивает взаимовыгодное трансграничное сотрудничество области с российскими регионами, странами АТР и мира и позволяет Сахалинской области достойно представлять и защищать интересы Российской Федерации в АТР.

Существо экономических преобразований в области будет состоять в том, чтобы, не ломая сложившейся специализации, выделить приоритетные производства, базирующиеся в первую очередь на местных ресурсах:

- отрасли и производства, имеющие перспективы спроса на продукцию на внутреннем и внешнем рынках, функционирующие на основе кооперации с уже существующими промышленными предприятиями (энергетика, нефтегазодобывающие, угледобывающие, рыбодобывающие, лесозаготовительные);

- производства с более эффективными технологическими параметрами, обеспечивающими глубокую переработку сырья и снижение ресурсоемкости производства (нефтепереработка, газохимия, лесопереработка);

- производства и виды деятельности, базирующиеся на использовании местного сырья, а также те, которые обеспечивают экологическую безопасность области (агропромышленность, воспроизводство рыбы и морепродуктов, рыбопереработка, пищевая и перерабатывающая промышленность).

Кроме того, необходимо сосредоточить внимание на развитии инфраструктуры области на базе имеющегося потенциала:

- развитие транспортной инфраструктуры;

- развитие строительных мощностей;

– развитие туристско-рекреационного комплекса.

Реализация миссии Сахалинской области предполагает формирование системы стратегических целей и задач регионального развития, а также системы целевых индикаторов, позволяющих осуществлять мониторинг достижения стратегических целей и задач, эффективности управления региональным развитием.

Главная цель стратегического развития Сахалинской области на период до 2020 г.: обеспечить высокий уровень благосостояния и стандарты качества жизни населения, соответствующий уровню наиболее развитых стран. Выполнение главной стратегической цели развития области становится возможным при обеспечении поступательного движения к достижению стратегических целей «первого уровня»:

1. Создание эффективной конкурентоспособной, динамично развивающейся, сбалансированной, экологически позитивной экономики, позволяющей обеспечить высокий уровень доходов населения.

2. Создание условий для комфортного проживания, работы, творческого развития и отдыха жителей Сахалинской области.

В свою очередь, для достижения стратегических целей «первого уровня», определяются стратегические цели «второго уровня»:

1. Обеспечение высоких показателей качественного человеческого капитала.

2. Создание системы инновационного развития.

3. Построение эффективной конкурентоспособной экономики.

4. Обеспечение высокого уровня развития малого бизнеса.

5. Формирование развитой инфраструктуры.

6. Обеспечение высокой инвестиционной привлекательности.

7. Рациональное использование природных ресурсов.

8. Обеспечение высокого уровня управляемости регионом, при решающей роли эффективной исполнительной власти области.

Эти цели сформулированы с учетом региональных особенностей, реального состояния экономики, социальной сферы, ресурсного потенциала и стратегических приоритетов. Перечень стратегических целей «второго уровня» и их содержание могут изменяться, корректироваться в течение срока реализации Стратегии, в зависимости от изменений параметров внешней и внутренней среды, изменения нормативно-правовой базы и т.д. Для каждой стратегической цели второго уровня определяются стратегические задачи, решение которых обеспечивает их достижение.

На основе стратегического анализа, миссии, целей и задач социально-экономического развития Сахалинской области, позиционирования ее включения во внешние производственные цепочки и системы ценностей, разработаны инерционный, инвестиционный, инновационный и базовый сценарии развития Сахалинской области в контексте реализации Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области до 2020 года.

Инерционный (энерго-сырьевой) сценарий развития Сахалинской области: источником роста ВРП является рост цен или экстенсивное увеличение объемов производства основных экспортруемых товаров на базе существующего портфеля ресурсов (нефть, газ, морепродукты, уголь, лес, пиломатериалы и т.д.). Реализуемый в настоящее время сценарий экономического развития Сахалинской области обеспечивается,

главным образом, за счет перераспределения природной ренты. Он ограничен как во времени (около 30 лет), так и в социальном пространстве, поскольку, несмотря на общий рост доходов населения, вырос также и разрыв между доходами различных групп населения. Но главное ограничение – отсутствие каких-либо значимых социально-экономических изменений в жизни части общества, не участвующей непосредственно в нефтегазовых проектах. Следовательно, по окончании запасов природного сырья, ситуация вернется назад, в «донефтегазовую» эпоху, и вопрос об источниках доходов для региона будет не просто не решен, но, скорее всего, неразрешим.

При реализации данного сценария наблюдается неравномерное развитие и освоение территории. При этом территории севера Сахалина осваиваются вахтовым методом. В целом сохраняется монопрофильность и низкая конкурентоспособность экономики области. Существенных структурных преобразований, направленных на углубленную переработку ресурсов, не происходит. Вместо стратегии развития региона появляется производственная стратегия корпораций.

Для данного варианта характерны следующие черты и тенденции развития:

- сохранение сырьевой специализации экономики на внешних рынках и ее развитие, как периферийной ресурсно-ориентированной территории;
- темпы экономического роста заметно замедляются (на 2–3%), наблюдается сворачивание ряда производств;
- не удастся переломить негативные тенденции в миграционном оттоке населения;

– преобладает вахтовый метод размещения трудовых ресурсов;

– наблюдается дальнейшая концентрация населения в городских населенных пунктах (особенно в г. Южно-Сахалинске);

– отраслями специализации остаются традиционные отрасли экономики, существенных структурных преобразований, направленных на углубленную переработку ресурсов, в этих отраслях не происходит – товарная структура производства остается практически неизменной.

Значительного оживления инвестиционной деятельности не ожидается. Инвестиции направляются в традиционные – сырьевые отрасли экономики.

Инвестиционный сценарий развития Сахалинской области: данный сценарий предполагает технологическую модернизацию существующих промышленных предприятий и реализацию новых инвестиционных проектов. Сахалинская область значительно увеличит объем инвестиций (преимущественно прямых), в том числе, иностранных, и обеспечит потенциал развития за счет более полного использования ресурсного потенциала.

Основными факторами повышения инвестиционной активности являются природные ресурсы и дешевая местная рабочая сила (большая часть низкоквалифицированная). Для реализации проектов, в случае недостатка трудовых ресурсов, на отдельных территориях области будет применяться вахтовый метод работы, и привлекаться рабочая сила извне, в том числе, иностранная.

Реализация сценария подразумевает увеличение нераспределенного фонда природных ресурсов, совершенствование инфраструктуры инвестиционной деятельности.

Потребуется расширение ресурсов во всех секторах экономики. Во многом это должно произойти за счет налаживания учета и контроля используемых ресурсов со стороны государства, включая органы местного самоуправления. Для данного варианта характерны следующие основные черты и тенденции развития:

- сохранение лидирующей роли традиционных отраслей и производственных комплексов экономики (нефтегазовая, рыбная, угольная, лесная);

- структурные преобразования в составе отраслей экономики, связанные с внедрением и переходом к новым производственным технологиям, использование современного импортного оборудования;

- создание в области новых отраслей: газохимической, металлургической и т.д.;

- повышение производительности труда и экономической эффективности за счет технического перевооружения и модернизации крупных предприятий в традиционных и связанных с ними отраслях;

- постепенное развитие и внедрение новых методов и форм межкорпоративных взаимодействий (аутсорсинг, франчайзинг, факторинг);

- темпы экономического роста на уровне среднероссийских (4–5% в год), причем, в ведущих отраслях экономики, при благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, возможны прорывы в повышении темпов до 6–10% в год;

- ключевыми точками развития выступают формирующиеся промышленные центры и узлы, такие как Углегорский, Невельский, Ильинский, Смирныховский, Курильский;

- постепенное преобразование товарной структуры производства,

где все большую долю начинают занимать более технологичные продукты, основная масса которых будет производиться на основе развития различных форм международной и межрегиональной специализации и кооперации;

- значительное расширение областного рынка труда, которое потребует увеличения и качественного улучшения трудовых ресурсов Сахалинской области;

- усиление роли образования и науки в реализации целевых государственных программ по повышению качества непрерывного профессионального образования;

- необходимость принятия специальных миграционных программ.

Представленный сценарий не обеспечит кардинального повышения конкурентоспособности территории. Создание новых производств, приобретение современных технологий и оборудования лишь в определенной степени позволит сохранить темпы развития, близкие к среднероссийским, однако, не обеспечит качественного роста производительности труда и капитала. После завершения нефтегазовых проектов, к середине XXI века в области может произойти резкий спад промышленного производства, что вызовет снижение уровня жизни населения и его отток за пределы области.

Инновационный сценарий развития Сахалинской области: сценарий рассчитан на формирование в Сахалинской области экономики, основанной на знании и использовании постиндустриальных источников развития (квалифицированная мобильная рабочая сила, конкурентоспособные технологии и т.д.). Данный сценарий предполагает инвестирование в человеческий капитал, увеличение доли потребления в бюджете, территориальный маркетинг, формирование региональ-

ных брендов, приоритетное развитие сферы науки, образования и здравоохранения, формирование нового портфеля ресурсов, развитие и расширение сферы услуг.

Сценарий предполагает приток инвестиций в новые виды деятельности и качественный рост производительности труда и капитала. Именно данный сценарий приведет к существенному повышению конкурентоспособности региона и выходу на передовые позиции в России, обеспечит населению Сахалинской области достижение уровня жизни развитых индустриальных стран.

Исходя из сложившейся структуры экономики, в качестве приоритетных направлений целесообразно рассматривать создание конкурентоспособных территориальных кластеров как динамичной и внутренней конкурентной сети близко локализованных предприятий, встраивающихся в единую воспроизводственную цепочку (от добычи сырья до потребителя конечной продукции), в целях капитализации всей собственности.

В этом случае можно обеспечить оптимальное соотношение рынка труда и трудовых ресурсов Сахалинской области, стабилизацию системы расселения, привлечение квалифицированных мигрантов из других регионов, обучение и подготовку кадров из числа собственного экономически активного населения. Для данного сценария характерны следующие основные черты и тенденции развития:

- углубление специализации экономики области в традиционно развитых отраслях, с целью производства высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью;

- устойчивое превышение среднероссийских темпов экономичес-

кого роста за счет наиболее полной реализации выгод приграничного со странами Азиатско-Тихоокеанского региона положения Сахалинской области и внутреннего потенциала (6–9% – в ВРП, 7–12% – в отдельных, наиболее инвестиционно-привлекательных секторах);

- активное развитие новых секторов экономики: туризма, транспортно-логистики, производств, связанных с углубленной переработкой ресурсов и т.д.;

- создание и развитие деятельности сети локальных инновационно-производственных центров, ориентированных на создание новых продуктов, к которым будут привязываться образовательные и научные центры с технологическими и маркетинговыми исследованиями по полной цепочке «идея-технология-товар-услуга»;

- активизация всех видов внешнеэкономической деятельности: новые организационные технологии создают новую базу для развития промышленности, новой технологической специализации, вовлечения ее в международные корпоративные сети;

- выход крупных предприятий (в том числе, и в результате включения в состав международных корпоративных структур) на мировой финансовый рынок;

- создание новых рабочих мест, за счет привлечения высокотехнологических производств нового поколения на территорию Сахалинской области;

- регулирование рынка труда, за счет использования вахтового метода организации работ и привлечения квалифицированных мигрантов;

- стимулирование развития регионального потребительского рынка;

- развитие предприятий инновационной направленности, заняв-

ших свою «нишу» на российском и мировом товарных рынках.

Данный сценарий характеризуется значительным увеличением инвестиционной активности. На первых этапах основную роль играют крупные инвесторы, вкладывающие инвестиционные ресурсы в традиционные и связанные с ними отрасли. В последующие годы значительно возрастет роль некрупных инвесторов (например, инвестиции физических лиц в небольшие производства и в жилищный комплекс) и международных инвестиционных посредников. С приходом последних связаны возможности реализации крупных комплексных проектов, являющихся локомотивными для развития территорий.

Анализ сценариев развития экономики Сахалинской области показывает, что наиболее привлекательным является инновационный сценарий развития. Однако, понимая реальные механизмы реализации различных сценариев, которые требуют привлечения инвестиций при внедрении инновационных проектов развития отраслей экономики, наиболее оптимальным должен стать сценарий, сочетающий в себе сильные стороны всех, рассмотренных ранее сценариев. Такой сценарий получил название «базовый сценарий развития Сахалинской области».

Базовый сценарий развития Сахалинской области: этот вариант рассматривается как сценарий наиболее вероятного развития Сахалинской области. Он основан на сочетании принципов, подходов, механизмов и результатов двух из трех вышеописанных сценариев – инвестиционного и инновационного.

Сценарий предполагает, с одной стороны, обеспечение технологической модернизации уже су-

ществующих и действующих промышленных предприятий области, реализацию новых инвестиционных проектов, в том числе, создание новых производств и отраслей, с другой стороны, одновременную реализацию структурной и инновационной политики, направленную на формирование и использование постиндустриальных источников развития. Движение по инновационному, социально ориентированному пути развития означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и повышение благосостояния.

Базовый сценарий реализуется по трем направлениям:

Направление 1. Поддержка и развитие традиционных видов производств и сфер специализации экономики Сахалинской области (нефтегазовый комплекс, добыча и переработка морепродуктов, угольная, лесная отрасли, сельское хозяйство, строительный комплекс и т.д.) с одновременным повышением их эффективности и конкурентоспособности. Их развитие будет обеспечиваться за счет технологической модернизации, применения новых научно-конструкторских разработок и инновационных технологий, формирования и продвижения на внешние рынки брендов Сахалинских товаров и услуг, усиления маркетинговой составляющей.

Направление 2. Одновременно, в рамках вышеназванных традиционных секторов экономики области, будут формироваться предпосылки для перехода на этап инновационного развития. Повышение конкурентоспособности будет обеспечиваться за счет встраивания предприятий области, работающих в традиционных секторах экономики, в существующие и

новые внешние цепочки создания добавленной стоимости с использованием методов договорной специализации, а также за счет генерации собственных цепочек создания добавочного продукта.

Направление 3. Результатом технологической модернизации существующих традиционных производств (направление 1), их встраивания во внешние цепочки создания добавленной стоимости и генерации собственных цепочек (направление 2) явится интенсивное развитие вспомогательных и поддерживающих производств и инфраструктуры, повышение инвестиционной привлекательности.

Это приведет к формированию «точек роста» в Сахалинской области, которые рассматриваются, как центры формирования территориально-производственных кластеров. В рамках формирующихся кластеров будет формироваться и современный инфраструктурный комплекс, значительную составляющую которого займут информационные услуги, научно-технологическое и образовательное обеспечение, инновационная инфраструктура (в виде сети инновационных фирм, инновационно-технологических площадок, научно-производственных объединений, консультационных фирм, венчурных, иных фондов сопровождения инвестиционной деятельности и др.).

Данный сценарий позволяет наиболее мягко изменить ориентацию региональной социально-экономической политики от технократического на гуманистическое направление, с приоритетом развития человеческого капитала и повышения социальной привлекательности Сахалинской области. В рамках данного сценария описан наиболее вероятный путь социально-экономического развития обла-

сти, с учетом ее встраивания в систему международного разделения труда, вступления России в ВТО и необходимости повышения конкурентоспособности хозяйственного комплекса.

Международная специализация Сахалинской области изменится за счет увеличения ассортимента производимой продукции (услуг) и консолидации цепочек создания добавленной стоимости в традиционных секторах экономики с их внедрением в инновационные сектора.

Базовый сценарий развития области позволит достичь показателей, характеризующих выполнение основных задач и приоритетов Стратегии:

Миссией Сахалинской области в основание ее развития заложена жизненная стратегия, исходя из которой определена главная цель этого развития, заключающаяся в обеспечении высокого уровня благосостояния и стандартов качества жизни населения, соответствующего уровню наиболее развитых стран. Человеческий капитал становится главной ценностью общества и главным фактором социально-экономического развития – только конкурентоспособное население может создавать конкурентоспособные преимущества для экономики страны. Новые технологии, товары и услуги рождаются только там, где сформирован высокий потенциал работников, развитая социально-культурная среда жизни.

Человеческий потенциал формируется путем долгосрочных инвестиций в человека – на обеспечение условий для рождения и воспитания детей, образования, культуры, подготовки рабочей силы, на охрану, сохранение и восстановление здоровья, благоприятной экологической среды.

Инвестиции в человеческий капитал – это затраты, произведенные в социальной сфере, в целях будущего увеличения производительности труда и способствующие росту будущих доходов, как отдельных носителей капитала, так и общества в целом. Вложения в человеческий капитал являются наиболее рациональными. Чем раньше они делаются, тем быстрее начинают давать отдачу: формируется сбалансированная, гармоничная социо-культурная и экономическая среда, способствующая не только воспроизводству экономического потенциала, но и сохранению и развитию культурных ценностных ориентиров, цивилизационной идентичности населения, качественного человеческого потенциала.

Динамичное развитие и будущее области зависят от образования и здоровья людей, от их стремления к самосовершенствованию и рациональному использованию своих навыков и талантов, от мотивации граждан к инновационному поведению.

Для обеспечения достойной жизни, свободного развития человека и увеличения качественного трудового и инновационного потенциала, необходимо решить следующие задачи:

В области социального благополучия личности:

- обеспечение перехода области к инновационному сценарию развития, новому техно-производственному и социо-культурному укладу, способствующему расширенному воспроизводству населения, формированию, раскрытию и увеличению человеческого капитала, эффективному использованию кадрового потенциала;

- создание благоприятных условий для обеспечения населения качественными услугами, предо-

ставляемыми учреждениями образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения, структурами муниципального и государственного управления;

- создание социокультурной инфраструктуры, способствующей решению жилищных проблем, условий для творчества, новаторства, самообразования и самореализации, развития и воспитания подрастающего поколения;

- обеспечение социальной, транспортной инфраструктурой привлекательности среды обитания, комфортности среды проживания и отдыха.

В области физического благополучия личности:

- создание условий для долгой, активной и здоровой жизни;

- строительство безопасной для жизни социальной и производственной инфраструктуры, соблюдение норм экологической и технической безопасности, профилактика заболеваний, обеспечение качественного, сбалансированного, научно обоснованного рациона питания.

В области материального благополучия личности:

- создание высокооплачиваемых, безопасных, требующих высокой квалификации рабочих мест, обеспечение социальных гарантий работникам, обеспечение возможности улучшения жилищных условий, повышения квалификации, получения качественного образования, доступности услуг сферы культуры, отдыха, профилактики здоровья.

В области психического общественного и личного благополучия:

- профилактика асоциального поведения, наркомании, алкоголизма, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, социальная помощь семье и детству;

– организация работы центров социальной профилактики, практических психологов и социальных работников.

В области гражданской, общественной и государственной защищенности:

– содействие предупреждению опасных природно-климатических, экологических, санитарно-эпидемиологических и техногенных воздействий;

– предупреждение криминальных посягательств на Конституционные права граждан, на жизнь, честь и достоинство личности, социальную справедливость, равноправие;

– предупреждение негативно-информационного воздействия, межнациональных конфликтов и терроризма, военных угроз, территориальных посягательств;

– переход области к социальному развитию должен не только удовлетворять социальные потребности настоящего поколения, но и не ставить под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Работа по обеспечению высоких показателей качественного человеческого потенциала должна стать приоритетным направлением деятельности органов исполнительной власти области. Администрация Сахалинской области ко-

ординирует деятельность всех органов исполнительной власти по реализации социальной политики, направленной на формирование главного ресурса системы инновационного развития области – качественного человеческого капитала. При этом будет ликвидирована ведомственная разобщенность отраслей социальной сферы, материальные и организационные ресурсы сконцентрированы на общих направлениях деятельности.

Для достижения ключевой цели Стратегии потребуются решение целого комплекса задач: от рождения человека до его старости. Проблемы рождаемости, материнства и детства, здоровья ребенка, воспитания, обучения, семьи, школы, профессионального образования, культуры, здорового образа жизни, физкультуры и спорта, трудовой деятельности, квалифицированной высокооплачиваемой работы, комфортного жилья, активного отдыха и творческого развития, создания достойных условий жизни людям старшего поколения, пенсионного обеспечения, социальной поддержки, воспитания у молодежи уважения к пожилым людям, ветеранам – вот далеко не полный круг вопросов, прямо влияющих на формирование человеческого капитала.

Интеграция детей с инвалидностью в общество

Жигунова Г.В.

В данной статье рассматриваются факторы, определяющие успешность интеграционного процесса детей-инвалидов в общество. Автор указывает, что необходимо, прежде всего, решить проблемы материально-технической и морально-психологической готовности общества для полноценного участия в нем лиц с инвалидностью.

Ключевые слова: Инвалидность, социальная изоляция, социализация, интеграция, адаптация, социальная реабилитация, инклюзивное образование.

Jigunova G.V.

Integration of children with disabilities into society

This article discusses the factors determining the success of the integration process of disabled children in society. The author points out that it is first necessary to solve the problems of material and technical and moral and psychological readiness of society to participate fully in it of persons with disabilities.

Keywords: Disability, social isolation, socialization, integration, adaptation, social rehabilitation, inclusive education.

Разрешение проблем, возникающих в процессах включения детей, подростков, молодежи с инвалидностью в активную жизнедеятельность общества становится настоятельным требованием времени и приоритетным направлением государственной социальной политики современной России.

В Российской Федерации число инвалидов увеличивается с каждым годом. Так, если в 2005 г. в России их численность составляла 11538 тыс. человек, то в 2008 г. – уже 13104 тыс. человек [1, с. 347]. При этом происходит неуклонный рост численности детей-инвалидов. На 10000 детей Российской Федерации в 2007 г. приходилось 200,2 ребенка-инвалида [1, с. 333].

Положение усугубляется тем, что лишь незначительная часть лиц с отклонениями в развитии подготовлена к более или менее успешному функционированию в обществе. Основная масса детей-инвалидов обучается в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях, затрудняющих включение инвалидов в общественные процессы в качестве

равных членов общества. В такого рода специализированных образовательных учреждениях в 2008 г. обучалось 148, 2 тыс. детей [2, с. 75], тогда как в классах для детей с отклонениями в развитии, организованных при общеобразовательных учреждениях, в том же году обучалось 16520 человек [1, с. 366].

В российском обществе инвалиды находятся в ситуации неравных возможностей. Как и любой здоровый человек, он стремится к личностной самореализации. Однако полноценность ее затрудняют оторванность от широких социальных контактов, ограниченность круга межличностного взаимодействия, заниженный уровень обеспечения, образования, неконкурентоспособность в сфере труда, отсутствие благоприятной среды для удовлетворения потребностей, и интересов. Многочисленные социальные барьеры на пути самореализации оказывают деструктивное воздействие на личность инвалида: порождают неопределенность и нечеткость в жизненных ориентирах, делают его беспомощным в овладении практическими умениями и навыками, вызывают чувства незащищенности и защищенности и тревоги. Неприспособленность к современным условиям жизни, в свою очередь, тормозит социально-психологическую адаптацию данных детей, создавая дополнительные проблемы не только для них самих и их близких, но и для всего общества [3, с. 11].

У здоровых детей, не имеющих достаточных контактов с детьми-инвалидами, в свою очередь, формируются психологические барьеры, негативные установки по отношению к последним, которые затем сохраняются и в более старшем возрасте. Иными словами, дети с ограниченными возможно-

стями чаще всего становятся жертвами неблагоприятных условий социализации, чей статус предполагает их неравенство на жизненном старте или дефицит возможностей для полноценного развития.

Интеграция людей с инвалидностью в общество представляется как процесс установления их оптимальных функциональных и эмоциональных отношений с социальными институтами и другими социальными группами. Цель социальной интеграции состоит в создании «общества для всех», в котором все члены обладают полнотой в реализации прав и соответствующих статусу обязанностей, активно реализуют себя в соответствии с ролевыми предписаниями. Уважению всех прав человека и основных свобод, культурное и религиозное многообразие в таком обществе, в качестве признака социальной справедливости включает признание особых потребностей уязвимых и находящихся в неблагоприятном положении социальных групп.

Можно говорить о двух полярных типах социальной интеграции - внешней и внутренней.

Внешняя социальная интеграция связана с таким способом включения в общества, в рамках которого личность формально выполняет предписанные ей правила, обязанности под воздействием социального принуждения. Свообразным результатом такого процесса становится формирование мотивации ухода от неприятностей. Как отмечают современные исследователи, «функциональная дифференциация институтов государства и общества в сторону отторжения людей с инвалидностью не способствует их интеграции и развитию» [4, с. 75].

Внутренняя интеграция основана на глубоком внутреннем при-

нятии ценностей, норм и требований группы, общности. Такой тип интеграции возникает чаще всего внутри социальной группы, между членами которых устанавливаются отношения, основанные на взаимопонимании, взаимозависимости, доверии и согласии. Этот способ интеграции во многом обусловлен характером идентификации, степенью включенности в социальную среду, активностью самой личности.

Сравнение позволяет сделать вывод о том, что для наиболее полной интеграции инвалидов в целостную общественную структуру необходимо осуществление такой системы мер, которая способствовала бы непрерывному процессу движения личности от внешней, механической включенности в социум к глубокому внутреннему, органическому слиянию со всеми его элементами, к осознанию своего статуса и полной самоидентификации.

Кроме внешней и внутренней, социальная интеграция инвалидов может иметь положительный или негативный характер. Положительная интеграция возможна в том случае, если ее поддерживают другие социальные общности и группы, в противном случае она приобретает оттенки негативной интеграции.

Среди наиболее существенных факторов, определяющих успешность интеграционного процесса, можно назвать готовность общества понимать и разделять личные проблемы человека с особенностями развития. В этой связи в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ по региональному конкурсу «Русский Север: история, современность, перспективы» (грант № 08-03-43302а/С) автором было проведено социологическое исследование, направленное на

выявление отношения различных групп населения Мурманской области к детям с ограниченными возможностями здоровья. В контексте рассматриваемой проблемы, одной из задач исследования стало выявление интеграционного потенциала общества для функционирования в нем детей с инвалидностью. Исследование проводилось в 2008 году. В качестве методов исследования были использованы раздаточное анкетирование и неформализованное интервью.

В качестве респондентов выступили специалисты социальных учреждений Мурманской области. Выборка стихийная, N = 210. В большинстве случаев это педагогический состав средних образовательных учреждений (68,5%), кроме того, специалисты по социальной работе, медицинские работники, логопеды, дефектологи, психологи и др. Из них лиц с высшим образованием – 69,5%, со средним специальным – 21%, с неполным высшим – 5,7%.

На эмпирическом уровне было выявлено, в частности, что 62,9% респондентов встречают детей с ограниченными возможностями здоровья в общественных местах.

Отвечая на вопрос, в какой мере необходимо «включать» детей-инвалидов в полноценную жизнь общества, основная часть респондентов признают необходимость интеграции данных детей в общество. 13,4% специалистов учреждений социальной сферы полагают, что данных детей необходимо скорее изолировать от общества. Данный факт не стоит расценивать как признак полного неприятия лиц с инвалидностью. Скорее в нем отражается представление о необходимости создания специальных условий для лечения, ухода за данными лицами и их ограниченными возможностях по участию в

общественной жизни в связи с имеющимися физическими ограничениями.

Отвечая на вопрос «Насколько подготовлено общество материально-технически к принятию детей с ограниченными возможностями в свою среду?», 47,6% респондентов ответило «скорее не готово», 22,9% - «совсем не готово», 21,9% полагает, что готово, 2,9% - скорее готово. Полностью готово, полагает 0,6% специалистов. Затруднились ответить 4,8% опрошенных специалистов. Таким образом, основная часть респондентов считает, что материально-техническая сфера общества не приспособлена к особым нуждам детей-инвалидов.

Морально-психологически общество, по мнению такого же количества респондентов (47,6%) скорее не готово к принятию детей-инвалидов в свою среду и 17,1% считает общество совсем не готовым. 27,6% считают, что общество скорее готово и только 1% - полностью готовым. Таким образом, 64,7% опрошенных полагает, что общество психологически в разной степени не готово к принятию детей-инвалидов, а это может означать, что большинство граждан не желают видеть рядом с собой больных инвалидов.

В рамках данного опроса были также выявлены мнения респондентов о том, где предпочтительнее учиться детям с ограниченными возможностями здоровья.

Дети с опорно-двигательными нарушениями, по мнению 41,9% опрошенных, должны учиться в специализированном учреждении. Почти столько же респондентов (41%) полагает, что дети с указанными нарушениями должны учиться в обычном образовательном учреждении, 10,5% - «на дому», 6,7% затруднились ответить.

Дети с психическими нарушениями должны учиться, по мнению большинства (73,3%) опрошенных, в специализированных учреждениях. По мнению 20% - на дому, 1% - в обычном учреждении, 5,7% затруднились ответить на вопрос.

Большая часть опрошенных (77,1%) также полагает, что в специализированных учреждениях должны учиться и дети с умственной отсталостью. Считает, что на дому - 16,2%, в обычном образовательном учреждении - 3,8%. 2,9% затруднились с ответом.

В специализированном учреждении должны учиться и слабослышащие дети, по мнению 78,1% опрошенных (в обычной школе - 15,2%, на дому - 1,9%, затруднилось ответить 4,8%), и слабовидящие, по мнению 81,9% респондентов (в обычной школе - 10,5%, на дому - 1,9%, затруднилось ответить 5,7%).

Дети с видимыми физическими изъянами могут учиться в специализированном и обычном учреждении, по мнению 30,5% опрошенных. По мнению 27,6% - в обычном образовательном учреждении, 15,2% указало «на дому», 26,7% затруднилось ответить.

Итак, основная часть респондентов считает, что дети с любыми нарушениями должны учиться в специализированных учреждениях, однако во многих случаях респондентами допускается обучение детей с опорно-двигательными нарушениями в обычных средних общеобразовательных учреждениях.

Полученные и анализируемые данные позволяют сделать вывод о том, что в общественном сознании существует острое противоречие между пониманием объективной необходимости преодоления социальной изоляции детей с от-

клонениями в развитии и признанием неготовности к благожелательному их восприятию в обществе.

При этом, как отметило 91,4% опрошенных, необходимо больше информировать граждан общества о потребностях детей с ограниченными возможностями. Ряд респондентов (39,7%) указало, каким образом готово помочь в деле интеграции детей с инвалидностью в общество. Обучать и воспитывать детей с ограниченными возможностями готовы 10,6% респондентов, дарить внимание, любовь, заботу и защиту – 11,7%, помогать – 6,7%, оказать материальную помощь – 4,9%, делать все, что нужно или все, что в силах – 3,9%, общаться – 1,9%.

В последнее десятилетие предпринимаются определенные усилия со стороны общественных и государственных институтов России по социальной реабилитации, адаптации и интеграции лиц с инвалидностью. Благодаря существующим общественным организациям и учреждениям социального обслуживания дети с инвалидностью имеют возможность более активно включаться в социальные отношения. На этот момент особое внимание обратила заведующая отделением первичного приема информации, анализа и прогнозирования Мурманского Центра социальной помощи семье и детям в ходе экспертного опроса, проведенного в 2008 году на основе интервью.

«Если ребенок устроен в Центр, – отметил данный специалист, – то часто посещает мероприятия, часто бывает в общественных местах. Если нет, то крайне редко». Говоря о проблемах, с которыми сталкиваются сегодня лица с ограниченными возможностями и их близкие, заведующая отде-

лением отметила, что необходимо заботиться и о последних, помогая высвободить время на решение текущих вопросов, когда дети не посещают специальные учреждения. Для этого необходимо индивидуальное сопровождение семьи с ребенком-инвалидом, патронаж, периодичное присутствие социального работника.

Проблему интеграции детей с инвалидностью в общество председатель некоммерческой общественной организации «Инвалиды» Мурманской области связывает в первую очередь с трудностями материального характера. Это, в частности, обеспечение инвалидными колясками, костылями, обустройство подъездов пандусами. Необходимо пересмотреть стандарты общества, которые сегодня не позволяют инвалидам полноценно включаться в общественные процессы – сделать «послабления» для инвалидов, например, при прохождении медицинской комиссии для устройства на работу.

Что касается отношения окружающих людей к лицам с ограниченными возможностями, то высказано следующее мнение: «Инвалид не ощущает себя инвалидом, но окружающие люди смотрят на него только как на инвалида». В этой связи на второй план отходят личностные достоинства, индивидуальность человека с инвалидностью. Если люди видят инвалида, то у них в сознании появляются негативные ассоциации: «умственно отсталый», «больной», «ненормальный». Такого человека не воспринимают адекватно. Однако у человека, тем более ребенка с ограниченными возможностями, существует потребность быть как все остальные и делать то же, что и здоровые дети. Как итог, председатель отметил, что общество сегодня еще не готово к тому,

чтобы в нем лица с ограниченными возможностями чувствовали себя защищенными и полноценными.

С данным мнением согласилась председатель социально-благотворительного клуба родителей и детей-инвалидов «Надежда». Всего в городе Мурманске, указала она, находится примерно 800 детей-инвалидов. Из них дети с умственной отсталостью – самые социально неблагополучные. Они нуждаются в постоянном сопровождении и помощи. Ребенок с психиатрическими заболеваниями (шизофрения, депрессия, неврозы), может быть неадекватен, непредсказуем. Для таких детей мало возможностей в обществе. Однако 15 лет назад для них стали строиться специальные учреждения. Вообще, очень мало детей учится в общих школах. В таких случаях окружающие проявляют любопытство, подвержены стереотипам. Взрослые граждане, объясняя своим детям, увидевшим на улице ребенка с ограничениями, почему этот ребенок, например, так ходит, говорят: «Он больной». В свою очередь, у ребенка, имеющего видимые нарушения, формируются комплексы.

Подводя итог, председатель общественной организации еще раз отметила, что сегодня детям-инвалидам необходимы центры дневного пребывания, а также служба доставки, доступность медицинской помощи, возможность покупки бытовой техники для детей с ограниченными возможностями, сиделки со специальным образованием, осуществление патронажа.

Таким образом, специалисты, работающие с детьми-инвалидами, в целом отметили правовые, социальные и психологические трудности, с которыми сталкиваются дети-инвалиды и их семьи. Все это

указывает на необходимость осуществления планомерной работы по адаптации и интеграции детей с особыми потребностями в общество, уделяя большое внимание формированию толерантного отношения граждан.

На основании вышесказанного можно отметить, что проблема социальной интеграции инвалидов непосредственно связана с социализацией, с адаптацией, с реабилитацией, она является комплексной, многоплановой.

Социальная интеграция мало эффективна, когда личность не способна идти на компромисс, не желает, либо не может соизмерить свои притязания с возможностями социокультурной среды, когда человек не обладает личностными и социально востребованными ресурсами. В этой связи современных условиях общество стремится интегрировать лиц с отклонениями в развитии в социум. «Однако, - как отмечает А.М. Кан, - несмотря на различные программы и модели интеграции реализовать их можно лишь в том случае, когда сама личность имеет интегративные потребности» [5, с. 145].

В связи с этим перед обществом встают серьезные задачи создания особых условий для инвалидов в получении образования, овладения новыми профессиями и так далее, без чего невозможна успешная интеграция в социум. Социальная интеграция, однако, не происходит автоматически и при условии включения инвалидов в общественную жизнь. Усилия социальных институтов, организаций и их специалистов не означают немедленной интеграции лиц с ограниченными возможностями в социум.

Принцип полноценного участия инвалида в общественной жизни

базируется на концепции «нормализации», в основе которой находится идея о том, что жизнь и быт людей с ограниченными возможностями должны быть более приближенными к условиям и стилю жизни общества, в котором они проживают. Понятие «нормализация» используется в международной терминологии и отражает политику государства по отношению к инвалидам в области обслуживания, образования, трудовой деятельности, образа жизни. Этот термин содержит в себе социализационный, адаптационный и реабилитационный аспекты интеграции инвалидов, поскольку позволяет реализовать их компенсаторные возможности, а также осуществлять переориентацию общественного мнения.

Одним из приоритетных направлений интеграции детей-инвалидов является создание для них образовательной среды. При этом «чем грамотнее и качественнее решаются образовательные задачи, тем выше социальная компетенция ребенка с ограниченными возможностями, следовательно, выше и его потенциальные возможности интеграции в общество», — подчеркивает М.В. Кукишева [6, с. 83–84].

В отечественной практике интеграция в области образования — это процесс совместного обучения, воспитания и развития здоровых детей и детей с ограниченными возможностями посредством создания дополнительных специализированных условий. В основе данного подхода лежит идея о том, что жизнь и быт инвалидов должны быть максимально приближены к условиям и стилю жизни общества, в котором они живут.

Политика в области инклюзивного образования является, несомненно, частью более общей обра-

зовательной политики, которая, в свою очередь, соотносится с основными направлениями социального развития государства. Инклюзивное образование, являясь частью общей социальной политики в области образования, не тождественно ему и имеет свою специфику. Таким образом, инклюзивное образование двойственно по своей природе: с одной стороны, соотносится с образовательной политикой и социальным развитием государства; с другой стороны, решает свои специфические задачи, вне прямой связи с контекстом общей образовательной политики.

Несмотря на имеющийся у нас ресурс инклюзивного образования, проблема интеграции на современном этапе требует качественного изменения образовательной среды. Именно она позволит вернуть в образовательные учреждения тех детей, которые в силу своих физических и иных проблем вынуждены находиться дома и вне образовательного процесса. Достижение обозначенной цели возможно при создании материально-технических условий, обеспечивающих физическую доступность образовательных учреждений для детей с ограниченными возможностями здоровья.

В том правовом и организационном вакууме, который сложился в России в настоящее время вокруг инклюзивного образования, интеграционные школы, которые осознанно приняли концепцию интегрированного образования, действуют скорее как культурный и этический феномен, возникающий чаще всего вопреки существующим обстоятельствам, сложившимся в специальном образовании [7, с. 115]. Чаще всего это инициатива родителей «особых детей», поддержанная профессионалами, которые разделяют ценности интегри-

рованного образования, образования для всех. Новым важным явлением являются региональные инициативы, когда решение о создании интеграционных образовательных пространств берут на себя местные органы управления. Так, в долгосрочной целевой программе «Создание современной образовательной инфраструктуры в городе Мурманске на 2010-2012 годы», утвержденной постановлением администрации города Мурманска, предусмотрена индивидуализация процесса обучения, которая предполагает создание условий для полноценного включения в образовательное пространство и успешной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов.

Значение интеграционных школ трудно переоценить. Однако не только отсутствие законодательной базы и дефицит финансирования выступают основными препятствиями интеграции, но и те общественные стереотипы и предрассудки, которые существуют в современном российском обществе, в том числе среди педагогов в отношении обучения детей-инвалидов. Препятствиями интеграции детей-инвалидов в школу является не только отсутствие безбарьерной среды, финансирования и законодательной базы, но и квалификация специалистов. Профессиональная квалификация педагогов заключается еще и в умении учителя в каждом ученике видеть личность и уважать ее достоинство, несмотря на его отличие от других.

Таким образом, для решения проблем социальной интеграции детей-инвалидов в России важно наладить взаимодействие между специалистами государственных и общественных организаций, массовых и специальных учебных заве-

дений, необходимо изменение не только законодательных и финансовых механизмов, но и общественного мнения, способствующего принятию здоровыми гражданами в свою среду лиц с инвалидностью.

Литература:

1. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2008: стат. сб. - М. : Росстат, 2008. - 502 с.

2. Регионы Северо-Западного Федерального округа. Социально-экономические показатели, 2009: стат. сб. - Сыктывкар : Комистат, 2009. - 2003 с.

3. Жигунова, Г.В. Исследование толерантности различных групп населения в отношении детей с ограниченными возможностями / Г.В. Жигунова, Ю.В. Кузнецов, И.Ю. Салмина и др.; под ред. Г.В. Жигуновой. - Мурманск : Изд-во МГТУ, 2008. - 216 с.

4. Маслова, Т.Ф. Концепция исследования интеграции людей с инвалидностью в общество / Т.Ф. Маслова, В.К. Шаповалова, В.С. Ткаченко // Интеграция людей с инвалидностью в российское общество: теория и практика / под ред. В.К. Шаповалова - М. : Мурмавей, 2006. - С. 73 - 80.

5. Кан, А.М. Социальная интеграция инвалидов / А.М. Кан // Социальная политика и социология. - 2008. - № 3. - С. 138 - 147.

6. Кукишева, М.В. Совершенствование процесса обучения детей, имеющих нарушения здоровья / М.В. Кукишева // Труды Псковского политехнического института. - 2006. - № 10.1. - С. 83 - 88.

7. Борисова, Н.В. Социальная политика в области инклюзивного образования: контекст либерализации и российские реалии / Н.В. Борисова // Журнал исследований социальной политики. - 2006. - Т. 4. - № 1. - С. 103 - 120.

Выявление социальных стереотипов в практиках просмотра художественных фильмов

Ковалев В.В.

Цель статьи - показать возможности формирования социальных стереотипов средствами художественных фильмов. В основу исследования положен метод группового интервью. С его помощью выявляется суггестивная сила социальных стереотипов. После просмотра фильмов «Окно в Париж» и «Брат 2» осуществлялся замер остаточных воздействий стереотипов поведения героев кинокартины на сознание участников групп. Ключевые слова: социальные стереотипы, коннотативный, симулякр, метод группового интервью.

Kovalev V.V.

Revealing of social stereotypes in experience of viewing of art films

article purpose - to show possibilities of formation of social stereotypes means of feature films. The method of group interview is put in a research basis. With its help suggestive force of social stereotypes comes to light. After viewing of films «the Window to Paris» and «the Brother 2» was carried out gauging of residual influences of stereotypes of behaviour of heroes of a film on consciousness of participants of groups.

Keywords: social stereotypes, connotative, simulacres, a method of group interview.

Презентация метода

Далее остановимся на том, каким образом мы проводили изучение трансформации ценностей, которые могли стать основой для формирования социальных стереотипов. Для этого мы использовали элементарную составляющую социального стереотипа, который, как известно, складывается из трех основных аспектов: аффективного, когнитивного, коннотативного. Именно по трем этим аспектам мы и осуществляли в процессе интервьюирования участников групп замеры колебаний стереотипных представлений, связанных с просмотром фильмов «Окно в Париж» и «Брат 2».

Такая методика предполагает наличие следующей направленности в работе: выявить как было и показать как стало. Иными словами, чтобы установить какие-либо изменения в стереотипных представлениях, необходимо знать какими эти представления были до стадии просмотра выше означенных кинокартин.

Подобного рода требование к методике проведения опроса преопределило трехступенчатую си-

стему интервьюирования респондентов. Всего нами было осуществлено тридцать групповых интервью с десятью группами. Опросы проводились по недельному циклу: предварительное интервью; через неделю - просмотр фильма «Окно в Париж» и проведение после небольшого перерыва в несколько минут группового интервью; через неделю - просмотр фильма «Брат 2» и очередное интервьюирование.

Исследование имело лонгитюдный характер и проходило в течение двух лет: с ноября 2006 года по ноябрь 2008 года.

Несколько слов о выборке. Представляя группы, для удобства обработки материала мы, одновременно, будем присваивать ей номер, соответствующий хронологическому порядку привлечения ее участников к опросу. В ноябре 2006 года опрашивались две группы студентов 1 курса исторического факультета Педагогического института Южного Федерального университета (ПИ ЮФУ) в количестве респондентов (группа №1: N=17 и группа №2: N=23); в мае 2007 года студенты 2 курса исторического факультета отделения сервис и туризм ПИ ЮФУ (группа №3: N=14) и студенты 2 курса факультета естествознания ПИ ЮФУ (группа №4: N=21); в ноябре 2007 года две группы студентов первого курса исторического факультета отделение сервис и туризм (группа №5: N=14 и группа №6: N=16); в мае 2008 года студенты второго курса исторического факультета отделения сервис и туризм ПИ ЮФУ (группа №7: N=13) и студенты четвертого курса художественно-графического факультета отделение сервис и туризм ПИ ЮФУ (группа №8: N=27); в ноябре 2008 года студенты первого курса исторического

факультета ПИ ЮФУ (группа №9: N=12 и группа №10: N=18).

В ходе первого интервью, назовем его предварительным, во всех группах был осуществлен общий зондаж ценностных координат их участников; в процессе второго интервью был организован предваряющий ему просмотр художественного фильма «Окно в Париж», а по его итогам – проведение собственно самого группового интервью; и, наконец, третье интервью было проведено после просмотра кинокартины «Брат 2».

Фиксация результатов подобно-го рода интервью представляло собой задачу непростую. Помимо того, что нам необходимо было знать каждую деталь из того, что происходило в группе, очень важным также представлялось знание общего эмоционального фона проведения каждого из тридцати групповых интервью. Это объясняется, в первую очередь, тем, что для изучения механизма складывания социальных стереотипов важнейшее значение имеет знание аффективной их составляющей. Эмоции же в письменном виде посредством простой стенографии зафиксировать затруднительно. Поэтому нами был найден простой, хотя и имеющий уже свои недостатки выход из сложившейся ситуации. Фиксация результатов осуществлялась по аналогии с методикой «фокус-групп» посредством видеосъемки. Чтобы по возможности нивелировать «аффект смущения», в роли оператора выступал один из участников группы, функции которого в качестве респондента в силу сложившейся ситуации были сведены к минимуму.

Наша задача сейчас состоит в том, чтобы проанализировать и обобщить полученные результаты. Эту работу мы будем проводить по следующей схеме. Сначала рас-

смотрим результаты группового интервью, где проводился зондаж ценностей, а затем в установленном порядке оценим данные групповых интервью, проведенных по итогам просмотра художественных фильмов.

В процессе представленного в итоговом варианте материала мы не будем показывать всю совокупность заданных вопросов, а обратим внимание скорее на главные модули тематического спектра, из которого состояло каждое из тридцати проведенных интервью.

Предварительное интервью («зондаж ценностей»)

Предварительное интервью проводилось по общей схеме, которая состояла из трех основных блоков:

- 1) общий анализ стереотипных представлений о россиянах, русских, собственной стране и т.п.;
- 2) отношение к эмиграции;
- 3) выявление мнений о перспективах развития российского общества.

Выделение данных блоков объяснялось необходимостью определить стереотипные представления того спектра ценностей, которые будут выявлены и обсуждены после просмотра художественных фильмов.

Поскольку первый фильм, который планировалось посмотреть («Окно в Париж»), повествовал о событиях 1992 года, а участникам групп в те времена было не более пяти-семи лет, то обсуждению предшествовал рассказ ведущего о сложностях первых лет реформ, депривациях, ощущениях подавленности, которые испытывали россияне в это время, всеобщего западничества и на этом фоне национального самоуничтожения.

Этот рассказ вызвал недоумение среди участников всех десяти

групп. На вопрос о том, испытывают ли они при оценке своей культуры характерные для тех времен чувства национальной неполноценности, всеми участниками групп был дан отрицательный ответ. Особенно развернутыми были суждения у участников группы №2, 4 и 8, среди которых наиболее типичными можно считать следующие: «хочется быть на уровне той России, когда была гордость и патриотизм»; «мы лучше людей Запада»; «в России выше духовность» и т.д.

Во всех группах не вызвал серьезных затруднений вопрос о положительных качествах, присущих для российского человека. В числе наиболее распространенных назывались такие черты как «культурность», «образованность», «доброта», «готовность всегда прийти на помощь», «доброжелательность», «уважительность», «отзывчивость», «преданность». Видимо стремление сыграть на контрасте с западничеством начала 90-х гг. привело к тому, что никем в ходе обсуждения не было названо ни одного отрицательного качества.

Также был дан положительный ответ на вопрос о том, «много ли изменилось сейчас в лучшую сторону по сравнению со временами 1990-х годов?». Респонденты групп №1, 5, 6, 9 указали на «улучшение условий жизни», «улучшение государственной политики» (одно мнение было высказано против, впрочем, никем не поддержанное). Респонденты групп №2, 3, 4, 7, 8, 10 обратили внимание на то, что «люди стали лучше жить», «сейчас появилась надежда», «стабильность», «государство стало способствовать укреплению социальных связей», «люди стали добрее». В этих группах были только оптимистические оценки; ни од-

ним из респондентов не было выявлено намерения оспорить общий комплиментарный фон суждений.

На четко очерченный вопрос относительно патриотизма «есть ли у Вас чувство удовлетворенности, что Вы живете именно в нашей стране?» респондентами опрошенных групп были даны следующие ответы: «каждый любит свою страну, потому что патриот», «у нас богатая история». Характерным был ответ респондентов группы №8, данный хором и недвусмысленно: «Да!». Ответила практически вся группа, и ее положительная тональность была настолько эмоционально насыщена, что какой-либо иной вариант ответа не мог даже рассматриваться.

Далее была рассмотрена проблематика отъезда за границу, эмиграции в иные страны.

Этот вопрос также не вызвал никакой полемики в группах. Респонденты групп №1 и №3 указали на то, что «люди боятся начинать новую жизнь за рубежом», «верят, что в своей стране лучше», «боятся потерять то, что есть», «стран развивается и будет развиваться дальше». В этих высказываниях виден и сдержанный оптимизм, и надежда на лучшее, и нежелание терять, что уже имеется, и уверенность в том, что в своей стране лучше, чем в других странах.

Еще более категоричны в своем неприятии отъезда за рубеж были участники остальных групп. Схематично их высказывания можно свести к следующим формулировкам (они являются тезисами более развернуто раскрытых участниками групп мыслей):

- «за границей не так хорошо, как думали раньше»;
- «эмигранты из России будут посудомойками и уборщицами»;
- «там будет хуже»;

- «раньше люди не знали всей правды о Западе»;

- «на Западе человек не найдет смысла жизни»;

- «почему не сделать все это здесь (цветы, порядок, чистоту)».

Более детальное обсуждение этого вопроса в группах привело к попытке разобраться в особенностях типажа людей, которые отъезжают за рубеж. Для достижения этой цели был задан вопрос: «Является ли нормальной и оправданной позиция человека, согласно которой за границей лучше, чем там, где он живет?»:

- «нет (хором эмоционально)»;
- «так думает меньшинство»;
- «нужно воспитывать в людях патриотизм»;

- «такие люди возникают из-за негативного влияния Запада (например, потому что американцы унижают любую другую культуру, кроме своей)»;

- «у меня возникает негативное отношение к американцам, так как они порочат русскую культуру и русских»;

- такие люди не пытаются анализировать ситуацию, им так жить удобно».

В данных высказываниях обращает на себя внимание не только преобладание патриотических настроений, твердого намерения остаться в своей стране и веры в нее, но и совершенно ничем не предопределенный с точки зрения тактики организации проведения опроса интервьюером переход к осуждению американцев и американской политики.

На этом фоне вполне ожидаемым оказался сверх оптимистичный прогноз будущего нашей страны.

В группах №1 и №7 данная проблематика не вызвала оживленного осуждения, но ее участники выразили твердую уверенность в

том, что Россию ждут хорошие перспективы.

Значительно большее желание обсудить этот вопрос проявили респонденты остальных групп. На вопрос «есть ли перспективы у современного российского общества?» были даны в ходе обсуждения следующие высказывания:

- «есть, конечно» (хором, с большим энтузиазмом);
- «есть во всем»;
- «перспективы всегда есть»;
- «к пенсионному возрасту, но я надеюсь, что ошибаюсь»;
- «всегда хочется верить в лучшее»;
- «каждый человек делает свое будущее»;
- «все будет нормально»;
- «если государство будет помогать, создавая экономическую базу»;
- «будущее человека зависит не только от государства, я верю в будущее»;
- «на самом деле, все зависит от человека, надо делать, а не леняться и будут перспективы»;
- «все, кого я знаю, очень трудолюбивы»;
- «нужно выбирать будущее самому».

На основании этих данных попытаемся реконструировать коллективный портрет участника групп, который далее будет принимать участие в групповом интервью после просмотра двух художественных фильмов. Напомним еще раз, это необходимо для того, чтобы выяснить, каким образом происходит воздействие на ценностную сферу социального актора со стороны определенного источника информации (в нашем случае, на примере художественных фильмов). То есть, происходит ли после получения новой информации вытеснение одних аксиологических стереотипов – другими.

По итогам десяти предварительных групповых интервью мы можем сказать следующее. Участник группы представляет собой человека уверенного в своих силах, с хорошей самооценкой, позитивно относящегося к культуре, носителем которой он является, отрицательно настроенного к национальному самоуничтожению в прошлом и настоящем, испытывающего национальную гордость от принадлежности к своей стране (патриотизм), равнодушного к идее отъезда за рубеж и верящего в перспективы развития российского общества.

На этот образ мы будем далее ссылаться в наших двадцати последующих групповых интервью.

Групповое интервью по итогам просмотра фильма «Окно в Париж»

На втором этапе в каждой из десяти групп были организованы просмотры фильма «Окно в Париж». Групповые интервью проводились по прошествии получасового перерыва. Участники групп сохранились прежними с незначительными колебаниями состава, которые не могли оказать серьезного влияния на корреляцию результатов предварительного опроса с трансформациями в ценностной сфере, образовавшимися после просмотра кинофильма. Обработка данных осуществлялась в соответствии с сопоставлением полученных результатов к основным элементам социального стереотипа: аффективному, когнитивному, конативному.

Итак, изменились ли представления участников групп относительно того образа, который нами был определен на основании анализа групповых интервью, состоявшихся неделей ранее? Еще до проведения исследования была

определена гипотеза, согласно которой негативное представление об объекте прямо пропорционально зависит от количества негативистских трансляций в сознание субъекта, воспринимающего объект. Иными словами, любая негативная информация неизбежно оставляет своей след в виде готовности воспринимать объект оценки, и чем больше такого негативизма, тем прочнее формируется стереотип соответствующей оценки. Конструирование гипотезы было основано на том, что в фильме «Окно в Париж» наблюдался явно выраженный отрицательный фон восприятия российского общества.

Чтобы проверить эту гипотезу, обратимся вначале к аффективной составляющей стереотипа.

Его оценку легко дать, опираясь на данные, полученные от нескольких вопросов. Участникам групп был задан вопрос: «совпадает ли Ваше представление о времени начала 90-х годов с тем, что Вы увидели в фильме?». Надо заметить, что состояние групп сразу после просмотра можно охарактеризовать словами «подавленность», «обескураженность», «опустошенность» и т.п. Соответствующими были и ответы:

- «оказалось, что все еще хуже»;
- «на Западе людям идет на встречу, а у нас разруха».

На просьбу высказать общее впечатление о фильме в группах откликнулись несколько человек, мнения которых были не вполне однородны:

- «вызывает смешанные чувства»;
- «злая пародия»;
- «стыдно за свою страну»;
- «сплошное воровство».

Оценка мнений и общего эмоционального фона позволяет сделать вывод о том, что во всех

группах была создана необходимая основа для создания аффективного аспекта нового стереотипа негативного отношения к собственной стране.

То, что этот аспект даже после единичного воздействия на ценностную сферу имеет определенную степень устойчивости, свидетельствует резкое понижение градуса оптимистичности, и даже возникновения неких социальных страхов. Чтобы их определить, обеим группам было предложено оценить образ стены, который появляется в последней смысловой единице фильма.

Во имя избежания какой-либо программируемости в ответах, респондентам был предложен самый общий вариант вопроса: «имеет ли образ серой стены в конце фильма символическое значение?». Вот наиболее типичные варианты ответов:

- «разделяет Россию и Европу»;
- «то, что они объединились все вместе в желании уехать»;
- «бьешься, бьешься – и все бесполезно»;
- «все осталось как прежде, и никаких улучшений нет»;
- «такая стена есть у всех»;
- «на Западе таких стен нет»;
- «эта граница преодолена не будет».

В целом, ответы во всех группах были достаточно однородны и большим разнообразием не отличались. Это, впрочем, не относится к исследованию, которое проводилось в группах №9 и №10 в ноябре 2008 года. На эти группы эффект воздействия фильма превзошел все ожидания: ответы были абсолютно унифицированы в своем патологическом страхе перед представленным символом. Участники групп прямо заявили, что они испытывают боязнь того, что могут легко превратиться в геро-

ев кинокартины. На вопрос о причинах такой боязни был дан четкий и недвусмысленный ответ: экономический кризис, который ухудшает уровень жизни в современном российском обществе.

Итак, мы видим, что группы проявили эмоциональную готовность (аффективную составляющую) отказаться от стереотипов положительного восприятия своей страны, своих сограждан, будущего. Вызванное состояние опустошенности применительно к началу 90-х годов экстраполируется и на наше время. Это входит в противоречие с их первоначальной позицией, выявленной в ходе двух первых групповых интервью, проведенных неделей раньше. Более того, ощущение депривированности формирует новую когнитивную основу восприятия российского общества.

Элементы когнитивного аспекта стереотипа негативного отношения к российскому обществу проявляются через обсуждение следующих вопросов.

Группам №1, 3 и 4 был задан такой вопрос: «что-то изменилось сейчас в нашей стране?». Вот варианты ответов, некоторые из которых вызвали дискуссию:

- «люди стали цивилизованнее» (мнение эмоционально было оспорено);

- «не изменилось»;

- «в других странах люди такие же, как и у нас»;

- «все осталось также».

Несколько иначе был сформулирован вопрос для остальных семи групп: «негативные качества россиян в фильме обусловлены кризисом 90-х годов или это особенности национального характера?». Варианты ответов также были противоречивыми:

- «некоторые черты соответствуют»;

- «простота, наивность»;

- «неграмотность»;

- «типичны для 1990-х»;

- «это наши национальные особенности»;

- «типичны, но для народа».

Участники групп №9 и №10, между тем, прямо заявили, что эти черты содержатся именно в национальном характере и что они вполне могут стать сейчас доминирующими, как в начале 1990-х годов.

Первое, на что нам необходимо обратить внимание, это то, что для всех групп появилась не свойственная им прежде противоречивость в суждениях при оценке черт национального характера. Между тем, результаты исследования, которые мы получили в ходе предварительного интервью, были несколько иными. Там участники групп декларировали и провозглашали национальные черты россиян исключительно в комплиментарных тонах, имело место полное единодушие. Однако, оказалось, что экскурса в недалекое прошлое, усиленного средствами художественного выражения в форме симуляции реальности, оказалось достаточно для того, чтобы критические оценки приобрели такой же (если не больший) вес, как и положительные. Особенно это касается последнего исследования, проведенного в ноябре 2008 года.

Таким образом, можно констатировать влияние фильма на формирование когнитивного аспекта стереотипа негативного отношения к российскому обществу.

Более сложный характер имело формирование когнитивного аспекта стереотипа негативного отношения к российскому обществу. Второе название этого аспекта социального стереотипа – поведенческий. Поэтому, обращаясь к ито-

говым материалам группового интервью, в качестве индикатора, позволяющего увидеть механизм образования стереотипного представления, нами было избрано отношение участников группы к французам и к вопросу об эмиграции. Действительно, эти два параметра изучаемой проблематики дают нам возможность увидеть предположительную готовность к образованию социальных отношений с иностранными социальными группами по типу отрицания как желаемых связей с соотечественниками.

Группам №1, №3 и №4 был задан в целом нейтральный по содержанию вопрос: «отличаются ли русские от французов». Цель его состояла в том, чтобы определить готовность групп вступить в обсуждение качеств русских и французов. Общее мнение групп состояло в том, что французы в быту доброжелательнее. Из шестнадцати выступавших, четырнадцать сказали, что образ жизни французов для них ближе и предпочтительнее российского.

Несколько корректируется также отношение к эмиграции, которое было зафиксировано на предварительном групповом интервью. Так, интересную реакцию вызвал вопрос о том, почему Гороховы не захотели остаться в Париже. Одним из респондентов группы №1 было высказано мнение (поддержанное всеми участниками группы), что «они отказывались эмигрировать по глупости; дети же были прозорливее» (со своим намерением не возвращаться в Россию).

Поскольку нами в процессе интервьюирования были замечены эти ценностные колебания, мы посчитали необходимым задать контрольный вопрос относительно будущего российского общества. Напомним, что на предваритель-

ном групповом интервью этот вопрос уже задавался участникам обсуждения, и тогда хором был дан положительный ответ, оптимистично предсказывающий самые радужные перспективы для России. Вопрос звучал следующим образом: «верите ли Вы в перспективы нашей страны?». Вот типичные ответы тех, кто пожелал высказаться:

- «когда мне будет 70 лет»;
- «верю в перспективы»;
- «верю»;
- «если государство правильно будет распределять ресурсы»;
- не очень верится»;
- «они будут очень медленно»;
- «надо приложить усилия»;
- «мы приближаемся к Европе»;
- «все зависит от нас».

Мы видим, что из девяти типизированных ответов, лишь в трех нет указаний на перспективы; в двух - верят, но с отлагательными условиями. Все это свидетельствует о том, что наблюдается явно выраженная динамика отказа от прежних оптимистичных представлений. Заметим, что поводом к этому послужил просмотр всего лишь одного художественного фильма, хотя это и очень сильный социальный симулякр, до предела насыщенный соответствующим эмоциональным фоном. Страшно подумать, что произошло бы с молодежным оптимизмом при систематической работе СМИ в указанном направлении!

Подобного рода ответы свидетельствуют о том, что зафиксированная по итогам предварительного группового интервью стереотипная шкала ценностей «В России хорошо, за границей - плохо», после просмотра фильма «Окно в Париж» трансформировалась в новое стереотипное представление «в России непонятно, за границей - неплохо».

Не столь однозначные ответы были даны по последнему аспекту проблематики участниками групп №№2, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Для них вопрос был сформулирован несколько более категорично и четко: «что поведение, отношение к жизни Вам больше нравится: россиян или французов?». Вот типизированные варианты ответов:

- «российское»;
- «у каждой страны своей менталитет»;
- «мы видели французов, которые голыми играют классическую музыку»;
- «там пресытившееся общество потребления»;
- «они пресытились»;
- «французы в нечеловеческих условиях жизни стали бы такими же, как и мы» (несколько реплик участников – даже еще хуже);
- «нас не устраивает то, как Гороховы вели себя в семье».

Одно мнение в отношении французов нейтральное, одно в осуждение Гороховых, но, в целом, защита и солидарность образа жизни, принятого в России.

Из этих данных следует, что при введении категоризации конативный аспект стереотипа негативного отношения к российскому обществу у подавляющего большинства групп выражения не нашел, что свидетельствует о его общей слабой устойчивости. Этим результаты группового интервью заметно отличаются от тех, что были получены при меньшей категоризации при работе с участниками групп №1, 3 и 4.

Делая общий вывод по итогам второго этапа групповых интервью, проведенных после просмотра фильма «Окно в Париж», следует заметить, что эта кинокартина сформировала элементы аффективного и когнитивного аспектов социального стереотипа нега-

тивного отношения к российскому обществу, а также конативный аспект данного стереотипа у групп №1, №3 и №4. Важно обратить внимание на то, что он проявился уже после единичного просмотра социального симулякра, содержащего отрицательное отношение к российскому социуму, сумев поколебать более характерные для современной молодежи стереотипы патриотизма, оптимизма, отрицательного отношения к эмиграции, сформированные интенсивной работой современных средств массовой информации.

Групповое интервью по итогам просмотра фильма «Брат 2»

На третьем этапе были организованы просмотры фильма «Брат 2». Групповые интервью также проводились по прошествии получасового перерыва. Составы групп опять же сохранились прежними. Обработка данных осуществлялась по уже апробированной методике в соответствии с приложением полученных результатов к основным элементам социального стереотипа: аффективному, когнитивному, конативному. Только в данном случае это был уже фильм «Брат 2».

Гипотеза в отношении последнего этапа исследования была сформулирована следующим образом: фильм «Брат 2» формирует искусственный стереотип положительного отношения к собственной стране («Своим»), основанный на акцентуации негативистского отношения к иностранцам («Чужим»), создавая биполярный мир с ценностями традиционного общества.

Анализ аффективного аспекта определенного в гипотезе социального стереотипа большой сложности не представляет. Основным героем фильма является Данила Бодров. Именно его образ-типаж

должен формировать необходимый эмоциональный фон для образования аффективной основы искомого стереотипа. Вопрос заключается, соответственно, в том, воспринялся ли этот образ участниками групп положительно.

Сразу надо заметить, что не всеми, кто принимал участие в групповом интервью по итогам просмотра, Данила был воспринят однозначно. В качестве основной «претензии», которая ему предъявлялась, следует назвать большое количество совершенных им убийств, а также незаконные методы достижения целей. Однако небольшой экспресс-опрос по данной проблематике выявил, что с точки зрения групп Данила не убил ни одного достойного человека. Когда же напрямую был задан вопрос о том, какие качества характера можно выделить у Данилы, то были названы следующие черты:

- «борется за правду»;
- «восстанавливает справедливость»;
- «Родину любит»;
- «помог Даше»;
- и далее: «честный», «патриот», «друзей не бросает», «обаятельный», «есть харизма», «надежный», «способен отдать жизнь за друга», «родственные узы соблюдает», «общительный» и т.п.

На вопрос о том, хотели бы дружить с таким человеком, хором был дан положительный ответ.

Таким образом, аффективный аспект анализируемого стереотипа мы можем четко и определенно выявить уже по итогам единичного просмотра фильма соответствующего содержания, который транслирует в сознание традиционные ценности, а окружающий мир представляет как биполярную реальность.

Степень развитости когнитивного, то есть содержательного аспек-

та искомого стереотипа, мы будем анализировать на примерах оценки тех качеств и свойств, которые участники группы будут придавать и присваивать «Своим» и, соответственно, «Чужим». В роли первых выступают россияне, а в роли вторых – американцы. При анализе когнитивного аспекта нам необходимо выявить уровни как отрицательности, так и положительности спектров оценки в высказываниях участников групп.

Относительно своих сограждан участники обеих групп выразили сдержанные оценки по предмету придания им определенных личностных свойств. С тем, что Данила похож на остальных россиян, согласились лишь отчасти. Объяснение этому можно найти, очевидно, в том, что анализируемый фильм содержит предельно мало так сказать «нормальных» россиян, взятых из обычной жизни. В самом фильме говорится весьма отвлеченно об идеях патриотизма, но очень мало русофильства. Да и сами действия, в основном, протекают на территории США.

Что касается отрицательного вектора анализируемого стереотипа, то здесь спектр оценок получился куда более красочный. Отрицательные высказывания об американцах сыпались как из «рога изобилия» даже тогда, когда ведущим и не предполагалось обсуждать их национальные черты. Так, на вопрос в группе №1 «как Вы думаете, отношения между людьми периода 2000-х изменились по сравнению с началом 1990-х?», ответы оказались неожиданными:

- «афроамериканцев тяжело назвать культурными»;
- «люди в Америке ведут себя агрессивнее».

В группах №2, №5, №8, №9 в процессе обсуждения характерных

черт образа Данилы участники группы совершенно неожиданно перешли на американцев:

- «они озлобленные»;
- «агрессивные»;
- «непонятно, что им мешает быть порядочными людьми».

Нетрудно заметить, что когнитивный аспект по типу отрицания выявляется сам по себе, без адресования вопросов для обсуждения со стороны интервьюера.

Группам был задан вопрос: «есть ли согласно фильму положительный персонаж в американском обществе?». Только одним из респондентов в группе №7 был дан ответ «водитель». Однако он был достаточно энергично оспорен остальными участниками группы:

- «американцы не добросердечные»;
- «американец-водитель не пожалел Дашу»;
- «американцы сами по себе».

Для того чтобы не задавать напрямую сравнительный вопрос о качествах американцев и русских, группами обсуждалась проблема: почему Данила использовал незаконные методы для достижения поставленных целей. В целом, пришли к единодушному мнению о том, что иначе у него не было возможностей для их достижения. Участники групп согласились с тем, что если представить идеальное общество, в котором нет необходимости нарушать закон, то люди в таком обществе должны обладать следующими качествами: нравственность, доброта, честность, порядочность. На вопрос о том, кому в большей степени свойственны эти качества хором был дан недвусмысленный ответ: «русским!».

Еще более показательным формированием конативного аспекта социального стереотипа. Его проявление раскрывается в представ-

лениях участников групп к проблемам эмиграции.

Так, на вопрос «насколько типична судьба Даши как эмигранта из России в Америку?», были получены следующие ответы:

- «типична для всех девушек, а парни работают грузчиками»;
- «пятьдесят на пятьдесят»;
- «полностью типична»;
- «в основном, эмигранты – это посудомойки и проститутки»;
- «они не могут оттуда вырваться»;
- «он не совсем типичен»;
- «мои друзья эмигрировали неудачно»;
- «у русских само отношение к жизни другое»;
- «Россия – это своя особая семья, а за граница – это другие люди»;
- «женщины, удачно вышедшие замуж, сидят в золотой клетке».

Как видим, подавляющее большинство не видит нормальных перспектив в отъезде за границу, а в некоторых ответах Россия и Запад дистанцируются по культурным основаниям.

Безусловно, столь жесткое конституирование когнитивных и конативных оснований для социального стереотипа объясняется не только влиянием фильма как социального симулякра, но и систематической работой иных средств массовой информации, которые оказывают колоссальное влияние на современную молодежь. Для нас же важно отметить, что во всех группах произошло возвращение к выявленному по итогам первых двух этапов интервьюирования образу «человека уверенного в своих силах, с хорошей самооценкой, позитивно относящегося к культуре, носителем которой он является, отрицательно относящегося к национальному самоуничижению в прошлом и настоящем, испыты-

вающего национальную гордость от принадлежности к своей стране (патриотизм), равнодушного к идее отъезда за рубеж и верящего в перспективы развития российского общества».

Однако фильм «Брат 2» добавил к этому образу любопытный штрих. Когда интервьюером была четко постулирована дихотомия смысловой единицы №76 (где речь идет о «правде жизни»), выделенной нами в кинокартине, оказалось, что во всех группах четко и недвусмысленно высказались за то, что сила в этой жизни за «правдой», а не за деньгами. Такая категоричность для современного человека кажется неожиданной, поскольку само понятие «правды» является характерным для традиционного, а не модернистского общества. Этот дополнительный аспект анализа стереотипных представлений, сформированных у участников групп по итогам просмотра фильма «Брат 2», свидетельствует о том, что выдвинутая нами гипотеза о возможности формирования средствами воздействия художественного фильма искусственного стереотипа положительного отношения к собственной стране («Своим»), основанного на акцентуации негативистского отношения к иностранцам («Чужим») и создания биполярного мира с ценностями традиционного общества, получила свое подтверждение.

Выводы

Выявленный процесс стереотипизации отражает особенности того типа общества, который формируется в результате образования в общественном сознании искусственных стереотипов.

В теоретическом анализе мы выделяем несколько этапов трансформации общественного сознания

под воздействием процесса стереотипизации.

На первом из них речь идет о формировании квазистереотипов (отсутствует признак «бессознательности»). Данные квазистереотипы образуют условия для развития модели субъектного общества. Его субъектность предопределяется возможностями со стороны социальных акторов свободно и осознанно создавать желаемое для самого субъекта аксиологическое поле для складывания когнитивного аспекта социального стереотипа. Перспективы развития субъектного общества зависят от способности социального актора к постоянной саморефлексии своих общественных потребностей и умения выстраивать систему социальных релевантностей. Проведенные групповые интервью заставляют нас критически оценить наличие подобного рода способностей в российском обществе. Поэтому социальные процессы, ведущие к образованию социальных стереотипов, на этом этапе не останавливаются.

Обнаруженный посредством просмотра кинофильмов механизм стереотипизации отражает особенности второго этапа образования искусственных стереотипов. Здесь квазистереотипы субъектного общества посредством манипуляций транслируются в общественное сознание. Предметность данного общественного сознания была выражена в виде тех десяти групп, в которых мы проводили групповые интервью по итогам манипулятивного воздействия на них подобранными в этих целях художественными фильмами. В результате имело место образование свойств общественного сознания, характерных для объектного манипулируемого общества. Воздействие идеологом, содержащихся в ото-

бренных фильмах, создало предпосылки для идеологической обработки сознания участников групп в желаемом для манипулятора направлении.

Так, с помощью идеологического ядра художественных фильмов, обуславливающих возможность означивать восприятие социальных смыслов, были созданы готовые, прескриптивно заданные стандарты поведения и мышления.

Данная эволюция общественно-го сознания позволяет нам сделать вывод о том, что в настоящее время формируется объектное общество, в котором сознание социальных акторов находится под воздействием четко заданных и означенных когнитивных сущностей.

Подобная характеристика российского общества содержит до поры до времени латентный, но очень опасный недостаток, который в будущем может сыграть свою отрицательную роль. Легкость формирования искусственных стереотипов в действительности является оборотной стороной их неустойчивости. В самом деле, смена диаметрально противоположных идеологических векторов, содержащихся в фильмах «Окно

в Париж» и «Брат 2», приводит в результате просмотра к легкому вытеснению из сознания участников групп под воздействием нового просмотра ценностных составляющих кинофильмов. Это предопределяется тем, что процесс образования искусственных стереотипов основан на трансляции в общественное сознание навязанной (а не осмысленно приобретенной) рефлексии самих манипуляторов. Эта навязанная рефлексивность и задает неустойчивость существования искусственных стереотипов, их потенциальную готовность к самораспаду либо из-за снижения уровня аффективной их составляющей, которая играет огромную роль в стимулировании процесса стереотипизации, либо вследствие внедрения в сознание новых когнитивных сущностей, которые приведут к формированию соответствующих им искусственных стереотипов.

Подобного рода неустойчивость заставляет поставить под сомнение установившуюся в российском социуме так называемую стабильность. Особенно в контексте набирающего обороты мирового экономического кризиса.

Регион как сеть пространственных отношений (на примере Волгоградской области)

Лысенко Г.В.

В статье регион рассматривается как сеть пространственных отношений, как «среда жизни», в которой качество социальных взаимодействий является определяющим, а конструирование и преобразование пространства региона осуществляется социальными практиками. Результаты опроса населения и экспертов представляют основные идеи, которые могут служить консолидирующей основой общества.

Ключевые слова: регион, пространственная организация общности, сетевой подход, региональная идентичность.

Lysenko G.V.

Region as a network of spatial relations (on an example of the Volgograd region)

In article the region is considered as a network of spatial relations as «the life environment» in which quality of social interactions is defining, and designing and transformation of space of region is carried out by social experts. Results of interrogation of the population and experts represent the basic ideas which can form a consolidating basis of a society.

Keywords: region, the spatial organization of a community, the network approach, regional identity.

Социальные отношения пространственно определены. «Пространство и время есть фундаментальные материальные измерения человеческой жизни» - отмечает М.Кастельс [1, с.354]. Пространственная организация общности позволяет выявить регионы, население которых обладает специфической конструирования реальности, воссоздаваемой во взаимодействиях, способствующих возникновению и сохранению общности, формированию относительно устойчивой социальной сети. Сетевой подход позволяет проанализировать социальные отношения на различных уровнях отношений: межличностных и массовых, выявить связи различной плотности и интенсивности.

В этой трактовке регион определяется не только географическими или административными категориями, а региональной идентичностью: чувством соотнесенности с общностью, набором добровольно разделяемых норм и ценностей. Население, проживающее в регионе, осознает себя через принадлежность к территориальной общности, имеющей хозяй-

ственную и социокультурную специфику и сохраняющее свою региональную ментальность. Социокультурный компонент придает региональному сообществу свойство единства. В данной трактовке регион определяется «как особый «мир» (Ф. Бродель) с присущим образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением» [2, с.7].

Социальные отношения содержат пространственно-территориальный аспект. Действия акторов, реализующиеся в пространстве, основаны на пространственной (территориальной) рефлексии, они опосредуются территорией, на которой происходят, имплицитно включая ее в акт социального взаимодействия. Кроме того, действие пространственно - территориально, поскольку происходит на определенной территории, которая включена в социальное взаимодействие путем использования ее природных ресурсов, социально-экономической инфраструктуры, факторов протяженности, дислоцирования по отношению к другим территориям [3]. Пространственная рефлексия акторов по отношению к территории как к родине, самоидентификация с ней, осознание и эмоциональное восприятие участников социального взаимодействия в данном пространстве позволяет определить регион через типологию социального взаимодействия, в котором определенной ценностью обладает территория. В этом случае территория представляется средой, фактором и идеей, определяющими взаимодействие. Действительно, осознание населением Волгоградской области своей принадлежности к территориальной общности отражается в результатах проведенных исследований (2006 г. и 2009 г., соответственно сноски 4а

и 4б), более 30% опрошенных чаще всего соотносят себя с территориальными общностями, как регионального, так и локального характера. Причем, преобладает идея региональной идентичности в возрастной группе от 30 до 50 лет, для которой конструкт региональной идентичности наполнен практической значимостью и актуализирует социальное взаимодействие в определенных пространственных границах. Кроме того, для каждого пятого респондента чувство к своему региону носит эмоциональный, положительно окрашенный характер, они «рады», что живут именно «здесь». Еще 45,5% участников опроса в целом удовлетворены тем, что проживают в данном регионе, хотя многое их не устраивает [4б]. Следовательно, можно предположить, что социальные отношения в региональном пространстве характеризуются доверительностью, сплоченностью и продолжительностью во времени [5, с.125-133].

Регион понимается как обозначение границ связей мыслимости и действия, как пространство взаимных интересов: политических, экономических, культурных, научных и так далее. Взаимный интерес и взаимодействие формируют стабильные отношения, способствуя возникновению и сохранению региональной идентичности. Региональная общность, в которой субъекты сохраняют, воспроизводят и контролируют условия своего существования, может трактоваться как фактор защищенности и, следовательно, привлекательности для акторов. При этом категория «безопасность» соотносится с такими понятиями, как: «доверие», «солидарность», «сотворчество», «диалог», «транспарентность» – открытость и прозрачность взаимодействующих

институциональных и индивидуальных акторов.

Отношения в пространстве региона рассматриваются, основываясь на идеях деятельностно-активистской парадигмы, получившей свое развитие в концепции П. Штомпки [6, с.24-26]. Выделенные ученым четыре параметра, описывающие четыре вида тканей: идеальную, нормативную, интеракционную, возможную, можно использовать для анализа сети региональных взаимодействий. Взаимосвязанная сеть идей (верований, доказательств, дефиниций) составляет идеальное измерение поля, его «социальное сознание». Взаимосвязанные сети правил (норм, ценностей, предписаний, идеалов) образуют нормативное измерение поля, его «социальные инструкции». Эти два уровня измерений составляют поле культуры. Взаимосвязанные сети действий составляют интеракционное измерение поля, его «социальную организацию», а сети социальных интересов (жизненные шансы, возможности, доступ к ресурсам) измерение поля по шкале возможностей, его «социальную иерархию» [6, с.29]. Два последних вида образуют социальную ткань.

Опираясь на результаты социологических исследований, определим качество социальных связей и нормативно-ценностный континуум моделей поведения населения в Волгоградской области.

Результаты опроса [4а] населения и экспертов представляют основные идеи, которые могли бы стать консолидирующей основой общества. В целом, по мнению большинства (72,8%) респондентов, регион нуждается в новых идеях, которые объединили бы его жителей. Прежде всего, это идеи «законности и порядка» (69,1% население и 51,4% эксперты),

«возрождение России как великой державы» (61,9% население и 35,1% эксперты) и равенство всех граждан перед законом (37,2% население и 24,3% эксперты). Следовательно, востребованность консолидирующих идей и их иерархичность выражена как во мнении населения – участников опроса, так и экспертов. Представленные результаты опросов интересны различием восприятия консолидирующих идей опрошенным населением и экспертами. Особенно разнятся мнения населения и экспертов, когда речь идет о равном праве граждан на участие в управлении делами общества и государства (26,8% населения и всего 3% экспертов), а также обеспечение индивидуальных и коллективных свобод (23,0% и 8,1% соответственно население и эксперты). Выявленное различие позиций оказывает негативное влияние на формирование социальных отношений в региональном пространстве в вертикальном измерении, и затрудняют управленческое воздействие на процесс формирования регионального сообщества.

Регуляторами отношений выступают социальные нормы как неформальные ограничения на поведение, они отчасти вытекают из формальных правил, являясь их продолжением в применении к конкретным ситуациям. Как социальные коды, табу и стандарты поведения нормы являются конструктами социальных практик либо формируются и насаждаются организованными идеологиями (системами социальных и политических ценностей) [7, с.74].

Для регионального сообщества важными параметрами социальных норм, регуляторов взаимодействий являются «теплые добрососедские отношения» (87,2%), ориентация на достижение цели (успеха) – быть

более преуспевающими людьми изъявили желание 67,8% респондентов. Еще одним параметром регуляции отношений является «нормность» людей и осуждение нарушающих закон (73,9%), хотя более половины респондентов согласны с мнением, что «энергичным и предприимчивым людям приходится нарушать нормы общества, чтобы выжить» [4а].

Помимо позитивного выявлен и отрицательный вектор объединительных идей. Прежде всего, следует отметить усталость «от чувства страха и неуверенности» (64,2%), отношений «в атмосфере вражды» (78,3%). Социальная усталость и неудовлетворенность социальными отношениями создают почву для зарождения объединительных идей, присутствующих в общественном мнении как желаемый (волевой) компонент. Согласно мнению респондентов, можно выделить разные типы отношений, обладающие потенциалом, как солидарности, так и конфликтности. Проведенное исследование выявило предпочитаемые поля интересов и форм взаимодействия. В первую очередь, следует отметить «объединение, чтобы противодействовать произволу работодателей» – 73,6% респондентов выступают сторонниками экономической консолидации. В политическом поле, «чтобы отстаивать свои политические интересы, избиратели должны объединиться» – считает 66,1% респондентов. Результаты опроса, проведенного спустя три года – в 2009 году [4б], выявили, что ориентация на конфликтную модель поведения респондентов снизилась на 10% и, соответственно, составила 63,4% и 54,7%. Но роста солидарных связей в экономическом и политическом полях социального пространства не произошло, поскольку уве-

личилось количество респондентов, выбирающих позицию «затрудняюсь ответить». По-прежнему, в этих полях консолидирующая идея носит не солидарный, а в большей степени конфликтный, в основном латентный, характер. Конфликтность находит отражение в отношении к позиции «в Волгограде/области преобладает чувство враждебности и недоверия к окружающим». 46% опрошенного населения разделили это утверждение [4б].

Четвертое измерение поля по шкале возможностей характеризует социальный и личностный ресурс субъектов регионального взаимодействия: 41,9 % опрошенного населения «воспринимают жизнь в регионе с оптимизмом», 50,4 % респондентов считают, что они «нашли свое место в жизни и занимаются делом». Вместе с тем, 29,5% респондентов допускают возможность переезда в более престижные регионы страны и за ее пределы. Все же результаты исследования позволяют говорить, что большинство опрошенных респондентов позитивно оценивают возможности для самореализации в регионе [4а]. Тем самым ориентация на формирование устойчивых отношений не исключает высокий потенциал конфликтности и недоверия в регионе. На его преодоление должна быть направлена деятельность субъектов регионального пространства, в первую очередь, институтов власти и масс-медиа.

На пространственные отношения значительное влияние оказывают региональные символы, имеющие различную степень объективности (связь с предметным миром) и объективации (укорененности) в социальных представлениях регионального сообщества. Историческая освоенность физичес-

кого и географического пространства придает социальным отношениям устойчивость. Историческое освоение географического места имеет свой геокультурный и образно-географический потенциал. Геокультурный образ – это система наиболее ярких и значимых геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования регионов [8]. Наличие географического образа фактически маркирует регион, его отсутствие или слабая выраженность свидетельствует о несформировавшемся региональном самосознании. Конструирование, осмысление и освоение географических образов осуществляется как в межличностном общении, так и в массовых коммуникациях. Репрезентация географических и парагеографических (исторических, культурологических) образов в массмедиа определяется региональной стратегией, в зависимости от понимания институтами власти цели и технологий реализации стратегии [9].

Совокупность геополитических образов Волгоградской области определяется историей возникновения первых поселений в междуречье Волги и Дона, и участии региона во внешне- и внутриполитических процессах на разных этапах российской истории. Волгоградская область своим названием манифестирует о значимости и возможности присвоения образа Волги для конструирования геопространственных символов. Топонимика, позиционирующая связь региона с Волгой и Доном как социокультурным образом, включена в контекст региональных взаимодействий через имена общественных организаций и движений, названия СМИ, медийных текстов (Волгоградская правда,

Царица, Царицын-град, Волга и Дон).

Для Волгоградского региона конструирование и продвижение геопространственных символов осложняется, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, на статус поволжских регионов претендуют такие регионы, как Нижегородская (Нижний Новгород – столица Поволжского федерального округа), Самарская, Саратовская (Саратов – столица Поволжья). Тем самым усложняется формирование уникальных черт Волгоградской области как Поволжского региона. Во-вторых, сложность формирования геопространственных символов связана с административно-политическим перекартанием российского пространства и изменением конфигурации Волгоградской области, и современным произвольным отнесением ее к Северо-Кавказскому, а позже к Южному федеральному округу. В-третьих, областной центр региона трижды переименовывался, причем каждое имя обладает набором позитивных характеристик, позволяющих региональным акторам позиционировать свои предпочтения в зависимости от исторического и политического контекста. Первое название города Царицын – соответствует его историческому становлению как купеческого города, Сталинград – связан с героическими событиями Великой Отечественной войны и благодаря этим событиям вошел в мировую историю, однако, имя Сталина неоднозначно воспринимается как жителями региона, так и за его пределами. Волгоград – в качестве имени города, как уже отмечалось, лишен не только уникальных качеств, но и своего исторического прошлого. Данные обстоятельства не способствуют географической идентификации регио-

нального сообщества. Вместе с тем регион занимает уникальное геопространство междуречье двух российских рек Волги и Дона, дополняемое символом отечественной истории, восходящей к XVI- XVII векам, Волго-Донским каналом. Функциональность названий и образов рек как символической репрезентации природно-географического пространства региона закреплена в культуре повседневности и выражается в оценках респондентов, более 40% которых указали, что Волга и Дон являются символами региона [46]. Рукотворными маркерами регионального пространства является Волжская ГЭС - 15,5% респондентов отметили ее в качестве символа региона и Волго-Донской канал, так считает каждый десятый участник опроса [46]. Мифологизация образов рек и канала может быть направлена на закрепление особого статуса региона или регионального центра, выраженного слоганом «Волгоград – город пяти морей», подобно такому, как «Урал – опорный край державы». Артикуляция символа междуречья и стратегического центра водных транспортных артерий в социальных взаимодействиях, ориентированных как на внутренние, так и на внешние связи, дополнила бы искусственность политико-административных границ «естественностью» географических границ как символов, воспроизводимых в коммуникациях внешней и внутренней направленности, функционально ролевой и массовой.

Историко-культурное определение региона акцентирует внимание на локальных сообществах и их деятелях, конструирующих региональное пространство. Образ Волгоградского региона сконструирован на военных символах. Символические конструкции ограниче-

ны памятью о Великой Отечественной войне, соответственно консолидация местного сообщества происходят в основном в памятные февральские (завершение Сталинградской битвы) и майские (День Победы) дни. В остальное время регион «отсечен» от исторического прошлого и является многоликим результатом функционирования моделей управления, представляющих регион в виде некой статистической совокупности. Историко-культурный контекст представляет Волгоградский регион как социокультурное пространство и социальную систему, слабо восприимчивую к инновациям, ориентированную на символы прошедшей войны (героическая история, славный подвиг в годы Великой Отечественной войны). Действительно, полученные в ходе опроса (2009 г.) данные позволяют отметить, что большинство (соответственно, 79,1% и 68,9%) респондентов основными символами региона считают памятник «Родина-мать», установленный на Мамаевом кургане и Сталинградскую битву [46]. Следовательно, патристическое воспитание, основу которого составляет историческая память о подвиге народа в годы войны, опирается на значимые для регионального сообщества символы. Вместе с тем, аккумуляция военной семантики, воспроизводимой в коммуникациях, словно отсекает сформировавшуюся многовековую историю края, исключая ее из повседневных практик. Концептуализация системы исторических символов, включающих не только историю последней войны, позволила бы представить регион как исторически сложившуюся открытую систему.

Региональное пространство формируется в процессе взаимодействий его акторов, определяя

тем самым вектор управленческих усилий. Институциональные акторы, реализуя собственные цели в границах региона, разрабатывают стратегию создания пространственно-временной идентичности и внедряют «объективность» воображаемого сообщества в сознание, как жителей региона, так и во внешнюю среду регионального управления. Акторами конструирования региона, локализованными в рамках административно-территориальных границ, являются институты власти и управления разного уровня: федеральные структуры, представленные в регионе, и непосредственно региональные и муниципальные институты власти, а также СМИ как традиционные, так и Интернет. Вместе с тем, отечественные авторы склонны делать вывод о централизации власти, что формирует сеть вертикальных отношений, сокращая число политических субъектов на региональном уровне и тем самым уменьшая субъектность регионов и региональных институциональных и индивидуальных акторов. В свою очередь данный процесс разрушает целостность региона как системы, уменьшая плотность социальных сетей, разрывы проявляются не только в вертикальных, но и горизонтальных отношениях. Так, региональные органы власти, ориентируясь в большей степени на «центр», принимают установленные «правила игры», что не способствует формированию общего регионального интереса, а их управленческие усилия по консолидации регионального сообщества «гасятся» недоверием населения. Результаты проведенного исследования выявили согласие каждого третьего опрошенного (35,5%) с утверждением, что «областная власть мешает развиваться энер-

гичным и предприимчивым людям», при этом вдове меньше (18%) респондентов выразили свое несогласие. Кроме того, принимаемые решения не соответствуют интересам «простых людей», поскольку большинство (71,4%) участников опроса, указали, что власти «мало заботятся о простых гражданах» [46]. Как бы ни интерпретировались данные опроса – патернализм, иждивенчество, – но они выражают отношение к институтам власти и, соответственно, определяют тип социальных связей в вертикальном измерении.

Региональное сообщество, обладая высоким интегративным потенциалом, в значительной степени атомизировано. Об этом свидетельствует низкий уровень участия населения региона в общественных организациях – более 90% опрошенного населения не являются членами каких-либо организаций или ассоциаций. Устойчиво воспроизводится мнение, что «все люди заняты своими проблемами, каждый сам по себе» (полностью согласны – 28,4%, скорее согласны – 36,9% респондентов). С утверждением, что «каждый может решить свои проблемы только сам» согласны 39% респондентов. Ориентируясь на «первичные» социальные группы, так называемые f-связи (family, friends, firm), подавляющее число респондентов предпочтение отдает первой, в кругу семьи индивиды чувствуют себя уверенно и при возникновении трудной ситуации за помощью обратятся к близким родственникам [46].

Подытоживая размышления о регионе как сети пространственных отношений, можно сделать краткие предварительные выводы.

Регион является открытой системой или, в терминологии современных авторов, «системой сис-

тем», «плотность» социальной ткани которого конструируется социальными практиками региональных акторов, разворачивающихся в определенном социокультурном контексте, включающем как «объективные» элементы (природно-территориальные, экономические), так и их символическое представление.

Сеть отношений в региональном пространстве носит сложный и противоречивый характер, наиболее плотная сеть взаимных ориентированных действий формируется на уровне семьи, за ее пределами, даже в пространстве соседей и друзей значительно снижается уровень доверия и потенциал интегративных отношений в регионе остается не реализованным. В ходе исследований выявлено, что ориентация на формирование солидарных отношений носит скорее потенциальный, желаемый характер, нежели реализуются на практике. Анализ пространственных отношений в Волгоградском регионе показывает, что региональный патриотизм пока относителен и регионализация общественного сознания не является определяющим фактором формирования регионального сообщества.

Процесс формирования регионального сообщества имеет управленческий аспект, управление воспроизводством социальных связей должно найти отражение в стратегическом планировании. Стратегия регионального развития должна предусмотреть создание региональных символов, мифов, способных объединить различные социальные группы. Создаваемые региональные образы (мифы, ценности), в свою очередь, могут быть как результирующими повседневных практик, так и «создаваться» заинтересованными в их существовании институциональ-

ными или индивидуальными акторами. В стратегии должны найти отражение такие параметры качества жизни населения региона как доверие, информационная открытость, безопасность, комфортная среда проживания. Достижение этих целей явится условием формирования и воспроизводства регионального сообщества, «плотной» сети социальных отношений.

Литература:

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика общество и культура [Текст] / М. Кастельс: пер. с англ. под. науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2. Цит. по: Основы регионоведения. Опыт разработки лекционного курса: Учеб. пособие для студентов, изучающих соц. и гуманитар. дисциплины / под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003

3. Завалишин, А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа [Электронный ресурс] / А.Ю. Завалишин, И.П. Рязанцев // http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_10/zavalishin_ryazantsev.doc

4а. Опрос проводился в марте – апреле 2006 года среди населения Волгоградской области преподавателями кафедры под руководством автора. Выборка составила 600 человека. Было опрошено 40 экспертов, сотрудников структурных подразделений региональных органов власти.

4б. Опрос проводился в феврале-марте 2009 года среди населения Волгоградской области преподавателями кафедры под руководством автора. Выборка составила 600 человек.

5. Добрякова, М. С. Исследование локальных сообществ в социо-

логической традиции / М. С. Добрякова // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С.125-133.

6. Штомпка, П. Социология социальных изменений. [Текст] / П. Штомпка – М., 1999. – 416 с.

7. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое видение / Д. Норт // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С.69-90.

8. Об этом см.: Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретация [Электронный ресурс] / Д. Н. Замятин // <http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmt.htm>; Замятин Д.Н. Геополитические образы современного мирового развития // Мировая

экономика и международные отношения. – 2001. – № 11. – С. 10–16; Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. – С. 134–145; Макарычев А.С. Регионостроительство: концептуальные контексты [Электронный ресурс] / А.С. Макарычев// <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8>; Кузнецов В.Н. Геокультура как гуманитарная парадигма XXI века // Безопасность Евразии. – 2002.- № 4. – С. 383– 397.

9. Об этом см.: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. М., 2003. – 332 с.

Проблема ужаса глазами разных поколений

Хвостов А. А.

Цель исследования – по результатам анкетирования определить роль и место ужаса в жизни россиян, в основном работающих в бюджетной сфере (образование, социальная работа), а также пенсионеров. Установлено, что ужас зависит от возраста, семейного положения людей, уровня доходов и образования граждан. Пожилые и одинокие граждане, а также люди с невысоким уровнем образования и доходами наиболее склонны считать свою жизнь ужасной. Ключевые слова: страх, ужас, мистика, пенсионеры, уровень образования, социальная сфера.

Hvostov A.A.

Problem of horror eyes of different generations

the Research objective – by results of questioning to define a role and a horror place in a life of Russians, basically working in budgetary sphere (formation, social work), and also pensioners. It is established that the horror depends on age, the marital status of people, level of incomes and formation of citizens. Elderly and lonely citizens, and also people with a low educational level and incomes are most inclined to consider the life awful.

Keywords: fear, horror, mysticism, pensioners, an educational level, social sphere.

За последние несколько лет в научных работах часто рассматривалось такое понятие как «страх». О страхе писали философы, психологи, медики, литературоведы, выпущены сотни книг, защищены десятки диссертаций. Казалось бы, тема не имеет уже особой актуальности. Автора интересует не столько страх, сколько проблема ужаса, социальные причины его существования в российском обществе.

Если проанализировать словарь В. Даля [1] и С. Ожегова [2], то окажется, что оба автора в большей или меньшей степени отождествляют его со страхом и связанными с ним эмоциями. Поэтому для более широкого понимания ужаса заслуживает интереса английский перевод данного слова. В англоязычных странах слово «ужас» имеет два равнозначных значения – «terror» и «horror» [3, С. 661]. Что касается ныне актуального слова «terror», то оно вошло во многие языки мира и давно воспринимается без перевода. А вот слово «horror» требует более детального рассмотрения.

Для этого обратимся к мнению компетентного специалиста в этом

вопросе – М. Эпштейну: «Хоррор» в отличие от «террора» – это не метод государственного управления посредством устрашения и не средство достижения политических целей, а нагнетание ужаса как такового: повседневного, физического, метафизического, религиозного, эстетического. ...Разница в том, что по своей латинской этимологии слово «террор» означает «устрашать, наполнять страхом», а «хоррор» – «наполняться страхом, ощетиниваться, вставать дыбом (о шерсти, волосах)», т.е. относится к реакции устрашаемой жертвы. Террор – это акт, а хоррор – состояние подверженности данному акту. ...Следует осмыслить и то различие, которое русская грамматика проводит между ужасом и страхом. Страх относителен, ужас самодостаточен. Страх имеет причину вне себя и соответственно сочетается с родительным падежом существительного и неопределенной формой глагола. «Страх высоты». «Страх заболеть». Слово «ужас» не позволяет таких сочетаний или придает им другой смысл, потому что «ужас» – это не психическое состояние, а свойство самих вещей» [4, С. 4]. Согласимся с последним предложением и в дальнейшем будем придерживаться именно этого определения (хотя эмоции тоже играют не последнюю роль в теме ужаса).

Переходя к проблеме «состояния ужаса», отметим, что оно очень субъективно. Прежде всего, необходимо учитывать, что каждый конкретный человек по-своему определяет так называемый «порог ужаса». Например, для многих детей (да и не только их) поход на приём к стоматологу является самой ужасной проблемой. А у взрослых людей – свои ужасы в жизни. Для кого-то нынешняя социально-экономическая об-

становка в России выглядит ужасной, а для другого человека (более-менее материально обеспеченного) в этом плане всё вполне нормально. Для горожанина долгая жизнь за городской чертой тоже может показаться ужасной, так как особых развлечений в сельской местности нет (не говоря уже об отсутствии некоторых бытовых удобств). Тем более, селянам приходится каждый день рано вставать, заниматься физическим трудом – сельскохозяйственной деятельностью, уходом за домашними животными и многими другими делами. Непривыкшему к таким условиям жизни городскому человеку сельская жизнь покажется невыносимо скучной и однообразной, что тоже часто можно охарактеризовать одним коротким словом – ужас. Но для деревенского жителя – это привычный образ жизни и никакого ужаса он не испытывает в отношении себя.

Если говорить в глобальном масштабе, то можно отметить, что в разных местах планеты и у различных народов свои проблемы и, соответственно, ужасы, связанные с проблемами здоровья, экологическими и другими бедами. Да и в нашей стране во многих регионах встречаются непохожие друг на друга проблемы, которые люди считают ужасными.

Можно было бы продолжить рассказ об ужасах существования людей в различных регионах, но и так можно предположить, что у каждого человека в жизни свои ужасы (по его субъективному взгляду). Ведь, действительно, многое подходит под определение слова «ужас». Это могут быть: болезни, эпидемии, смерть, катастрофы, террористические акты, война, пожар, наводнение, плохая оценка на экзамене, потеря работы, поражение любимой ко-

манды, высокие цены, автомобильные пробки, пропажа чего-то важного и необходимого и т. д. и т. п. Любой из нас самостоятельно может продолжить этот бесконечный список, заголовком которого является единственное и простое слово «ужас». Отсюда можно констатировать, что ужасом можно назвать всё что угодно в зависимости от настроения, обстоятельств, времени и места.

Чтобы окончательно удостовериться в этом, нами было проведено пилотажное социологическое исследование в нескольких регионах Приволжского Федерального Округа. Целью исследования было определить на основе данных социологического опроса (в форме анкетирования) роль и место ужаса в жизни россиян, в основном работающих в бюджетной сфере (образование, социальная работа), а также пенсионеров. Другие слои населения (например, предприниматели, бизнесмены, менеджеры, руководители организаций) мы старались не опрашивать, так как в материальном плане это благополучные категории населения, жизнь которых можно считать более-менее нормальной, то есть не ужасной. Хотя, несомненно, всё это относительно. Ведь у материально благополучных граждан тоже есть свои ужасы, которые слишком специфичны и не всегда понятны простым людям. Но это уже тема для последующих наших исследований.

А пока остановимся на результатах нашего анкетирования. Итак, нами было опрошено 3 возрастные категории: 1) 120 человек в возрасте 17–29 лет (из которых 22,5% – мужчины и 77,5% – женщины); 2) 133 человека в возрасте 30–54 лет (из которых 14,3% – мужчины и 85,7% – женщины); 3) 231 человек пенсионного возраста 56–93 лет (из которых 28,6%

– мужчин и 71,4% – женщин). Как видно, женщин было опрошено намного больше, чем мужчин. Это связано с тем, что женщин и так больше по статистике и ещё с тем, что в социальной сфере (представителей которых мы в основном опрашивали) тоже количество женского пола значительно превосходит мужской пол.

Остановимся теперь подробнее на результатах опроса каждой возрастной категории граждан. Начнём с молодёжи 17–29 лет, которую мы опрашивали в следующих регионах: Саратовская область, Оренбургская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан. Из этих респондентов состоит в браке – 30,8%; не состоит в браке – 55%; остальные являются разведёнными, официально незарегистрированными в браке и т.д. Образование у респондентов в основном следующее: среднее общее – 16,7%; среднее специальное – 30%; незаконченное высшее – 25,8%; высшее – 18,3%.

Как и предполагалось, большинство из них очень редко, но всё же читает художественную литературу про мистику и ужасы (44,2%), а также смотрит фильмы ужасов (50%). Но главным вопросом исследования был «Что Вы считаете ужасным в нашей повседневной жизни?». Вот как распределились наиболее частые ответы: 1) Материальные проблемы (низкая заработная плата, бедность, безработица) – 18,3%; 2) Насилие (жестокость) – 9,2%; 3) Преступность (убийства, разбои, криминал) – 8,3%; 4) Наркомания – 7,5%; 5) Терроризм – 6,7%; 6) Равнодушные – 6,7%; 7) Алкоголизм – 5,8%; 8) Смерть (болезни, СПИД) – 5,8%; 9) Экология – 3,3%; 10) Однообразиие (рутина) – 3,3%. А на вопрос «Ужасно ли жить в XXI веке?» были получены такие отве-

ты: да – 20,8%; нет – 48,3%; остальные затруднились с ответом.

Далее рассмотрим результаты опроса граждан 30–54 лет, проживающих в Саратовской области, Оренбургской области и в Республике Татарстан. Из них состоят в браке – 70,7%; не состоят в браке – 9,8%; остальные являются разведёнными, официально незарегистрированными в браке и т.д. Образование у респондентов в основном следующее: неполное среднее – 2,3%; среднее общее – 6%; среднее специальное – 51,1%; незаконченное высшее – 15%; высшее – 25,6%.

Данная возрастная категория чаще вообще не читает книги про мистику и ужасы (56,4%), а также вообще не смотрит фильмы ужасов (40,6%). Ужасным в нашей повседневной жизни эти респонденты считают следующее: 1) Материальные проблемы (низкая заработная плата, бедность, безработица) – 23,3%; 2) Насилие (жестокость) – 13,5%; 3) Наркомания – 13,5%; 4) Равнодушие – 10,5%; 5) Власть – 9%; 6) Неуверенность в завтрашнем дне – 7,5%; 7) Невежество – 7,5%; 8) Экология – 6,8%; 9) Алкоголизм – 6%; 10) Болезни – 4,5%. А на вопрос «Ужасно ли жить в XXI веке?» были получены такие ответы: да – 21,8%; нет – 42,9%; остальные затруднились с ответом.

И, наконец, рассмотрим данные опроса пенсионеров Саратовской области (в том числе проживающих в саратовском доме-интернате для престарелых и инвалидов). В браке состоят – 32%; не состоят – 5,6%; остальные являются разведёнными, официально незарегистрированными в браке и т.д. Образование респондентов в основном такое: начальное – 26,8%; неполное среднее – 19%; среднее общее – 16,9%; среднее специальное – 18,2%; незаконченное высшее –

3,9%; высшее – 13,9%.

Как и предполагалось, подавляющее большинство из них вообще не читает художественную литературу про мистику и ужасы (62,3%), а также вообще не смотрит фильмы ужасов (64,1%). Ужасным в нашей повседневной жизни они считают следующее: 1) Материальные проблемы (низкая заработная плата, бедность, безработица) – 29,9%; 2) Алкоголизм – 12,6%; 3) Наркомания – 9,5%; 4) Преступность (убийства, воровство, криминал) – 6,5%; 5) Смерть (болезни, СПИД) – 6,1%; 6) Неуверенность в завтрашнем дне (нестабильность, неопределённость) – 5,2%; 7) Беспредел (разврат, беззаконие) – 4,8 %; 8) Предательство (ложь, измена) – 3,9 %; 9) Одиночество – 3,5%; 10) Невежество (хамство, отсутствие культуры) – 3 %; 11) Равнодушие – 3%. А на вопрос «Ужасно ли жить в XXI веке?» были получены такие ответы: да – 49,4%; нет – 19%; остальные затруднились с ответом.

Какие же можно сделать выводы из нашего небольшого исследования? Как и ожидалось, с увеличением возраста человека растёт число тех, кто не читает книги про мистику и ужасы, также как и увеличивается количество тех, кто не смотрит фильмы ужасов. Это было понятно сразу же, но мы подтвердили это в числовом выражении.

Зато интерес представляет то, что все три возрастные категории респондентов самым ужасным в повседневной жизни считают материальные проблемы (низкие зарплаты и пенсии, бедность, безработицу и т. д.). Остальные ответы несколько отличаются, но сути это особо не меняет, так как проблемы насилия, разгула преступности, наркомании и алкоголизма тоже в наибольшей степени заботят всех

наших респондентов (от молодёжи до пенсионеров). Всё это говорит о том, что для многих наших граждан ужасом являются не какие-то абстрактные и малозначимые вещи (например, мода, погода и т.д.), а вполне конкретные материальные и социальные проблемы, которые до сих пор не могут решить представители исполнительной и законодательной российской власти.

Заметно и то, что пенсионерам живётся намного ужаснее (почти 50%), чем остальным респондентам (около 20%). Отсюда можно сделать вывод, что чем старше человек, тем ужаснее кажется ему собственная жизнь. Объяснить этот феномен можно тем, что в начале жизненного цикла (в детские и молодые годы) у человека всё прекрасно, затем он начинает трудовую деятельность и семейную жизнь, и многое вокруг уже не так прекрасно (как хотелось бы), а уж к старости – «кругом один ужас». И многие наши соотечественники связывают это в первую очередь с материальной составляющей. Получается, что чем меньше у человека доход, тем ужаснее ему существовать, и наоборот. По этой логике, материально обеспеченные люди вообще не знакомы с понятием «ужас». Но это, как мы уже отмечали, не совсем так.

Таким образом, можно констатировать, что понятие «ужас» относительно, как и всё в нашем мире. «Ужас» во многом зависит от возраста, семейного положения людей, уровня доходов и образования граждан, так как, судя по нашим опросам, пожилые и одинокие граждане, а также люди с невысоким уровнем образования и доходов наиболее склонны считать свою жизнь ужасной.

В завершение хотелось бы сказать, что люди, связанные, так или иначе, с социальной сферой, не меньше врачей, спасателей и

криминалистов наблюдают ужасы нашей повседневной жизни, поэтому мы и проводили опрос в том числе и в среде таких респондентов. Наиболее часто с «ужасами жизни» сталкиваются социальные работники, которые непосредственно ежедневно контактируют с нуждающимися в помощи людьми (одинокими пенсионерами, инвалидами, трудными подростками, неблагополучными семьями и т. д.), непосредственно видя их бытовые, материальные и прочие социальные проблемы. Короче говоря, такое ремесло не для слабонервных, поэтому для того, чтобы пойти работать в эту специфическую и тяжёлую профессию необходимо, помимо всего прочего, иметь крепкие нервы и терпение. А такие качества даны далеко не каждому человеку. Но, к сожалению, в настоящее время работники социальной сферы относятся к представителям низкооплачиваемых профессий, поэтому хочется надеяться, что со временем (когда государство всё же обратит своё пристальное внимание на зарплату бюджетников) в этом вопросе произойдут реальные перемены к лучшему и ужасных материальных и социальных проблем у населения нашей страны станет намного меньше.

Литература:

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.
3. Русско-английский словарь. – 15-е изд., стереотип., под ред. О. А. Ахмановой. – М.: Рус. яз., 1989.
4. Эпштейн М. Ужас как высшая ступень цивилизации // Новая газета. 2001. №80. 1 ноября.

Основные направления предотвращения перехода ключевых сотрудников ресторанного бизнеса к конкурентам

Дворянкова К.М.

В статье рассмотрена проблема перехода ключевых сотрудников ресторанного бизнеса к конкурентам. Проанализированы основные причины текучести кадров. В качестве основных направлений противостояния данному негативному явлению на предприятиях ресторанного бизнеса предложены: борьба с утечкой информации в компаниях, не переманивание сотрудников друг у друга на основе договора, правильно выстроенная система мотивации персонала, создание собственной системы повышения лояльности в компании.

Ключевые слова: персонал, текучесть кадров, конкуренты, утечка информации, команда управляющих, мотивация персонала, система повышения лояльности, правила управления, персональная ответственность, цивилизованный бизнес.

Dvoryankova K.M.

The main directions to prevent the transition of key staff restaurant business to competitors

The article discusses the problem of transition of key staff restaurant business to competitors. The main causes of staff turnover are analyzed. As the key areas of resistance to this negative phenomenon in the restaurant business enterprises propose: the struggle against information leak in companies, not poaching employees from each other on the basis of the contract, properly built system of motivation of the staff, creating its own system of increasing of the loyalty of the company.

Key words: staff, staff turnover, competition, information leak, team managers, motivation of staff, increase loyalty, management rules, personal responsibility, civilized business.

Как в любой сфере услуг, конкурентоспособность предприятия общественного питания обеспечивается высоким профессиональным уровнем сотрудников. Стремление заполучить лучших или, по крайней мере, высококлассных поваров, официантов, барменов сегодня – самое острое оружие конкуренции в ресторанном деле. Кто-то везет специалистов из-за границы, кто-то переманивает у конкурентов, кто-то делает ставку на собственные силы.

Темпы роста глобального рынка хедхантинга по итогам 2008 года снизились впервые за пять лет. Объем рынка увеличился всего на 3% (хотя годом ранее – на 22%) и достиг \$11 млрд., подсчитала Международная ассоциация консультантов по подбору руководителей высшего звена (AESC)¹. По ее оценке, с начала 2009 года оборот мировой индустрии поиска управленцев в связи с рецессией упал почти на 40%.

Рынок общественного питания является одним из самых быстрорастущих и динамично развивающихся рынков России. При этом, очевидна неравномерность рынка

– 41% сетевых точек общественного питания расположены в Москве, 15% в Санкт-Петербурге, далее следуют Новосибирск, Екатеринбург, Пермь, Нижний Новгород². Объем ресторанного рынка в России за 2007 год составил от 96 до 127,85 млрд. руб. (\$3,75 до \$5 млрд.)³, что превысило показатель прошлого 2006 года на 36,6% (без инфляционной составляющей 22,9%)⁴. Даже при таком интенсивном росте, по мнению экспертов, существует недостаточная насыщенность ресторанного рынка и его высокий потенциал.⁵

Еще 10 лет назад ресторанный бизнес очень отличался от других отраслей бизнеса с точки зрения кадровой политики. Если в других отраслях существовали бюджеты на подбор персонала, кадровая служба, то в ресторанном бизнесе, за редким исключением, этого не было, а подбором персонала обычно занимался бухгалтер или секретарь⁶. Сегодня рестораторы, наконец, относятся к подбору персонала иначе. Причиной тому стал и перенимаемый зарубежный опыт, и возрастающая с каждым годом конкуренция. Рестораны ценны своей атмосферой, и создать ее может только настоящая команда. От того, как гостя встретят у входа, как обслужат, как он оценит работу шеф-повара, будет зависеть его окончательное мнение о ресторане. Тут важна любая деталь, поэтому сегодня к подбору кадров в ресторанном бизнесе подходят очень тщательно.

Кадровая политика неразрывно связана с общей концепцией развития ресторана. В этом случае все усилия направляются на создание сплоченной команды единомышленников. Естественно, это касается всех вопросов, начиная от приема на работу новых сотрудников и заканчивая их увольне-

нием. В условиях жесткой конкуренции рассчитывать на успех может лишь то заведение, где налажена четкая работа всех подразделений, начиная с шеф-повара и заканчивая посудомойкой. А для этого не обойтись без опытного управляющего, обладающего внушительным запасом самых различных знаний и навыков.

Вопрос о том, где взять квалифицированный персонал, не дает покоя российским рестораторам. И если штат официантов еще как-то удастся укомплектовать собственными силами, то специалистов на топовые позиции сложно найти даже с помощью хантеров. По мнению многих экспертов, виной тому разрыв многолетней традиции, ведь вместе с исчезновением советского общепита развалилась и система средне-специального обучения. Как бы то ни было, но при обилии ресторанных заведений, работать в них практически некому.

Каждая компания отчаянно борется за своих сотрудников, стараясь мотивировать их достойной зарплатой, интересной работой и перспективами карьерного роста. Одна из больших тем для рестораторов – дефицит управленцев высшего звена. Как правило, найти достойных кандидатов очень и очень сложно. Шеф-повар, к примеру, – ключевая фигура в ресторанном бизнесе. Он создает идеологию, настроение ресторана, именно от его «классности» зависит успех заведения. Зная это, владельцы ресторанов делают все возможное, чтобы найти достойных специалистов. Очень остро стоит вопрос в отношении технологов, от услуг которых некоторое время назад многие рестораны отказались. Сегодня эта позиция опять востребована, но специалистов не найти – старые уже

переквалифицировались, а новые еще не выросли. Найти хорошего сомелье тоже непросто. Точнее, практически нереально. Профессионалы наперечет, и все они давно разобраны. Прирост специалистов происходит незначительно – все му виной недостаток профильных учебных заведений и отсутствие культуры винопития у населения. Нередко их привозят из-за границы: из Франции, Италии, Японии. «Растить» кадры самим – слишком долго и хлопотно. Проще переманить специалистов, в первую очередь за счет более высоких зарплат: руководящий персонал для нового заведения в ресторанном мире традиционно «ворует» у конкурентов. Но здесь существует и обратная сторона медали: его с таким же успехом могут «перекупить» и другие рестораторы. Главным будет вопрос: как теперь его удержать. Хотя, по мнению местных рестораторов, для управляющего, который действительно живет своей профессией, финансовый аспект не является определяющим.

Неудивительно, что конкуренты любым способом стараются переманить ценные кадры, а иногда и всю команду управляющих в свой бизнес. В результате помимо зияющей вакансии работодатель получает еще один удар: его корпоративные тайны, технологии и другая важная информация могут стать известны тем, от кого их так тщательно скрывали. К тому же переманивание ведет к росту зарплат в отрасли в целом, что очень невыгодно бизнесу.

У российских компаний нет никаких законных способов обеспечить сохранность персонала. Сегодня во многих договорах, заключаемых российскими компаниями с потенциальным сотрудником, существует пункт, указыва-

ющий, что работник не имеет права разглашать коммерческую информацию бывшего работодателя. Дополняется он ссылкой на статью Гражданского кодекса РФ «О служебной и коммерческой тайне». Но даже она пока имеет скорее психологическое действие, потому что до сих пор не отрегулированы механизмы пресечения правонарушений. На Западе можно внести в трудовой контракт пункт, запрещающий переходы к конкуренту, но в России он не будет иметь юридической силы. Остается лишь договориться с конкурентами и таким способом предотвратить утечку кадров. И на российском рынке то и дело появляются соглашения о кадровом нейтралитете. И, хотя, на сегодняшний день, опыт подобных соглашений не свойственен управлению ресторанным бизнесом, мы считаем целесообразным на основе обмена опытом и фрагментарной стажировки, ввести его в практику.

Экспертный опрос среди владельцев ресторанный бизнеса, директоров и топ-менеджеров ресторанов, специалистов, работающих в сегменте business to business и имеющих отношение к HoReCa (40 экспертов) позволил нам выявить и проранжировать наиболее распространенные мотивы перехода членов команды управляющих рестораном к конкурентам.

Среди наиболее распространенных причин перехода управляющих, иногда увозящих за собой всю команду, к конкурентам, согласно экспертному опросу, фигурирует фактор *не достаточной материальной мотивации*. Имея доступ к финансовой отчетности и бухгалтерии, управляющий начинает сопоставлять общий доход (оборот, доход владельца) ресторана со своим собственным, считая, что его труд оплачивается в

недостаточном объеме, и что выполняемая им работа стоит дороже. Соответственно, предложенный конкурентами высокий гонорар, как правило, является непреодолимым соблазном. Во избежание проблем подобного рода, владельцы ресторанный бизнеса «ставят» управляющего на проценты от прибыли (в среднем 3-10% от прибыли) или премирование за «успешный» временной период. Этот метод так же в некоторой степени страхует от недобросовестного поведения управляющих в финансовых аспектах.⁷ Для достижения доверительных отношений с управляющим, владельцы могут вписать его в учредительные документы. При увольнении доля управляющего либо выкупается владельцами, либо перераспределяется ими между собой.

Не смотря на весомую роль материального аспекта, по мнению экспертов, не стоит забывать, что достаточно часто уход сотрудника сопряжен с *моральной неудовлетворенностью работой*. Распространенной и достаточно опасной для работодателя, в контексте потери ценного сотрудника, является ситуация, когда менеджер, длительное время находящийся в одной должности начинает чувствовать, что «перерос свой потолок» и его потенциал на данной должности исчерпан, появляется неудовлетворенность работой из-за отсутствия карьерной динамики.

Такая неудовлетворенность может возникнуть из-за отсутствия своевременной объективной оценки работы сотрудника, преждевременного повышения, найма на заведомо высокую, относительно квалификации претендента, должность, не сложившихся в коллективе отношений или просто «низкого карьерного потолка» в данной организации.⁸

Каждая высшая, относительно занимаемой работником должности характеризуется такими свойствами, как объем выполняемой работы, специальные навыки, степень ответственности, статус должности и уровень заработной платы. При наличии желания больше работать, проявлять больше инициативы и больше получать, сотрудник всегда будет искать возможность роста. При отсутствии такого желания управленец не может быть эффективным. При оптимальном балансе данных показателей должность становится наиболее привлекательной. И если предложенная конкурентами рабочая позиция удовлетворяет представлениям управляющего в большей степени, чем занимаемая, то велика вероятность ухода даже при высокой лояльности. При этом исследование показало, что увольнение для сотрудника выросшего в данной компании менее вероятно, чем для приглашенных со стороны топ-менеджеров.⁹ Шеф-поваров в возрасте до 30 лет профессиональный рост как мотив смены работы привлекает чаще, чем менеджеров. «Профессионалы более старшего возраста, имеющие семью, стараются избегать риска, связанного с переменной места работы, предпочитают стабильную и предсказуемую компанию», — комментирует Виктор Девятко (Директор кадрового агентства «Арсенал-Груп»)¹⁰.

На практике профилактикой разочарований в работе и снижения инициативы является внимательное отношение вышестоящим начальством к сотруднику как к личности, оценка его морального состояния по средствам личного общения с ним и коллегами. Своевременное выделение талантливых, трудолюбивых и целеустремленных, планирование карьеры,

развитие сотрудников, их обучение и ротация внутри сети, при наличии возможности. При «низком потолке» и невозможности дать заслуженный карьерный рост часто используют создание «искусственной должности».

Следующим фактором перехода топ-менеджера ресторана в конкурирующую фирму может стать ощущение *отсутствия перспектив роста данного ресторана в бизнесе*. Желание работать в компании, занимающей устойчивое положение на рынке, подразумевает не только экономическую стабильность, но и является признаком долгосрочного планирования карьеры работника. В данной ситуации создание руководством стратегий расширения, инвестиций и разработка новых проектов может создать атмосферу позитивной динамики и обозначить перспективы роста. Здесь большую роль будет играть эмоциональный настрой управляющей команды и уровень развития внутриорганизационной корпоративной культуры, на оптимизацию которых может быть оказано системное воздействие. Сплоченная духом общей идеи, воодушевленная команда менее подвержена влиянию внешнего рыночного давления. Исследование показывает, что 20% опрошенных Россиян ставят фактор устойчивости компании на рынке на второе место после материального.¹¹

Исследование среди управляющих и шеф-поваров московских ресторанов, показало, что мотивом увольнения ценных сотрудников могут быть не только вопрос материальной нестабильности и отсутствия карьерного роста, но и вмешательство владельцев в профессиональное управление или в процесс приготовления блюд.

Мотивом перехода в другую компанию может стать *несправед-*

ливая оценка трудозатрат и результативности управляющих ресторанным бизнесом. Исследования Advising Bureau РЕШЕНИЯ УСПЕХА показало, в 53% случаях неудовлетворенность менеджера отсутствием объективной оценки его труда приводит к увольнению¹². Неудовлетворенное стремление управляющего быть вознагражденным за затраченные усилия может вызвать разочарование в проекте, потерю инициативы и даже обиду на вышестоящее начальство.

Ещё одним важным фактором перехода ценного сотрудника к конкурентам могут стать *не сложившиеся отношения в рабочем коллективе*. Вследствие нарушения благоприятной эмоциональной обстановки, посредством возникновения трудовых конфликтов между управляющим и собственником бизнеса, между менеджерами или менеджерами и линейным персоналом, сотрудник попадает в состояние дистресса, то есть отрицательной неспецифической реакции организма на внешнее воздействие. Подобное эмоционально-психологическое состояние может наступать у нового управляющего, которого не принимает коллектив. Во избежание подобных ситуаций, сотрудник, подходящий на должность управляющего рестораном может сам набирать команду или делать частичные перестановки. На практике, вслед за обновлением должности топ-менеджера со временем происходит обновление всего управляющего состава.

Эксперты так же выделили фактор престижа заведения и, как следствие, престижа рабочей должности, который в свою очередь является частью социального статуса. Желание работать на престижную торговую марку и гор-

диться своей компанией является логичной потребностью личности. Данный показатель во многом определяется уровнем развития корпоративной культуры и деятельностью по продвижению марки на рынке ресторанных услуг.

Проанализировав причины перехода ключевых сотрудников ресторанный бизнес к конкурентам, нами разработаны и предложены основные направления их предотвращения.

Первое и основное, что, на наш взгляд, позволяет удерживать сотрудников – **корпоративная культура**, те базовые ценности, которые заложены в основу компании. В центре развития компании – интересы человека. И это не декларация, это продиктовано всеми действиями компании по отношению к сотрудникам. Ключевым принципом, как нам представляется, должно стать доверие. Самая важная ценность – быть честным, и строить бизнес, привлекая тех людей, которым близка твоя философия. Простые человеческие ценности: уважение, доверие, вовлеченность людей в процесс и результат, ответственность и позитивный настрой позволяют эффективно работать в этом бизнесе. А уже на этом выстраивается компенсационная политика, социальные гарантии, коммуникации, масса разных маленьких идей на уровне проектов – ужин с генеральным управляющим, мозговые штурмы, в которые целесообразно вовлекать сотрудников из разных ресторанов и многое другое. Таким образом, есть большое количество нюансов, которые способны поддерживать базовые ценности компании, а значит, вовлечь сотрудников в общий бизнес. Мы против слова «удерживать», т.к. оно вызывает ассоциацию, что это делается с применением силы.

Эффективнее не «удерживать» сотрудников, а создавать условия, чтобы они сами «держались» за эту работу и ценили возможность строить бизнес вместе с компанией.

Поскольку, люди везде одинаковы, поэтому и мотивация на уровне своих общих законов одинакова. Для нас специфика мотивации в важном понимании того, что есть заработная плата, а есть собственно мотивация. Это две разные вещи с точки зрения компенсационного пакета. К сожалению, очень многие это путают и зарплату включают в блок мотивации. За определенный набор функциональных обязанностей, которые выполняет сотрудник, есть заработная плата. И она должна быть достойной, создающей комфортные условия для жизни. А есть мотивация – то, что стимулирует человека на свершение какого-то подвига, экстрара действия. И есть вид бонуса, который дается за это, причем абсолютно все равно, какой – материальный или не материальный.

Это первая особенность с точки зрения нашего подхода. Вторая – наличие достаточно **широкой системы мотиваций**. Это и мотивация дополнительной работой, расширение обязанностей сотрудника, что для него становится стимулом к росту. Если говорить о стандартных вещах, мы предлагаем достаточно широкий компенсационный пакет. Это и установление окладов за работу, и система бонусов, льгот, привязанная к определенному результату, и целая система нематериальной мотивации – различные конкурсы, ежегодная церемония вручения наград и другое.

Отдельный блок мотивации, который также связан с результатом – **поездка на обучение за границу**. Кроме того, целесообразно

включить кредитные программы и программы медицинского страхования. Некоторые менеджеры по управлению персоналом в компании считают, что, сделав кредитную программу, они тем самым привяжут сотрудников к компании. Но когда задаешь вопрос, сколько сейчас сотрудников в этой программе, как правило, процент очень маленький. Цель предложенных нами программ — помочь людям, особенно если в компании, занимающейся ресторанным бизнесом, действительно высокий процент сотрудников, обращающихся за помощью. Действие программы связано с определенными грейдами, и, в зависимости от выслуги лет, должности, участия в компании, показателей результативности. Работа в этом направлении, как нам представляется, должно проецироваться на общую атмосферу в компании.

Ещё один инструмент мотивации — **внутренняя открытость компании**. Сотрудники должны знать, что могут поговорить с любым руководителем. Если есть необходимость общения с генеральным управляющим — это также реально сделать. «Закрытых» дверей и «приемных часов» быть не должно, нужно постараться уделять время всем. Это, на наш взгляд, дает гораздо больше, чем какие-то монетарные способы мотивации.

Если сотрудник просит рассмотреть возможность его стажировки по новому направлению, потому что ему это интересно, для него стоит организовать программу дополнительного обучения. Для сотрудника это — получение нового опыта, который поможет ему в настоящей работе, а также его профессиональный рост.

Есть еще и такое понятие как «эмоциональный рост». В рамках

этого направления следует формировать свою культуру. Иногда человеку необходимо просто признание. Чем лучше у тебя процесс воспроизводства, тем выше производительность.

Для определения лояльности персонала, которая должна быть максимально высокой, мы предлагаем эффективную, на наш взгляд, методику — оценка участия в корпоративной жизни компании. Как нам представляется, на обычные методики как опрос удовлетворенности трудом опираться нельзя. **Участие в корпоративных мероприятиях компании, проявление себя с творческой стороны** — тоже показатель лояльности. Реакция на инновации — тоже показатель. Но по большому счету понятно, что коэффициент стабильности управленческих кадров — основной показатель лояльности.

Целесообразно поставить перед каждым членом команды управляющих определенные задачи и добиться их исполнения. Для этого следует на наш взгляд, периодически проводить со своими работниками тренинги, на которых возможны обсуждение недочетов и ошибок, а также принятие решения по их устранению. В компании целесообразно также разработать процедуры планирования, постановки задач, KPI (Key performance indicators — ключевые показатели результативности), на основании которых оценивается результат¹³. Если сотрудники знают, какие у них KPI, то они будут заинтересованы в том, чтобы бонус был привязан к их выполнению. Цели и KPI для каждого конкретного члена команды управляющих рестораном зависят в первую очередь от ее стратегии. Работа топ-менеджера в сети ресторанов McDonald's существенно

отличается от работы его коллеги в дорогом ресторане тосканской кухни. Иными словами, выбранная стратегия в значительной степени обуславливает специфику работы сотрудников, а значит – их цели и КРІ.

Следует далее остановиться на персональной ответственности членов управляющей команды. Каждый из них несет ответственность за полученный результат. Это следует закрепить на уровне корпоративных ценностей, прописав правила управления. С точки зрения открытости это должно хорошо работать. Для этого много времени управляющей команде следует уделять общению со своим персоналом на уровне формирования понимания ситуации. Для достижения скорого результата, необходимо: написать задачу, поставить жесткий срок, дать человеку, чтобы он смог понять, может или нет, и бонус, если он сделает или «кнут», если не сделает. Система простая, научить людей думать параллельно с собой. Только она самая стабильная, на все 100 процентов формирующая лояльность персонала.

Итак, резюмируя изложенное выше, нами сделан вывод, что решение вопроса ухода ресторанных кадров к конкурирующей стороне должно состоять в следующем:

1. Борьба с утечкой информации необходимо как локально, внутри компании, так и общими усилиями.

2. Ввести в практику управления ресторанным бизнесом заключение соглашений с конкурентами о «не переманивании сотрудников друг у друга и не брать на работу «бегунов» на основе обмена опытом и фрагментарной стажировки.

3. Чтобы удержать ценных сотрудников в компании, необходи-

мо верно выстроить систему мотивации, что удается далеко не всем руководителям.

4. К созданию собственной системы повышения лояльности следует предложить, на наш взгляд, ряд преимуществ в рамках разноплановой системы вознаграждений: высокую зарплату, бонусную систему поощрений, активный карьерный рост, возможность получить дополнительное образование, частичное участие в управлении компанией. В компании целесообразно также разработать процедуры планирования, постановки задач, КРІ.

5. Персональную ответственность следует закрепить на уровне корпоративных ценностей, прописав правила управления.

Построить цивилизованный бизнес – общая задача, решение которой должно осуществляться в рамках тех общественных организаций, которые сегодня создал бизнес в России.

Литература:

1. Алексеева С. Оценка сотрудников с помощью КРІ – плюсы и минусы/Портал HR-менеджмент <http://www.hrm.ru/>

2. Лисицин Д., Фуколова Ю. Уход сотрудников к конкуренту подобен стихийному бедствию// Секрет фирмы. 25.07.2006.

3. Малиновский П. Методы оценки персонала. /Кадры предприятия. – № 8 – 2002.

4. Петров М.И. Безопасность и персонал. – М.: Научная книга, 2006.

5. Толкач В. КРІ в управлении: связь со стратегией//Новый менеджмент. – 2007. – № 5

6. Исследование РБК «Сети предприятий общественного питания в России: 2007 – 1 пол. 2008 г.»

7. Исследования Advising Bureau РЕШЕНИЯ УСПЕХА

<http://research.subscribe.ru/creator/solution.html>

8. Исследование www.superjob.ru «Высокая оплата труда, стабильность и перспективы роста». 16 октября 2008 г.

9. Исследование. Университет Райс. «Зависимость увольнения менеджеров от внутрифирменного или внешнего развития карьеры».

Ссылки:

1 Источник: Официальный сайт AESC// <http://www.aesc.org/eweb/>

2 Исследование РБК «Сети предприятий общественного питания в России: 2007 - 1 пол. 2008 г.»

3 По данным Росстата

4 По данным ФСГС

5 «РБК. Исследования рынков»

6 Малиновский П. Методы оценки персонала. /Кадры предприятия. - № 8 - 2002.

7 Петров М.И. Безопасность и персонал. - М.: Научная книга, 2006.

8 Журнал «Витрина. Ресторанный бизнес» №8 сентябрь, 2005.

9 Университет Райс. Исследование «Зависимость увольнения менеджеров от внутрифирменного или внешнего развития карьеры».

10 Там же.

11 Исследование www.superjob.ru «Высокая оплата труда, стабильность и перспективы роста». 16 октября 2008 г.

12 Источник: Исследования Advising Bureau РЕШЕНИЯ УСПЕХА <http://research.subscribe.ru/creator/solution.html>

13 Алексеева С. Оценка сотрудников с помощью КРІ — плюсы и минусы/Портал HR-менеджмент <http://www.hrm.ru/>

Лоббизм как легальная альтернатива коррупции или ее прямой конкурент?

Исправникова Н.Р., Тихонов А.Н.

Любой формат регулирования лоббистской деятельности в России не приведет сам по себе к реструктурированию сложных моделей взаимодействия интересов власти, бизнеса и общества. Но даже само конструктивное обсуждение таких мер укрепляет авторитет заинтересованных сторон и позволяет начать процесс определения рамок, в которых должны продвигаться интересы.

Ключевые слова: лоббизм, коррупция, закон

Ispravnikova N.R., Tichonov A.N.

Lobbyism as a legal alternative to corruption or its direct competitor?

Any format regulating lobbying in Russia do not lead by itself to restructuring the complex models of interaction between the interests of government, business and society. But even the constructive discussion of these measures enhances the credibility of the parties involved and allows you to begin the process of establishing a framework in which to promote its interests.

Keywords: lobbying, corruption, law

Целью настоящей статьи является раскрытие механизма взаимоотношений государства и крупных хозяйственных комплексов с точки зрения воздействия крупных компаний на власть в своих интересах.

Такое явление, при котором хозяйствующие субъекты оказывают влияние на власть в своих интересах, носит название «лоббизм». В нашей стране проблемы лоббизма стали обсуждаться совсем недавно – десять – пятнадцать лет назад.

Работ о предпринимательском лоббизме издано пока совсем немного, это явление в отечественной науке сравнительно новое. Необходимо рассматривать лоббизм как законный способ влияния бизнеса на власть при принятии экономических решений.

В настоящее время тема лоббизма достаточно актуальна, поскольку и органы государственной власти и бизнес заинтересованы в налаживании постоянных контактов и связей в свете происходящих в стране социально – экономических перемен.

Лоббизм – реализация права каждого гражданина или предпри-

ятия обращаться с ходатайством к своему правительству. Второе определение, лоббизм – профессиональная деятельность сотрудников или специальных консультантов, нанятых компаниями, деловыми и профессиональными ассоциациями, профсоюзами и прочими группами, в целях представления интересов этих организаций в процессе формирования государственной политики.

«Британская энциклопедия» формулирует лоббизм так – это любая попытка частных лиц или групп интересов оказывать влияние на решения, принимаемые правительством. В своем первоначальном смысле лоббизм означает попытки влиять на позицию законодателей, главным образом, в кулуарах (lobby) законодательных органов власти. Отдельные формы лоббизма неизбежны в любых политических схемах¹.

В России до перестройки лоббизм рассматривался как система фирм и агентств при законодательных и исполнительных органах власти, оказывающие в интересах крупных компаний воздействие (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников при принятии того или иного решения или закона, при размещении правительственных заказов и т.д.

В отличие от западных определений, в отечественном прослеживается полукриминальность лоббизма («вплоть до подкупа»).

Составители «Толкового словаря русского языка» дают такое определение: «лобби» – это группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику, а «лоббист» – это человек, принадлежащей к «лобби»².

Лоббизм рассматривается так же как система реализации интересов различных групп (в частно-

сти, союзов и объединений предприятий) путем организованного воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов.

Для лоббизма характерны следующие черты:

1. при лоббировании всегда есть субъект и объект влияния. Объектами, на которые нацелено воздействие, как правило, выступают законодательные, исполнительные органы власти и их представители. Субъекты, то есть инициаторы этого воздействия, – хозяйствующие и любые другие организации или отдельные предприятия и физические лица, заинтересованные в отстаивании своих интересов;

2. лоббизм выполняет функцию посредничества между субъектом и объектом. Соответственно, для лоббизма характерно наличие третьего участника этого процесса – профессионального посредника;

3. лоббистская деятельность ведется в чьих-либо интересах. Ее целью является отстаивание интересов отдельных граждан, предприятий и объединений;

4. у этих граждан, предприятий и объединений могут быть как общие интересы, так и совершенно противоположные. Из этого следует возможность контр-лоббирования, то есть деятельности, направленной на срыв какого-то лоббистского проекта;

5. лоббизм предоставляет гражданам и организациям косвенно участвовать в подготовке и реализации экономических и политических решений. Это очень важно для субъектов лоббирования, поскольку многие из них не могут иметь полноценного представительства в органах власти³.

Лоббизм проявляется в различных формах – партийный, территориальный, национально-куль-

турный. В наших целях будем рассматривать лоббизм корпоративный или предпринимательский, или иное его название – коммерческий, либо экономический.

Экономический лоббизм можно рассматривать как законную деятельность крупных и средних хозяйствующих субъектов, направленную на органы государственной власти с целью влияния и принятия последними управленческих решений, приносящих экономическую выгоду хозяйствующим субъектам. В конечном итоге экономическая выгода – это увеличение дохода предприятия путем получения им определенных преимуществ перед конкурентами.

Лоббизм как деятельность может осуществляться непосредственно через самих субъектов, заинтересованных в отстаивании своих интересов, то есть хозяйствующих субъектов, так и через посредников, оказывающих лоббистские услуги.

Современное общество необходимо рассматривать как состоящее из основных элементов – государство, бизнес, институты гражданского общества (партии, профсоюзы, общественные организации и т.д.), население.

Лоббизм – это посредник между государством и другими его элементами. Предпринимательский, или экономический, лоббизм – посредник между государством и бизнесом, иные формы лоббизма – посредник между государством и институтами гражданского общества. А вот посредничество между бизнесом и институтами гражданского общества определяется степенью социальной ответственности бизнеса перед обществом и его отдельными гражданами.

Предпринимательский лоббизм можно рассматривать как три взаимосвязанных элемента:

- продвижение профессиональными лоббистами предпринимательских идей в органах власти, предоставление доказательств обоснованности, неотложности и необходимости принятия того или иного решения как для конкретной деловой структуры или объединения, так и для отрасли или экономики в целом;

- консультационные услуги, оказываемые лоббистами в органах власти, когда представители предпринимательских кругов советуют органам власти, как и в какой форме лучше провести в жизнь то или иное решение;

- техническая помощь в сборе информации, необходимой для разработки документации, участие в написании документов – указов, проектов законов и постановлений, приказов, ведомственных инструкций и т.д. – и мониторинг выполнения принятых органом власти решений.

В зависимости от целей лоббизма он может подразделяться на правотворческий (лоббизм в законодательных органах через нормативные акты), правоприменительный (лоббизм через акты применения права), правоинтерпретационный (лоббизм через акты толкования права). Лоббизм можно также рассматривать как одномоментный, так и постоянный. Однако сама лоббистская деятельность характеризуется долгосрочностью. В зависимости от того, на каком уровне власти происходит лоббирование, его можно разделить на федеральный (осуществляется в федеральных органах власти), региональный (осуществляется в республиканских, краевых и областных органах власти) и местный (осуществляется на местном уровне).

Государство в лице законодательной, исполнительной и судеб-

ной ветвей власти должно регулировать складывающиеся экономические отношения. Устанавливая для всех общие правила игры, государство в конечном итоге должно способствовать развитию конкуренции и оздоровлению деловой среды. Государственное регулирование, как правило, отстает от меняющихся экономических условий. Сколь бы совершенным ни было государственное регулирование, нормативно-правовая база зачастую начинает устаревать в момент принятия закона или иного документа. Нарастает конфликт между бизнесом и властью, он прекращается до момента обновления нормативно – правовой базы, после чего все повторяется.

Не дожидаясь обновления, бизнес старается по-разному преодолеть назревшие противоречия. Начинает работать криминал, который за нелегальные деньги предлагает бизнесу пути обхода устоявшихся норм. Часть нелегальных денежных средств оседает в карманах чиновников в виде взяток, коррупция процветает, а чиновники становятся не заинтересованными в изменении законодательства, так как портят источник дохода.

Здесь существует масса угроз для государства в целом:

1. стираются условия для цивилизованной конкуренции, в выигрыше оказываются коммерческие предприятия, близкие к криминальным кругам, а легальный бизнес становится вытесненным;

2. происходит ослабление власти, падает авторитет власти и государства;

3. экономическое развитие страны оказывается под влиянием криминальных кругов;

4. растет коррупция в государственных органах.

Результаты» исследования социологического фонда «ИНДЕМ»,

опубликованные весной 2002г., свидетельствуют о нижеследующем: российский бизнес платил чиновникам 33,5 млрд. долларов в год, структура этой цифры такова: 55,4% взяток собирала исполнительная власть, 14,7% – законодательная, оставшаяся сумма – суды и правоохранительные органы. 80% взятодателей признали, что сами выступали инициаторами «коррупционной сделки», потому что эффективность взяток чрезвычайно высока⁴.

Кроме взяточничества можно упомянуть практику родственных связей, злоупотребление служебным положением и другие пути, все эти способы идут в ущерб общественным интересам.

В данном случае лоббизм является одним из самых оптимальных и легитимных способов преодоления отставания нормативно-правового регулирования от социально-экономических изменений в обществе. То есть лоббизм должен быть полезным и государству, и бизнесу, и обществу. Лоббизм никак не связан с подкупом государственных чиновников.

В ходе цивилизованного лоббизма затрачиваются значительные интеллектуальные ресурсы, лоббист проводит большую посредническую работу. И работа лоббиста должны быть оплачена заказчиком, часть средств, полученных от реализации лоббистского проекта, получает как вознаграждение лоббист и здесь он выступает как профессиональный посредник. Профессиональное вознаграждение лоббиста является одним из видов «роялти». Это его вознаграждение за способность наладить, гармонизировать отношения между представителями бизнеса и власти, урегулировать разрозненные интересы представителей этих двух групп. Это авторский гоно-

рар лоббиста за его «творчество» по налаживанию контактов и за использованный лоббистский опыт и знания.

Лоббизм является исключительно легальным явлением и нуждается в законодательном регулировании. Используя лоббизм, бизнес может совместными усилиями организованно и открыто пролоббировать необходимые для его развития изменения в законодательстве, то есть лоббизм является условием создания цивилизованной конкуренции. Так же благодаря лоббизму происходит укрепление власти и ее авторитета. Кроме того, сокращаются масштабы теневых перераспределительных процессов в обществе, что также ведет к укреплению законности и правопорядка в стране.

Лоббизм в нашей стране – явление пока новое, и специального закона о лоббизме или нескольких разрозненных нормативно-правовых актов до настоящего времени нет.

Работа по созданию нормативно – правовой базы по регулированию лоббизма началась еще в 1992–1993 гг. в Верховном Совете РФ. Далее работа по созданию законопроекта продолжилась Государственной Думой. В этом проекте дано определение лоббизма, и признаны такие формы предпринимательского лоббизма, как участие в подготовке законов, нормативных актов, решений органов государственной власти, лоббисты могли консультировать и предоставлять информацию органам государственной власти. Помимо этого, предполагалось наделить лоббистов следующими обязанностями: регистрироваться и получать лицензию в Министерстве юстиции РФ, отчитываться в расходах и достигнутых результатах, отвечать за ложную информацию и платить налоги⁵.

Попыток принять закон, регулирующий лоббизм, было три, но ни одна не увенчалась успехом.

Факт существования лоббизма в России отрицать нельзя. Лоббизм существует, но так как нет его законодательного регулирования, он действует в формах, удобных для его субъектов.

Закона о лоббистской деятельности в России до сих пор не принят, но существуют союзы и объединения, которые по своей сути являются лоббистскими.

Так, Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) в своей деятельности поддерживает и объединяет усилия делового сообщества для создания эффективной и устойчивой рыночной экономики. Союз в своей деятельности нацелен на обеспечение конструктивных отношений между бизнесом и властью, защищает общие интересы российского делового сообщества в диалоге с органами исполнительной власти, а также ведется регулярная и кропотливая работа над новыми законопроектами и по внесению поправок в существующие законы. В текущую работу Союза вовлечены исследовательские институты, экономисты, научные работники.

Российский союз промышленников и предпринимателей развивает сотрудничество с институтами гражданского общества, без участия которых невозможно решение важных проблем общества.

Союз имеет соглашения о сотрудничестве более чем с 70 аналогичными международными организациями деловых кругов США, Германии, Италии, Франции, Китая, Японии и других стран. Союз развивает партнерство с бизнес-кругами Европейского союза.

Другая общественная организация, Торгово-промышленная пала-

та Российской Федерации также содействует развитию национальной экономики, опираясь на отечественные традиции и мировой опыт.

Важными задачами Торгово-промышленной палаты являются:

- представление интересов российских предпринимателей в отношениях с органами власти;
- создание условий, необходимых для становления социально ориентированной экономики.
- ТПП РФ объединила весь спектр российского предпринимательства – от представителей малого бизнеса до крупных компаний.

Территориальные торгово-промышленные палаты и объединения способствуют всесторонней реализации экономических интересов десятков тысяч участников хозяйственной деятельности по всей территории России. Торгово-промышленная палата России объединяет 20 тысяч предпринимателей и общественных организаций.

К положительным относятся:

1. цивилизованный лоббизм «лагает» разрывы между различными звеньями государственной системы, сводит к минимуму негативные последствия воздействия криминальных структур на власть, вследствие чего восстанавливаются условия для цивилизованной конкуренции, происходит укрепление власти, расширяется поле ее влияния, растет авторитет государства в глазах общества, сокращаются масштабы теневых перераспределительных процессов в обществе;

2. лоббизм можно рассматривать как своеобразное средство экономического стимулирования, которое ускоряет претворения в жизнь тех или иных целей и интересов, побуждает органы власти и предприятия к конкретным действиям;

3. предпринимательский лоббизм – это действенный инструмент самоорганизации делового сообщества, с помощью которого мобилизуется поддержка или оппозиция какому-либо законопроекту или нормативному акту, оказывается влияние на экономическую политику;

4. лоббизм создает возможности для защиты интересов предпринимательского меньшинства;

5. лоббизм позволяет расширить информационную и организационную базу принимаемых решений, обращать внимание на важнейшие экономические проблемы. Лоббисты обеспечивают органы государственной власти информацией по тому или иному вопросу, который выносится на слушания, «круглые столы», совещания и рабочие группы в различных органах власти; они информируют чиновников о том, что происходит на различных уровнях делового сообщества. Таким образом, позиция бизнеса доносится до власти и может учитываться при подготовке и принятии соответствующих;

6. предпринимательский лоббизм – это средство достижения компромисса, способ взаимного уравнивания и примирения интересов разнообразных групп сообщества.

В случае ненадлежащего использования применение лоббизма может иметь негативные последствия:

1. предпринимательский лоббизм может стать способом приоритетного удовлетворения интересов одних деловых групп в ущерб другим;

2. также предпринимательский лоббизм может подрывать демократические устои общества – лоббистские мероприятия могут привести к ущемлению интересов одних социальных слоев или пред-

принимательских кругов. Как правило, эффективность лоббизма значительно выше в силу финансово – материальных возможностей у крупного бизнеса, нежели чем у мелкого и среднего. Подобная ситуация, постоянно повторяясь, способна дестабилизировать обстановку, разбалансировать интересы, содействовать росту напряженности в бизнесах-кругах и в обществе в целом;

3. в отдельных случаях предпринимательский лоббизм способен блокировать действительно нужные управленческие решения и стать реальным препятствием на пути общественно важных интересов. Лоббизм в определенных ситуациях может стать средством обогащения отдельных общественных слоев.

Список положительных и отрицательных черт лоббизма можно расширить. Так, к позитивной стороне лоббизма необходимо отнести то, что государство и бизнес в тесном и законном сотрудничестве, учитывая интересы каждой стороны, достигают общую цель – повышение качества и уровня жизни россиян.

А в случаях незаконного использования методов лоббизма тесное сотрудничество чиновников органов государственной власти и бизнесменов приведет к их сговору и незаконному обогащению государственных чиновников.

Налицо объективная двойственность экономического лоббизма. Цель лоббизма – положительное влияние на общество в целом и развитие бизнеса. Однако предпринимательский лоббизм может быть употреблен либо на благо всего делового сообщества, либо в узкорпоративных интересах. Много зависит от его законодательного регулирования, социально – экономического обстановки, обсто-

ятельств применения его эффективно инструмента.

Российский лоббизм явление специфическое, не существующее в российском законодательстве, но присутствующее на самых различных уровнях власти. Государство и бизнес признают существование лоббизма, но не стремятся придать ему легитимный характер.

Лоббизм необходим для сокращения разрывов между экономическими преобразованиями и деятельностью государства в сфере экономического регулирования, поэтому он и существует в рыночной экономике, а для предотвращения коррумпированного лоббизма необходимо придать ему легитимный характер.

Необходимость придания лоббизму легитимного характера проистекает также из следующего: хозяйствующий субъект выступает объектом государственного регулирования, а так как лоббизм – это процесс влияния крупных и средних хозяйствующих субъектов на уполномоченные органы государственной власти любого уровня с целью принятия того или иного решения в интересах хозяйствующих субъектов, то сам объект государственного регулирования – предприятие формирует в определенной мере внешнюю среду своего регулирования, создает выгодные для себя условия регулирования. «Что на самом деле отличает хорошую компанию от великой? То, что великие компании пытаются управлять окружающей средой, а не следовать тому, что диктует им окружающая среда»⁶. Это ход мыслей руководителей крупных компаний. И во избежание достижения только целей бизнес-структур, и игнорирования целей государства, достижения общих целей лоббизм должен быть полезным и для го-

сударства, и для общества, и для бизнеса подействовать на основаниях, предусмотренных российским законом.

Литература:

1. Берлин А.Д., Григор Г.Э. Корпоративный лоббизм: Теория и практика. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2005. – С. 11.

2. Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 1997.

3. Столяров Б. 38 миллиардов долларов на лапу дают россияне каждый год. Ведомости. 22.05.2002. С. 1.

4. Шамхалов Ф. Лоббизм во взаимодействии государства и бизнеса. / Государство и право. № 7. 1999.

5. Президент Конов Д.В. Итоги 2007 года. СИБУР. – С. 20.

Ссылки:

¹ См.: <http://www.britannica.com/ebi/articale-203999>.

2 См.: Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 1997.

3 См.: Берлин А.Д., Григор Г.Э. Корпоративный лоббизм: Теория и практика. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2005. – С. 11.

4 См.: Столяров Б. 38 миллиардов долларов на лапу дают россияне каждый год. Ведомости. 22.05.2002. С. 1.

5 См.: Шамхалов Ф. Лоббизм во взаимодействии государства и бизнеса. // Государство и право. № 7. 1999.

6 Президент Конов Д.В. Итоги 2007 года. СИБУР. – С. 20.

Механизмы возникновения политического терроризма

Бахтеева А.Р.

Политический терроризм возможен в том случае, когда резко растет конфронтация двух или более сторон, втянутых в конфликт социально-политического свойства. Это – крайний шаг отчаяния субъекта терроризма (лица, группы лиц, партии, государства), приведшего к выводу о невозможности достичь политической цели легитимным, демократическим, законным, правовым путем.

Ключевые слова: политический терроризм, социально-политический конфликт, факторы роста терроризма, политическое поведение

Bachteeva A.R.

Political terrorism is possible in that case when confrontation between two and more sides, involved in socio-political conflict, is dramatically increasing. This is the extreme measure of terrorism subject (person, group of persons, party, state), arrived at a conclusion about impossibility of achieving political object in a legitimate, democratic, lawful way.

Keywords: political terrorism, socio-political conflict, factors of terrorism growth, political behavior

На ранних этапах развития терроризма его можно было отождествить с отдельными единичными актами насильственного уничтожения политических противников, их устрашения, ослабления их организации, оказания влияния на их деятельность. В процессе исторического развития терроризм трансформировался в крупномасштабное, весьма сложное социально-политическое явление, в основе которого лежат противоречия, существующие в обществе. Он отразил *политические, экономические и идеологические* установки тех сил, которые осуществляют акты террора. Соответственно исследователи терроризма концентрируют свое внимание на столкновении интересов в политической, социально-экономической и духовной сферах жизни.

Масштабы таких столкновений могут быть самыми различными: начиная с патологического противопоставления собственного «я» всему обществу или даже человечеству со стороны отдельных индивидуумов и заканчивая жестким противоборством целых государственных систем, которое, напри-

мер, характеризовало отношения между лагерем социализма и развитами империалистическими державами в годы «холодной войны».

Следует подчеркнуть, что любое столкновение интересов в социально-политической сфере обречено вылиться в насильственные действия. Если с момента обнаружения факта несовпадения взглядов по тому или иному вопросу у различных социальных, национальных, этнических групп населения, политических партий, государственных и оппозиционных структур (либо целых стран и даже групп государств) начинается поиск решения возникшей проблемы с учетом интересов всех сторон, то противоречия могут быть сняты уже в ходе такого сотрудничества.

Если же противостоящие стороны не проявляют доброй воли для решения существующей проблемы совместными встречными усилиями, столкновение интересов может перерасти в стадию конфликта. Последний характеризуется большей или меньшей степенью остроты. В случае если он перерастает в антагонизм, а его разрешение становится невозможно в рамках законодательства (международного или внутреннего, в зависимости от масштабов и природы конфликта), одна из сторон способна встать на путь насильственного разрешения социально-политического противостояния. В этом случае она либо сама применяет насильственные методы воздействия по отношению к своему противнику, либо провоцирует последнего на подобные действия с тем, чтобы, обвинив его в агрессии, развязать себе руки и осуществлять протигворство, не ограничиваясь рамками закона. Именно в такой ситуации насилие способно приобрести черты и формы терроризма.

Таким образом, «терроризм возможен там и тогда, где и когда крайне обостряется противостояние двух или более сторон, втянутых в конфликт социально-политического свойства. По существу, это – крайний шаг отчаяния субъекта терроризма (лица, группы лиц, партии, государства), пришедшего к выводу о невозможности достичь какой-то цели легитимным, демократическим, законным, правовым путем»¹.

Эта модель возникновения социально-политического конфликта, приводящего к чувству политико-психологического отчуждения (т.е. ощущения невозможности повлиять на политику конвенциональными формами политического участия) и, как следствие, к участию в террористических группах, может быть применима к анализу любых его проявлений. Однако в каждом конкретном случае вскрываются вполне определенные, характерные по своей природе именно для данной ситуации причины, порождающие террористические проявления, и обстоятельства, благоприятствующие их реализации.

Специалисты подтверждают, что с конца 80-х годов Россия начала утрачивать и ныне практически лишилась иммунитета против терроризма². Каковы же причины возрастания угрозы терроризма в нашей стране в современных условиях?

Начнем с того, что в условиях болезненных и противоречивых преобразований, происходивших в последние годы в Российской Федерации, ломки сложившихся схем и отношений в области политики, экономики, права, социальной и иных важных сферах жизни государства и общества утрачены прежние, выработывавшиеся и шлифовавшиеся десятиле-

тиями механизмы упорядочения и конституционного регулирования отношений между государством, обществом и личностью. Превратившись в социалистическую идеологию обреченности на государственном уровне, а новой — обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. В новой России утрачены такие дисциплинирующие и цементирующие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга и чести, нравственность и мораль, интернационализм. В России в полной мере встала задача выработки новой национально государственной идентичности и обеспечения национального единства, которые до сих пор решены не полностью.

На фоне этого чеченский феномен — не частный случай, и он заслуживает внимательного рассмотрения с точки зрения тех процессов, которые происходят в Российской Федерации, да и на международной арене. Слом советской государственности создал в России вакуум власти. Внешние силы поспешили использовать созданный вакуум для осуществления своей геополитической экспансии. Первый ее этап предусматривал разжигание смуты в Кавказском регионе, используя для этого фактически независимую Чечню как плацдарм.

США и западные страны активно проводят линию на дальнейшее ослабление политической, экономической и военной мощи Российской Федерации. Достаточно вспомнить об антироссийском по существу курсе западных стран, проводимом ими на территории бывшей Югославии, о поощрении акций антироссийской направленности в странах Балтии, на Украине, о постоянных попытках внести раскол в СНГ, о стимулировании сепаратистских настроений

в регионе Северного Кавказа, включая практически открытую поддержку чеченских боевиков и действий Грузии в августе 2008г. во время конфликта с Осетией, и так далее. Заметим, что все перечисленные обстоятельства помимо прочих негативных для России последствий прямо или косвенно стимулируют рост политического терроризма в стране.

И все же, не отрицая факта существования инспирации акций терроризма на территории РФ извне, о чем свидетельствует практика наших спецслужб³, приходится признать, что сегодня основные детерминанты политически мотивированного терроризма имеют внутреннюю природу и произрастают на российской почве. Современная российская действительность создала и продолжает постоянно воспроизводить все новые факторы, исключительно благоприятствующие росту терроризма. К подобного рода детерминантам можно отнести, например, противоречивый характер экономических и политических преобразований в стране в последние годы, обострение политической борьбы, в которую втягиваются как представляющие значительные слои населения партии и общественные объединения, так и немногочисленные группы, лидеры которых преследуют узкокорыстные интересы; резкое расслоение граждан по уровню материального благосостояния, порождающее социальную напряженность и открытые столкновения на этой почве; криминализацию общества, стремление прорваться к рычагам власти со стороны организованной преступности. При чем, достижение этих целей зачастую осуществляется с применением методов террора; высокую степень коррупци-

рованности властных структур, порождающую возможность использования в политическом противоборстве чисто криминальных методов борьбы; отсутствие демократических традиций в управлении государством и обществом; правовой нигилизм, получивший распространение во всех слоях общества, включая и властные структуры; некомпетентность многих чиновников высшего эшелона исполнительной власти, принимающие по своим социально-экономическим и политическим последствиям решения и т.д.

Особое место среди факторов, детерминирующих терроризм в Российской Федерации, занимает *национализм*, активно расцветающий на территориях всех бывших советских республик, включая Россию. Как идеология, политика и социальная практика, направленная на проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигание ксенофобии и национальной вражды, национализм обладает исключительным потенциалом разрушения, способным нагнетать социальную напряженность в обществе, разжигать конфликты различного масштаба, а в случаях, когда ему не противопоставляются адекватные эффективные меры противодействия – и уничтожать целые государства. «Терроризм детерминируется широким спектром факторов различной природы. – Справедливо замечает В.Е.Петрищев. – Однако вряд ли можно найти среди них такой же сильный, глубокий и долговременный с точки зрения порождаемых им террористических последствий как национализм»⁴.

Вопрос о взаимосвязи состояния межнациональных отношений и уровня террористических проявлений представляется далеко не

теоретическим. Об этом убедительно свидетельствует весь исторический опыт человеческой цивилизации. Россия тоже не избежала участи на своем опыте испытать масштабные негативные последствия обострения межнациональных отношений. Как представляется, особенно активно начали развиваться националистические взгляды в регионах бывшего Советского Союза с середины 80-х годов.

Однако после развала СССР национализм не прекратил своего разрушительного воздействия на территориях вновь возникших государственных образований. Призыв Н.Б. Ельцина «брать суверенитета, сколько можно» еще больше поощрил сепаратистские устремления республик и умножил территориальные притязания, явившиеся источником новых противоречий.

Самым ярким примером в России, иллюстрирующим исходящую от национализма угрозу, являются события последних лет в Чечне. Эти события показали, к каким тяжким последствиям политического, экономического, нравственного характера может привести легкомысленное отношение власти к вопросам своевременного регулирования межнациональных отношений в такой многонациональной стране, как Россия, отсутствие стратегически ориентированной государственной политики в этой области, а также твердой воли к ее последовательному проведению в жизнь.

«Чеченский» терроризм произрос на идейно-политической почве, подпитанной национализмом. С другой стороны, любой акт терроризма со стороны чеченских боевиков неминуемо провоцирует ненависть, которая зачастую автоматически переносится на весь на-

род, представителями которого являются террористы. Возникает новый виток ожесточения и, таким образом, национализм и терроризм продолжают подпитывать друг друга.

Привлечение национализма в качестве мощной детерминанты разжигания социально-политического конфликта зачастую позволяет резко увеличить его масштабы и географию, выводя его даже за рамки одного государства путем вовлечения зарубежных национальных диаспор в различных формах: предоставления идеологической, материальной, технической, финансовой и иной помощи, формирования выгодного для националистов общественного мнения, воздействия в необходимых случаях на собственные правительства или международные организации и т.д.

Национализм, сплачивая представителей одного народа, одновременно формирует у них образ врага по отношению к представителям других наций или народов, провоцируя ответную враждебную реакцию. В результате межнациональные отношения обостряются и способны перейти в антагонистическую фазу развития, чреватую масштабными акциями насилия.

Поскольку проявления терроризма (особенно в последнее время) связывают с деятельностью представителей мусульманской конфессии, необходимо определить ее истинную связь с современным политическим терроризмом. Надо иметь в виду, что существуют радикальные секты ислама, которые лишь прикрывают акты терроризма исламскими лозунгами. К ним относятся ваххабизм, салафизм, талибан (пакистанская секта «Таблиг»), египетские «Братья-мусульмане» или

«Джама'а Исламия» и другие. Из-за того, что террористы называют себя «сторонниками ислама», даже «фундаменталистами», происходит очень опасная путаница в терминах, порождающая миф о якобы существующей «исламской угрозе». Сейчас на пространстве бывших республик Советского Союза, в России и других государствах получили большое распространение книги сектантских направлений, выдающих себя за исламские. Это произошло в силу ряда причин, одной из которых является необразованность мусульманского населения наших стран (следствие 70-летней оторванности от религиозных знаний), а другой – издание этих книг большими тиражами и бесплатная их раздача (что объясняется мощным финансированием определенными заинтересованными зарубежными организациями).

Разница в подходах к оценке так называемого исламского фундаментализма крайне широка – от игнорирования и вплоть до называния его главной угрозой национальной безопасности страны.

Подчеркивание и выделение исламского фактора как обязательной составляющей террористических актов неизбежно ведет к тому, что такие понятия как терроризм, фундаментализм и ислам сливаются и приравниваются. Это недопустимо в таком мультиконфессиональном государстве как Россия. Подобные ошибки приводят к росту антиисламских настроений в российском обществе, что чревато для России резким обострением социально-политической обстановки.

Касаясь условий, генерирующих терроризм, необходимо затронуть и *социально-психологические аспекты* развития нашего общества, отражающие крайне слож-

ный элемент дезориентации и ощущения безысходности. И в этом смысле в качестве субъектов терроризма начинают выступать те социальные группы, которые ранее вряд ли можно было упрекнуть в экстремистских ориентациях. Это, прежде всего, круги социально задетых и обманутых людей, затем – маргинализованные группы, утратившие прежнее социальное положение и которые видят единственной возможностью преодолеть бедственное существование использование незаконных средств и методов обеспечения своей жизни. На этой почве вырастают новые формы террористической деятельности, угрожающей не только общественной, но и политической безопасности страны.

Без рассмотрения умонастроений, психологического состояния, этических установок, определяющих способность людей к использованию любых средств для достижения поставленных перед собой целей, невозможно получить полноценное представление об алгоритме и механизме появления терроризма.

Мировое сообщество отрицает терроризм как средство достижения политических целей. Борьба с терроризмом провозглашена ООН одной из приоритетных задач мирового сообщества. Однако он продолжает оставаться в арсенале политических сил и не может не учитываться при анализе вариантов исхода политической борьбы в том или ином обществе, в том или ином государстве. Политический терроризм воспринимается как одна из форм *нелегитимного политического участия*. Атмосфера страха и неуверенности в завтрашнем дне, которая нагнетается в обществе в результате теракта, губительно влияет на моральный и политический климат в обще-

стве, разрушает его интеграционные начала, способствует росту отрицательных настроений.

Феномен терроризма имеет много аспектов, охватываемых разными подходами. Здесь и проблема юридической квалификации, и определение его социально деструктивных функций, и политологический анализ, и социально-психологическое оценивание причин и следствий, и выявление исторических корней. Важно подчеркнуть, что эти разные подходы находятся в отношении комплементарности, дополнительности. Отсюда необходимость учета разных предпосылок и выводов, особенно это касается *мотивации террористического поведения*. В сущности, какими бы мотивами ни руководствовались террористы — их основная цель дестабилизация социального или политического положения, создание максимально конфликтных ситуаций. Только такие ситуации, согласно их политической философии, могут вести к изменению мира, к реализации их целей.

Литература:

1. Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М., 2003.
2. Петрицев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001.

Ссылки:

- 1 Цит. по: Петрицев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 15.
- 2 См., например: Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М., 2003.
- 3 См.: Петрицев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С.17.
- 4 Цит. по: Петрицев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С.49.

Информационно-коммуникативная политика компаний: сравнительный анализ

Климова Ольга Юрьевна

В статье автор дает сравнительный анализ информационно-коммуникативной политики предприятий на примере отечественных компаний.

Ключевые слова: информационный, коммуникативный, компания, сотрудник, коллектив.

The author gives the comparative analysis of the information and communication policy, considering home companies as examples.

Keywords: information, communication, company, employee, group.

Исследования, проведенные недавно среди сотрудников зарубежных компаний, показывают разницу в мышлении ведущих и ведомых. Так, 84% сотрудников понимают, что делает их бизнес успешным и хотят помочь в достижении этого успеха, тогда как среди тех, кто не понимает этого, только 46% разделяют это чувство. Когда сотрудники осознают свою роль в бизнесе, 91% из них будут работать на успех, но их число резко снизится до 23%, если осознание не будет достигнуто. Очевидно: сотрудники, которые понимают перспективу, скорее помогут своей компании достичь процветания. А как обстоят дела в российских компаниях?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к результатам социологического исследования, которое проводилось в октябре – ноябре 2009г. в городе Чехов. Анализ данных был проведен по двум корпорациям. В общей сложности на обоих предприятиях было опрошено 275 сотрудников, выборка случайная. В обоих случаях это был групповой опрос – анкетирование в актовом зале предприятий.

После опроса были проведены фокус – группы с рабочими, специалистами и руководителями, что позволило получить более точное представление о том, что происходит в трудовых коллективах.

Цель исследования состояла в том, чтобы ответить на следующие вопросы: насколько сотрудники удовлетворены получаемой информацией; от чего зависит уровень их информированности; каким образом осуществляется информирование работников; как повысить эффективность информационно – коммуникативных отношений?

Выбор в пользу этих двух компаний не случаен. Дело в том, что ОАО «Чеховская энергетическая компания» («ЧЭК») – это молодой бизнес, «без советских корней», созданный на частные средства, а ОАО «Чеховский регенератный завод» («ЧРЗ») – это компания, образованная в СССР, прошедшая этап «разгосударствления собственности», акционирования и приватизации, а также сумевшая устоять в кризис 1998г. Следовательно, эти две компании находятся на разных ступенях перехода от стартового этапа к той стадии развития, когда значимость приобретают такие понятия, как эффективность, устойчивость и активизация инновационной деятельности. Поэтому сквозной темой исследования стал процесс превращения традиционного советского предприятия в капиталистическое. Причем этот процесс автор старался изучить, в первую очередь, через изменения в структуре социального управления организацией, а также через изменения, которые произошли во взаимоотношениях между руководителями и работниками «старого» предприятия.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что ком-

пания, созданная в «постсоветское» время, в меньшей степени отягощена грузом традиционных управленческих практик, и формы приспособления к новым информационным условиям будут иными, возможно, более «продвинутыми», чем на традиционном предприятии.

Открытое акционерное общество «Чеховский регенератный завод» – это многопрофильное предприятие, располагающее большими производственными мощностями, опытными кадрами. Оно является крупнейшим в России производителем регенерата, дробленой резины, велосипедных камер, резинотехнических изделий от товаров народного потребления до промышленной продукции. ОАО «ЧРЗ» вот уже 60 лет успешно работает на рынках страны и мира.

Открытое акционерное общество «Чеховская энергетическая компания» создана в феврале 2007г. Стратегическая задача, поставленная учредителями при создании ОАО «ЧЭК» – удовлетворение растущей потребности в тепловой и электрической энергии строящихся объектов промышленного и жилищного назначения на территории Чеховского муниципального района Московской области. В рамках данной стратегической задачи компанией осуществляется взаимодействие, как с потенциальными, так и существующими инвесторами – застройщиками.

В ходе исследования удалось установить следующие факты. На вопрос о значимости неформальных трудовых отношений в коллективе в ОАО «ЧЭК» 72% сотрудников ответили: « Коллектив – это моя семья», в то время как в ОАО «ЧРЗ» большинство сотрудников считают, что это всего лишь их место работы (рис.1).

Поскольку именно сотрудники

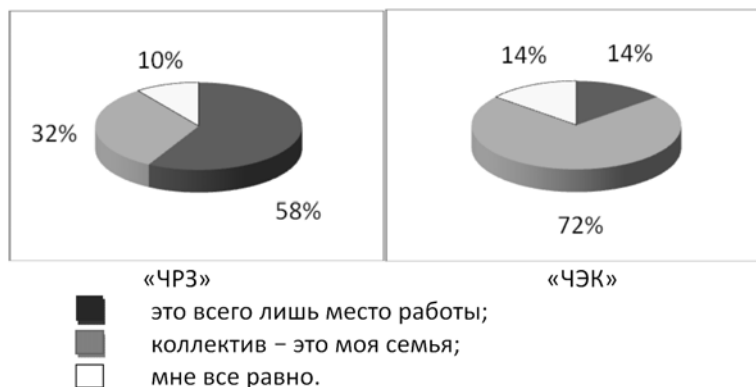

Рис. 1. Значимость неформальных отношений в трудовом коллективе

«новой» («ЧЭК») компании считают неформальные отношения в коллективе очень важным фактором, то неудивительно, что в их организации уровень доверия намного выше, чем в «старой» компании («ЧРЗ»). 77% работников «ЧЭК» ответили, что всегда могут доверять тем, с кем они вместе работают, в то время, как в «ЧРЗ» только половина сотрудников с этим согласны. Таким образом, обнаруживается довольно четкая закономерность: чем выше работники ценят хорошие отношения в коллективе, тем больше среди них доля тех, кто полностью доверяет своим коллегам и сослуживцам. Полное совпадение этих оценок может служить признаком удачного профессионального выбора человека. Если же в организации дефицит доверия, то возникает порочный круг: недоверие порождает разобщенность, а разобщенность питает недоверие.

По результатам исследования, 82% опрошенных сотрудников «новой» компании наибольший объем информации по работе получают путем формальных (деловых) коммуникаций, по «старой» компании показатель примерно такой же (79%). Характерно, что эти данные находятся в полном соответствии

с ответом респондентов на вопрос об основных источниках получения сотрудниками информации в рабочее время. В ОАО «ЧЭК» основными источниками получения информации являются непосредственный руководитель (50%) и рабочие собрания (50%). В ОАО «ЧРЗ» – 67% и 33% соответственно. Примечательно, что ни один сотрудник компаний не назвал среди источников получения информации такой вариант, как разговоры и слухи. Очевидно, что информирование работника через непосредственного руководителя и рабочие собрания – это очень правильная тенденция, поскольку руководство предприятия не может успешно осуществить задуманное, если его идеи, планы и усилия не поддержит трудовой коллектив. Для достижения тех или иных целей руководство апеллирует к работникам, а те в зависимости от степени доверия к руководителям поддерживают или не поддерживают задуманные преобразования.

Интересные данные были получены по следующему вопросу: «Знаете ли Вы о зарплатах других сотрудников своей компании?». В «новой» компании 72% работников ответили утвердительно, в то время как в «старой» компании

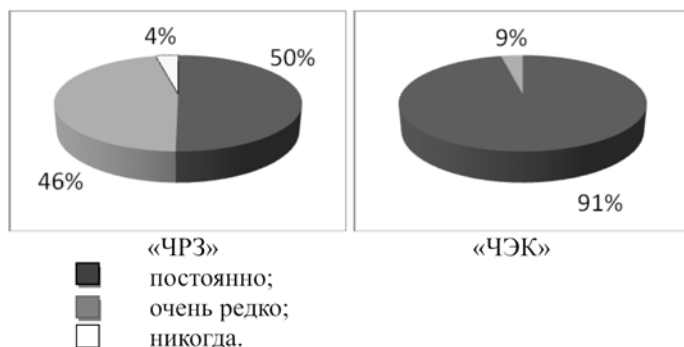

Рис. 2. Регулярность информирования сотрудников компании.

дали положительный ответ только 8% сотрудников (50% ответили отрицательно, 42% сказали, что им все равно). И это, на наш взгляд, неслучайно, если вспомнить о том, что уровень доверия в компании «ЧЭК» намного выше, чем в компании «ЧРЗ». Следовательно, наблюдается прямая зависимость между степенью доверия и «прозрачностью» информации. Ведь если человек верит в то, что другие в полной мере делятся с ним всей информацией, включая данные по зарплате, премиях и поощрениях, то он начинает верить и мотивам их поведения. Если же сотрудник полагает, что остальные знают больше, чем говорят, то, как правило, он начинает испытывать к ним подозрение.

На вопрос «Как часто Вас информируют о состоянии дел на предприятии?» в ОАО «ЧЭК» 91% опрошенных ответили, что это происходит постоянно, и только 9% сказали, что очень редко. В ОАО «ЧРЗ» соотношение 50% и 46% соответственно, при этом 4% ответили, что их не информируют никогда (рис.2).

Принимая во внимание то, что было сказано выше, можно утверждать, что руководство «новой» компании поступает более мудро, доверяя своим сотрудникам и инфор-

мируя их о состоянии дел в организации. Ведь люди не могут не чувствовать этого, они понимают, что от них многое зависит и осознают ответственность за общее дело.

По результатам анкетирования, практически никто из работников исследуемых нами компаний (0% в «ЧЭК» и 4% в «ЧРЗ») не сказал о том, что излишний объем информации только отвлекает их от работы. При этом, 36% сотрудников в «ЧЭК» и 79% в «ЧРЗ» уверены, что информация не может быть лишней. Получается, что сами работники совсем не возражают против того, чтобы быть информированными. «Информационный вакуум» мало кому по душе, и данные по следующему вопросу это только подтверждают (рис.3).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Сегодня в «старой» компании актуальна проблема информирования трудового коллектива. Руководство на этом предприятии представляют собой относительно закрытую группу, не склонную делиться с коллективом стратегическими планами, а иногда и текущей информацией о функционировании компании. Оправдывается это обычно необходимостью сохранения коммерческой тайны. Вполне очевидно, что не инфор-

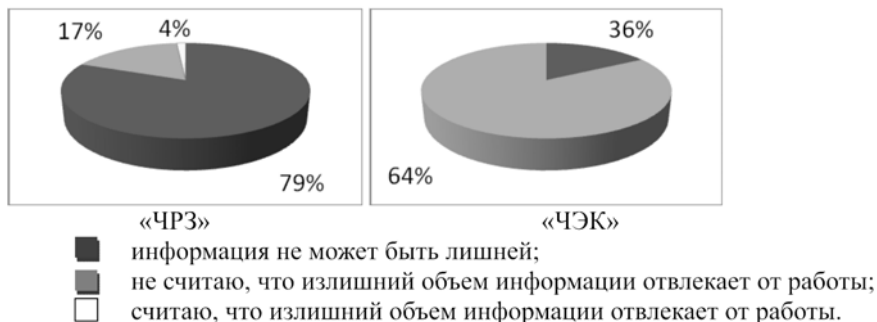

Рис. 3. Желание сотрудников компании быть информированными.

мированный работник не может полностью включиться в дела своей организации, в результате чего оказывается неиспользованным его творческий потенциал.

При этом хорошей практикой стало то, что в ОАО «ЧРЗ» менеджеры подчас сознательно реконструируют образцы советского института управления. Это попытка сохранить на предприятии атмосферу, привычную для работников старшего возраста, которые и составляют основную часть персонала. Например, возобновились многие традиции, которые были прежде, но на новом качественном уровне: вернулись пятиминутки, собрания, информационные доски, возродили награждения работников, занесения в Книгу почета и т.д. Похоже, что здесь потихоньку начинают понимать, что информированный работник имеет огромный творческий потенциал и желание работать на благо своей компании. Кроме того, сильно ощущаются веяния нового времени в ОАО «ЧРЗ». Так, каждый четвертый сотрудник пользуется Интернетом для решения производственных задач, также в сети есть сайт этой компании. В этом абсолютно уверено 79% сотрудников, в то время как 21% работников сказали, что им об этом неизвестно.

Что касается информирования сотрудников в компании «ЧЭК», то здесь ситуация намного привлекательнее. Тут понимают, что хорошо информированные сотрудники обладают активностью, инициативой, могут оказывать влияние на производственный процесс. Более того, некоторые ключевые работники этой организации просто незаменимы, от них подчас зависит судьба компании. Менеджеры этой «новой» компании стараются продемонстрировать работникам свое отношение, чтобы люди понимали, что они здесь не винтики, что к ним относятся уважительно, их труд ценят, а также ценят их самих как специалистов и мастеров своего дела. «Новые» компании, в отличие от «старых», озабочены качеством человеческих ресурсов. Подбор высококвалифицированных и грамотных специалистов, способных к обучению и к интенсивной работе, постоянное повышение уровня компетентности сотрудников и формирование сплоченного коллектива, способность работать, как единый механизм – таковы приоритеты корпоративной политики в ОАО «ЧЭК».

Основной вывод исследования заключается в том, что будущее, с точки зрения автора, принадлежит корпорациям нового типа, та-

ким как ОАО «Чеховская энергетическая компания». Исследование показало, что процесс информатизации труда породил у сотрудников этого предприятия новое самосознание, заставил человека все больше ощущать себя не просто функцией, но личностью. На примере этой компании видно, что меняется сам человек: из работника, средства труда он постепенно превращается в существо духовное, самоопределяющееся и саморазвивающееся. Только в рамках данного процесса можно говорить о формировании информационной политики, ориентированной на человека, развитие его потен-

циала, навыков и умений, то есть о формировании информационной культуры человека в компании.

Литература

1. Deloitte and Touche, Information Management Survey, London: Deloitte and Touche. – 1996.
2. Ахмадинуров Р., Испулова С. Социальное партнерство на промышленных предприятиях. /Социологические исследования. – 2008, №3.
3. Козырева П. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала. /Социологические исследования. – 2009, №1.

Особенности изучения стиля жизни в контексте социологического анализа

Носарева Ю.М.,

студентка, Педагогический институт Южного Федерального Университета, Ростов-на-Дону
E-mail: yulia-nos@yandex.ru

Для описания и анализа этих изменений социальные теоретики и практики достаточно часто прибегают к использованию такой категории как «стиль жизни». Жизненные стили можно определить как структурированные в пространстве и времени образцы ведения своей собственной жизни. На сегодняшний день для социологов стиль жизни является одним из индикаторов, который фиксирует специфику социального неравенства.

Ключевые слова: Стиль жизни, общество, социальное неравенство

Nosareva J.M.

Features of studying of a style of life in a context of the sociological analysis

For the description and the analysis of these changes social theorists and experts often enough resort to use of such category as «style of life». Vital styles can be defined as structured in space and time samples of conducting an own life. For today for sociologists the style of life is one of indicators which fixes specificity of a social inequality.

Keywords: Style of life, society, social inequality

В связи с трансформационными процессами в современном российском обществе происходят существенные изменения в ценностно-нормативной сфере, в моделях социального поведения и социальных отношений, в принципах и критериях социальной стратификации. Для описания и анализа этих изменений социальные теоретики и практики достаточно часто прибегают к использованию такой категории как «стиль жизни».

Научная дефиниция стиля жизни разрабатывалась еще классиками социологической мысли, такими как М. Вебер, Г. Зиммель, Т. Веблен. Хотя они детально и не описывали механизмы воспроизводства стиля жизни, но, тем не менее, именно они заложили основу в традиции изучения стиля жизни как социологической категории.

Понятие стиля жизни является с одной стороны, простым и однозначным, с другой стороны - многомерным и трудно уловимым. В современных словарях существует несколько определений категории «стиль жизни»:

- стиль жизни - определенный тип поведения личности или групп

людей, фиксирующий, устойчиво воспроизводимые черты, манеры, вкусы и склонности;

- стиль жизни - определенный стандарт, отличительная черта, характерная манера поведения людей, субъективная сторона человеческой деятельности, выражающаяся в мотивах, формах и ориентациях решений, поступков, повседневном поведении индивида, его семьи, социальной группы и слоя.

Понятие стиля жизни занимает особое место в стратификационных теориях. Начиная с веберовской традиции статусные группы в обществе стратифицированы по принципам потребления благ, выраженных в стиле жизни, в отличие от классов, стратифицированных по уровню экономического положения. При этом статусная ситуация определяется социальной оценкой уважения и находится в сфере распределения престижа, а статусный престиж выражается прежде всего в том, что от всех, кто претендует на принадлежность к данному кругу, ожидается особый образ жизни. Роль стиля жизни в статусном престиже заключается в формировании определен-

ных «условностей» или символов, которые должны демонстрировать себя всеми способами так, чтобы достигнуть полной «стилизации» жизни, которая создает статусную группу и сохраняет ее.

Таким образом, по отношению к статусной группе определенный стиль жизни выступает как системообразующее начало, символ принадлежности к ней и идентификации, элемент, обеспечивающий ее стабильность в течение определенного времени, фактор отделения от других групп. По отношению к множеству индивидуальных практик стиль жизни выступает как то общее и повторяющееся, что позволяет отнести конкретного агента (семью или человека, т. е. частного) к одной из различных социальных групп.

Новое звучание рассматриваемому понятию в контексте стратификационных теорий дал П.Бурдьё, определив стиль жизни как структурированную систему позиций социального пространства, занимаемых индивидом, принадлежащим к определенной группе (классу), а также через его представление об этих объективно занимаемых позициях. Сами же позиции определяются свойственными индивидам практиками, т.е. видами деятельности и используемыми вещами. Особое место в этой системе принадлежит вкусу - системе схем восприятия и оценивания своих и чужих практик. В этом теоретическом подходе класс (или социальная группа) понимается как совокупность агентов, занимающих сходные позиции, и позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства агентов, а также поведение, ведущее к объединению в группу. Таким образом, стиль жизни - это система практик, т.е. повторяющееся в повседневном поведении и определяющее положение челове-

ка в социальном пространстве. В стиль жизни включаются практики в самых разнообразных полях: это потребление и досуг, труд и доходы, здоровье, участие в политике и религии и пр.

Социологический анализ жизненных стилей позволяет увязывать макро и микроуровень социальной жизни; позволяет сочетать структурные и процессуальные аспекты; дает возможность избегать как «структурализма», так и «экономизма», поскольку в состоянии переходить от социально-структурной позиции или социально-экономического положения индивида непосредственно к его конкретному специфическому поведению; создает условия для отслеживания изменений в системе социального расслоения, а также в устройстве домашней и семейной жизни индивида. Социологический анализ жизненных стилей устанавливает связи, сходства и подобия между «классовым пространством» и жизненными стилями, увязывает в определенное единое целое труд, творчество с досугом и потреблением.

Комплексное и динамичное понятие жизненного стиля применимо как к привычным, так и к альтернативным жизненным стилям, оно в состоянии показать механизмы выбора, осуществляемого индивидами, исходя из их социально-структурной позиции и менталитета. Также изучение жизненного стиля, открывает возможность избегать двух крайностей в интерпретации общества: тезиса о продолжающемся существовании классового общества, с одной стороны, и тезиса об индивидуализированном обществе - с другой. Жизненные стили можно определить как структурированные в пространстве и времени образцы поведения своей собственной жизни. Такие образцы зависят от наличествующих у индивида материаль-

ных и культурных ресурсов, от формы семьи и характера устройства домашней и семейной жизни, а также от ценностных установок.

На сегодняшний день для социологов стиль жизни является одним из индикаторов, который фиксирует специфику социального неравенства. Многие зарубежные социологи, анализируя общественное развитие современных стран и отмечая высокий жизненный уровень и расширение возможностей самореализации индивида, фиксируют коррелирующие с ними процессы плюрализации и индивидуализации жизненных и культурных стилей, которые выступают новыми основаниями дифференциации общества. Данные явления влекут за собой целый ряд социальных трансформаций – детрадиционализацию классовых состояний, распад классовых идентификаций и нарастающую социальную мобильность.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. №5.
2. Вебер М. Основные понятия стратификация // Социологические исследования 1994, №5.
3. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация М.,1992. Вып.1.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
5. Демидов А. М. Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе // Социологические исследования. 1998, №4
6. Зиммель Г. Избранные работы. Киев, 2006.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры М.: Логос, 2000.
8. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989.
9. Радаев Н.Е. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1998.
10. Яковлев А.М. Социальная структура общества. М.: Экзамен, 2002.

Проблема содержания понятия «качество жизни» и его измерения: субъективный и объективный подходы

Ведерникова А.А.

аспирантка социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: Escabrosa7@ya.ru

В течение второй половины двадцатого столетия понятие «качество жизни» эволюционировало от неформального научного выражения до научной концепции, входящей во множество научных теорий разных уровней. Тем не менее, несмотря на популярность этой категории в современной науке, ученые, независимо от своей специализации констатируют множество расхождений в определении этого понятия: каждый исследователь подчеркивает ту или иную сторону этой категории, что порождает ряд методологических проблем изучения качества жизни населения. Ключевые слова: Качество жизни, методология, субъективный подход, объективный подход

Vedernikova A.A

The Problem of the maintenance of concept «life quality » and its measurement: subjective and objective approaches

Within the second half twentieth century concept «quality of a life» evolved from not properly executed scientific expression to the scientific concept entering into set of scientific theories of different levels. Nevertheless, despite popularity of this category in a modern science, scientists, irrespective of the specialisation ascertain set of mismatches in definition of this concept: each researcher underlines this or that party of this category that generates a number of methodological problems of studying of quality of a life of the population.

Keywords: Quality of a life, methodology, the subjective approach, the objective approach

В последние годы понятие «качество жизни» заняло в общественном мнении и научном обороте прочное положение. Интерес

к проблематике качества жизни продолжает расти. Это свидетельствует о том, что общество озабочено проблемами самосохране-

ния и устойчивого социального развития.

Однако в научной среде на сегодняшний день нет единого подхода к содержанию самого понятия «качество жизни», существует множество методик его оценки, измерения. Качество жизни рассматривается и как общесоциологическое, и как социально-экономическое, и как чисто экономическое понятие. Более того, оно стало применяться в управлении на уровне государства, но политически понятие «качество жизни» так же четко не определено.

Все существующие на сегодняшний день подходы к изучению качества жизни, можно свести к двум основным моделям. Первая модель определяет качество жизни как результат комбинации различных статистических показателей. Эта модель позволяет получить объективную оценку материальных условий жизни, оказывающих во многом определяющее влияние на качество жизни социального субъекта.

Однако доминирующим направлением выступает модель «ощущаемого качества жизни», поскольку сложный характер взаимосвязи объективных и субъективных условий жизни не подтверждает кажущуюся вполне очевидной истину, что люди в лучших материальных условиях жизни более удовлетворены ею, чем находящиеся в относительно худших условиях. Эта модель построена на утверждении, что истинное значение качества жизни отражено в субъективных ощущениях индивидов, формирующихся на основе конкретных материальных условий жизни, эмоционального состояния и т.п.

Большинство западных исследователей (А. Кемпбелл, С.Ф., В. Роджерс, Дж. Гриффин и др.) выделяют в субъективных оценках

два компонента: эмоциональный и рациональный. Первый состоит из оценок степени удовлетворенности различными сторонами жизни и общей удовлетворенности жизнью. Второй компонент представляет собой своего рода баланс позитивных и негативных эмоций. К позитивным эмоциям относятся ощущение счастья, социальной безопасности, уверенности в завтрашнем дне. Негативные эмоции выражаются в ощущениях депрессии, фрустрации, стресса.

Представляет определенный интерес вывод западных исследователей, согласно которому в условиях радикальных социальных преобразований индивидуальные представления о качестве жизни формируются в основном под влиянием не рационального, а эмоционального компонента.

Наблюдаемое в последнее время стремление к оценке качества жизни на основе измерения степени удовлетворения многообразных потребностей людей характеризуется, как правило, включением в анализ множества порой мало связанных между собой показателей, а также непрекращающимися попытками разработки единого интегрального показателя. Но при создании такого показателя, охватывающего большую совокупность конкретных объектов измерения, которыми характеризуются условия жизни населения, неизбежно возникает субъективный подход.

Признавая качество жизни как социально-экономическую категорию, наиболее логичным, представляется её определение как степени удовлетворения потребностей и реализации интересов социального субъекта. Качество жизни включает в себя и уровень жизни как характеристику удовлетворения материальных и социальных потребностей, и образ жизни как деятельность субъекта в соответ-

ствии (или несоответствии) с общепринятыми в конкретном обществе ценностями. Такое определение позволяет рассматривать качество жизни как функцию и результат жизнедеятельности социального субъекта, который определяется реализуемым потенциалом человека в существующих условиях. Отсюда измерение этого потенциала является одновременно и оценкой качества жизни.

Следует отметить, что в России интерес к проблеме качества жизни населения возобновился в принципиально иных условиях, чем возник в свое время в странах с развитыми рыночными отношениями. Если на Западе важной причиной повышения качества жизни была необходимость ограничить «потребительскую жизнь», направить деятельность людей и общества в целом на преодоление растущих негативных последствий «общества потребления», то в России, интерес к качеству жизни обусловлен необходимостью перехода от выживания к развитию.

Это отнюдь не отвергает возможность создания единой системы показателей оценки качества жизни населения России и ее регионов, объединяющей субъективный и объективный подходы: ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала), мониторинг социального самочувствия людей и социально-экономический стандарт. Эта трехуровневая система оценки качества жизни может стать основным инструментом анализа для принятия необходимых практических мер по повышению качества жизни населения. Однако для этого, прежде всего, надо сформировать общеупотребительное содержание понятия «качество жизни» на государственном уровне.

При этом очень важным является вопрос определения критери-

ев оценки качества жизни, возведенных в ранг государственных стандартов, которые могли бы основываться, с одной стороны, на системе потребительских бюджетов населения и в тоже время включали бы в себя показатели, определенные на основе сложившегося в обществе, прежде всего, в его среднем слое, понимания достаточного уровня доходов, образования, здоровья, обеспеченности жильем, связью, транспортом, параметров личной безопасности, включая экологическую безопасность и т.д. – включали бы субъективные и объективные оценки. Эти показатели должны быть четко систематизированы, подкреплены нормативной базой.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М.: Академический проспект; Культура, 2006. 544 с.
2. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. – 2001. – №6.
3. Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С., Маликов Н.С. Качество жизни: вопросы теории и практики. М.: ВЦУЖ. – 2000.
4. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006). М.: Academia, 2007. – 520 с.
5. Программа развития ООН (ПРООН). Издательство «Весь Мир», 2005. – С.26.
6. Рогов С.М. О роли государства в возрождении созидательного потенциала России // Российский экономический журнал. 2005. № 7-8. – с. 34-37.
7. Савченко П., Федоров М., Шелкова Е. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России // Российский экономический журнал. – 2000. – №7.

Роль национально-культурных общин и этнических сетей в адаптации трудовых мигрантов (по материалам Республики Татарстан)

Сагдиева Э.А.,

младший научный сотрудник, Институт Истории им.Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань
E-mail: elvina_n@inbox.ru

В статье раскрываются особенности адаптационных процессов в этнических группах трудовых мигрантов. Рассмотрены два ресурса адаптации: этнические общины и мигрантские этнические сети. Вывод автора заключается в том, что эти ресурсы являются важным социальным капиталом, который с той или иной степенью активности используется этническими группами приезжих в целях решения экономических задач.

Ключевые слова: трудовые мигранты, ресурсы адаптации, этнические общины, этнические сети, интеграция.

E.A. Sagdieva

The role of national-culture communities and ethnic nets in adaptation processes among ethnic migrants (a case study of the Republic of Tatarstan)

The article is devoted to the peculiarities of adaptation processes among ethnic groups of labour migrants. Two resources of adaptation are examined: ethnic communities and ethnic nets among migrants. The author of the article comes to conclusion that this resources is an important capital which is more or less actively used by ethnic groups of migrants to solve their economical problems.

Keywords: labour migrants, resources of adaptation, ethnic communities, ethnic nets, integration.

В 2008 году нами методом полуструктуризованного интервью было проведено этносоциологическое исследование, задачей которого стало выявление стратегий и ресурсов адаптации этнических групп трудовых мигрантов¹. Сравнительный анализ показал, что трудовые мигранты в Республике Татарстан используют два ресурса: этнические общины, которые являются посредниками между приезжими мигрантами и принимающим населением, и мигрантские этнические сети, с помощью которых приезжие решают проблемы с трудоустройством, жильем и т.д. Мера использования этих ресурсов различается в этнических группах.

В Республике Татарстан функционирует Ассоциация национально-культурных обществ, объединяющая свыше 30 этнических общин и Автономий. Эти объединения существуют в целях сохранения этнокультурной самобытности народов, проживающих в республике (развитие культур,

языков и традиций). Как показало наше исследование, помимо организации традиционных дней национальных культур, смотров и фестивалей народного искусства, различных выставок и празднеств. Некоторые Автономии занимаются проблемами мигрантов, вырабатывают пути решения их проблем, вопросами дальнейшей координации взаимодействия приезжих с государственными органами власти. Автономии чувашей и марийцев не занимаются проблемами приезжих, хотя в планах их руководителей создание Агентств по трудоустройству для мигрантов из Чувашии и Марий-Эл.

Самую большую активность проявляют Национально-культурная автономия узбеков и Национально-культурная автономия таджиков «Сомониён». Руководство Автономии узбеков старается контролировать потоки трудовых мигрантов из Узбекистана в Татарстан, поддерживает связь со всеми трудоустроенными ими рабочими. Схема взаимодействия следу-

ющая: руководитель Автономии выделяет активиста среди группы работников – старосту, который играет роль посредника при решении возникающих проблем путем обращения в Автономию.

Национально-культурная автономия таджиков для решения проблем мигрантов организовала Республиканское Агентство занятости и правовой помощи иммигрантам и Центр социально-правовой помощи иностранным гражданам. Задачами этих организаций являются: вербовка потенциальных мигрантов в Таджикистане, привлечение их в Республику Татарстан по заявкам работодателей, оказание содействия иностранным гражданам, прибывшим из других стран СНГ в жилищных вопросах и трудоустройстве на территории РТ, а также проведение профилактической работы среди приезжих по недопущению совершения ими преступлений и административных правонарушений. Последним направлением деятельности этих структур стала организация курсов для приезжих по изучению русского языка и предоставления юридических консультаций. Преимущественно в эти центры обращаются мигранты из Таджикистана, а также из других республик Средней Азии (Узбекистан, Кыргызстан).

Можно выделить несколько объективных причин активности Автономий узбеков и таджиков. Прежде всего, это то, что мигранты, приезжающие из Узбекистана и Таджикистана являются в России иностранными гражданами, к которым предъявляются «особые» требования со стороны российского государства. Отсутствие элементарных навыков владения русским языком, низкая правовая грамотность приезжающих и работодателей, а также произвол правоохрани-

тельных органов, усиливают дезадаптацию трудовых мигрантов из постсоветских государств. Представители национальных Автономий пытаются смягчить тяжелое бремя миграции своих соотечественников. Для чувашей и марийцев, приезжающих на заработки в Татарстан, эти проблемы не столь актуальны.

Как показало наше исследование, мигранты едут на заработки по рекомендациям, советам, рассказам знакомых, родственников, соседей, приезжают в конкретные места (города, районы, поселки, предприятия, фирмы), иногда и к конкретному работодателю. Можно говорить о мигрантских этнических сетях. Выстраивание таких сетей происходит по принципу «снежного кома» – один человек знает другого, он еще кого-то и так вырабатывается теневая матрица каналов трудоустройства. Сети могут выстраиваться по разным критериям, что соответственно влияет на размер, важность и степень известности данной сети. Основными характеристиками сети являются: место жительства (кишлак, село, район, город), вид и опыт трудовой деятельности, статус (этнический предприниматель, наемный рабочий), национальность. Среди мигрантов из Средней Азии сети формируются по принципу родства и землячества, у мигрантов из Поволжских республик – случайно. С помощью сетей трудовые мигранты находят жилье, работу, оформляют регистрацию и разрешение на работу. Зачастую работодатели предпочитают нанимать мигрантов определенных национальностей. Работодатели это явление объясняют психологическими особенностями и склонностью определенных этнических групп мигрантов к трудовой специализации. Все это при-

водит к формированию этнических сегментов рынка труда в современной экономике Татарстана, в которых задействованы приезжие.

Таким образом, проанализировав роль и значение Национально-культурных автономий и коммерческих Центров помощи мигрантам,

а также эффективное функционирование мигрантских сетей, можно сделать вывод о том, что они играют важную роль для успешной интеграции приезжих в местное сообщество, способствуют облегчению их адаптации и легализации в Республике Татарстан.

Примечание:

Исследование проведено при поддержке РФНФ (№ 08-03-00087а). Методом полупроформализованного интервью мы опросили представителей 4 этнических групп мигрантов: 18 узбеков, 15 таджиков, 10 марийцев и 13 чувашей. Отбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома». Выбор этнических групп был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, численным доминированием этнических групп в миграционном потоке. По данным официальной статистики таджики и узбеки на протяжении последних лет демонстрируют высокие показатели миграционного прироста. И хотя по данным государственных органов поволжские народы имеют невысокие показатели миграционной активности, мы считаем, что представители этих этнических групп не только активно участвуют в трудовой миграции в РТ, но и численно преобладают среди потоков трудовых мигрантов. Для этих этнических групп нет большой необходимости заявлять о своем присутствии в государственных учреждениях, поскольку все они граждане РФ и хорошо ориентируются. Во-вторых, дистанцией с принимающим сообществом. Близки географически и по культуре населению Татарстана чуваш и марийцы. Узбеки и таджики проживают в других государствах, но в тоже время они обладают единой с татарами религией и культурой. Для нас важно было понять роль культурной дистанции в характере адаптации приезжающих этнических групп. Кроме того, эмпирической базой исследования стали полупроформализованные интервью с экспертами – руководителями Автономий и Центров помощи мигрантам (5 интервью), руководством Миграционной службы РТ.

Новые методы проведения продаж и построения маркетинговых коммуникаций, применяемые в сфере B2B

Максатова Т.С.,

студентка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, maksatova@gmail.com

Маркетинг в сфере Business to Business (B2B) – это маркетинг продуктов и сервисов другим компаниям, государственным учреждениям и на рынке организаций. Продавцы на промышленном рынке ищут способы донести информацию о своем продукте, а также сам продукт до потребителя. Для этого им необходимо выстроить маркетинговые коммуникации максимально эффективным способом. Метод использования хозяйственных ситуаций или кейс-метод создан специально для промышленных рынков. Основными задачами для промышленных маркетологов, в соответствии с данным методом, должно быть уяснение критериев принятия решений, используемых потенциальными и существующими потребителями, и формирование торговой марки, сконцентрированное вокруг представления о компетентности соответствующей этим критериям.

Ключевые слова: Маркетинговые коммуникации, продажи, промышленный рынок

Maksatova T.S.

New methods of carrying out of sales and the constructions of marketing communications applied in sphere B2B

Marketing in sphere Business to Business (B2B) is a marketing of products and services to other companies, official bodies and in the market of the organisations. Sellers in the industrial market search for ways to inform about the product, and also a product to the consumer. For this purpose it is necessary for them to build marketing communications by as much as possible effective way. The method of use of economic situations or a case a method is created specially for the industrial markets. Explanation of criteria of the decision-making used by potential and existing consumers, and the formation of the trade mark concentrated round representation about competence corresponding this criteria should be the primary goals for industrial experts in marketing, according to the given method.

Keywords: marketing communications, sales, industrial market

«Маркетинг в сфере Business to Business (B2B) – это маркетинг продуктов и сервисов другим компаниям, государственным учреждениям и на рынке организаций

(больницы, школы и т.п.)¹». В зависимости от способа измерения на рынок B2B может приходиться более 40% от всех национальных, межгосударственных и мировых

транзакций. Ф. Котлер выделяет следующие ключевые отличия B2B от потребительского рынка (Business to Customers (B2C))²: производный спрос и необходимость работать с закупочным центром. Другие авторы предлагают более обширные перечни характеристик, различающих эти два рынка. Тем не менее, по словам Рэя Райта³, бытует мнение, о том, что доступная информация о B2B секторе как на академическом, так и на прагматическом уровнях отсутствует. Когда начинается поиск информации об этой важной стороне бизнеса, оказывается, что подходящего материала слишком мало.

Продавцы на промышленном рынке ищут способы донести информацию о своем продукте, а также сам продукт до потребителя. Для этого им необходимо выстроить маркетинговые коммуникации максимально эффективным способом и необходимо искать самые результативные способы продаж. Конечно, те же самые цели стоят перед продавцом на потребительском рынке. Но, как мы уже сказали, между этими рынками есть ряд бесспорных различий, поэтому мы бы хотели в своих тезисах привлечь внимание к тому, что появляются методы ведения продаж, а также способы построения маркетинговых коммуникаций, разработанные специально для рынка B2B.

Метод использования хозяйственных ситуаций⁴ или кейс метод создан С.Миннеттом специально для промышленных рынков. Основными задачами для промышленных маркетологов, в соответствии с данным методом, должно быть уяснение критериев принятия решений, используемых потенциальными и существующими потребителями, и формирование торговой марки, сконцентрированное вокруг представления о компетентности соответствующей этим критериям.

Чтобы влиять на формирование торговой марки, продавец готовит описание конкретной ситуации, где он смог разрешить проблемы потребителя. В такой ситуации наглядно демонстрируется, как именно компания смогла помочь клиенту. Соответствующим образом зафиксированный кейс помогает выявить критерии принятия решений, используемые потребителями, и понять, как «дифференциаторы» (отличительные особенности) соответствующего продукта смогли или не смогли удовлетворить этим критерия.

Метод кейс маркетинга остался бы только концепцией, если бы способ информирования потенциальных клиентов о результатах, которых продавец помог достигнуть своим клиентам, также не являлся частью метода. Так С.Миннетт в своей книге рассказывает про редакционный канал как канал маркетинговых коммуникаций, который лучше всего подходит для промышленных рынков, а также про то, как лучше всего подготовить материалы для редакционного канала, чтобы получить наилучшую отдачу.

Основной мотив создания высококачественных редакционных материалов – это попытка справиться с информационным хаосом. Если редактор, читатель или клиент воспринимает материал, подготовленный компанией-продавцом, как содержательный, «читабельный», привлекательный и достаточно понятный, то можно считать, что компания добилась конкурентного преимущества над своими соперниками.

Метод продажи ценности⁵, так же как и метод хозяйственных ситуаций, разработан специально для рынка промышленных товаров. Но если в последнем главный акцент делается на том, как накопленные кейсы использовать в рек-

ламе и PR компании и продукта, то в методе продажи ценности, главное это инструменты продаж.

Управление потребительской ценностью – это практический подход к деятельности на деловых рынках, преследующий две основные цели: 1. Обеспечить целевые сегменты рынка и целевые компании повышенной ценностью; 2. Получить справедливое вознаграждение за предоставленную ценность. Чтобы получить справедливое вознаграждение за ценности, обеспеченную торговым предложением, поставщик должен уметь убедительно продемонстрировать и документально подтвердить повышенную – в сравнении с ближайшей альтернативой – ценность, которую он предоставил клиенту.

Демонстрировать повышенную ценность необходимо. Но следующим шагом мастерства продаж является не просто демонстрация ценности на конкретных «чужих» ситуациях, но документальное подтверждение экономии затрат и дополнительная прибыль, полученная клиентом в данной конкретной ситуации клиента. К примеру, в кейс методе продавец оттачивается на том, что готовит к выигрышной презентации «чужую» историю, пусть и очень впечатляющую. Но при предложении повышенной стоимости поставщик идет дальше и вместе со своими клиентами определяют критерии, по которым они будут отслеживать достигнутую экономию затрат и пророст прибыли, а после оговоренного периода времени совместно с менеджерами клиента оценивают результаты.

В заключение анализа поставщик составляет «текстовые уравнения ценности» и пишет «истории получения ценности». Уравнение выражает с помощью слов и математических знаков способ оценки разницы в функциональности и

производительности между предложением поставщика и ближайшей альтернативой по ценности и способ конвертирования такой разницы в денежное выражение. Истории получения ценности же – это отчеты, отражающие экономию затрат и добавленную стоимость, которые получили отдельные клиенты, приняв рыночное предложение поставщика.

Приведенные как пример методы разработаны специально для рынка B2B. Подобные методики востребованы рынком и обладают большим практическим потенциалом, что обуславливает и высокий теоретический потенциал изучения промышленных рынков.

Литература

1. Андерсон Дж., Кумар Н., Нэрус Дж. B2B Продавцы ценности: как добиться увеличения продаж на рынках B2B, не прибегая к снижению цен; пер. с англ. Е.Л. Дубовик. – Минск: Гревцов Паблицер, 2009
2. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Дж., Вонг В.: Основы маркетинга. Второе европейское издание, 2002
3. Миннетт Стив., Маркетинг B2B и промышленный брендинг: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2008.
4. Райт Р. B2B маркетинг: пошаговое руководство. Пер. с англ. Теплых О.В., Днепрпетровск: Баланс Бизнес Букс, 2007
5. Robert F. Dwyer and John F. Tanner: Business Marketing – Connecting Strategy, Relationships, and Leading, 3rd edition, 2006

Ссылки:

- 1 Robert F. Dwyer and John F. Tanner: Business Marketing – Connecting Strategy, Relationships, and Leading, 3rd edition, 2006
- 2 Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Дж., Вонг В.: Основы

маркетинга. Второе европейское издание, 2002

3 Райт Р. В2В маркетинг: пошаговое руководство. Пер. с англ. Теплых О.В., Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2007

4 Миннетт Стив., Маркетинг В2В и промышленный брендинг:

Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2008.

5 Андерсон Дж., Кумар Н., Нэрус Дж. В2В Продавцы ценности: как добиться увеличения продаж на рынках В2В, не прибегая к снижению цен; пер. с англ. Е.Л. Дубовик. – Минск: Гревцов Паблицер, 2009

Коммуникативные средства разжигания вражды в обществе на примере грузино-осетинского конфликта в августе 2008 г.

Барихина М.А., Шустер О.В.,

студенты, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет,

E-mail: barikhina-shuster@yandex.ru

Мы живем в информационном обществе, в мире, где все ценности прошлого отходят на второй план, а первостепенными становятся обмен информацией. В работе мы исследуем 40 статей российских и 40 статей зарубежных печатных СМИ и Интернет-обозревателей, в которых отображаются события грузино-осетинского конфликта в августе 2008 года. С лингвистической точки зрения, данное исследование помогло сделать вывод, что разнообразные типы языков вражды используются средствами массовой информации для влияния на настроения масс и общественное мнение. С социологической точки зрения, данная работа выявила влияние языка вражды на социальные процессы. Данная проблема особенно актуальна в условиях глобализации.

Ключевые слова: коммуникация, военный конфликт, информация

Barikhina M. A, Shuster O.V.

Communicative means of kindling of enmity in a society on an example of the Georgian-Osset conflict in August, 2008

We live in an information society, in the world where all values of the past fade into the background, and paramount become information interchange. In work we investigate 40 articles of Russian and 40 articles of foreign printing mass-media and Internet observers in which events of the Georgian-Osset conflict in August, 2008 are displayed. From the linguistic point of view, the given research has helped to draw a conclusion that various types of languages of enmity are used by mass media for influence on moods of weights and public opinion. From the sociological point of view, the given work has revealed influence of language of enmity on social processes. The given problem is especially actual in the conditions of globalisation.

Keywords: communications, the military conflict, the information

Мы живем в информационном обществе, в мире, где все ценности прошлого отходят на второй план, а первостепенными становятся обмен информацией, коммуникации. Средства массовой информации в нашу эпоху играют очень важную роль в жизни общества. Нам видится закономерным использование СМИ для разжигания национальной, политической, социальной и других видов вражды. В нашей работе мы исследуем 40 статей российских и 40 статей зарубежных печатных СМИ и Интернет-обозревателей, в которых

отображаются события грузино-осетинского конфликта в августе 2008 года. Основным методом в нашем исследовании является контент-анализ.

Вышеприведенные источники были исследованы нами на предмет содержания в них языка вражды.

Язык вражды – вся совокупность текстов (а также заголовков, фотографий и иных элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни¹. Российские СМИ мы рассматривали с точ-

ки зрения разжигания вражды по отношению к грузинскому народу, иностранные – по отношению к русскому.

В рамках исследования российских СМИ мы взяли передовые печатные издания и Интернет – обозреватели, такие как «Известия», «Аргументы и факты» и т.д. Мы обнаружили следующие способы вызывания агрессии и вражды по отношению к грузинскому народу:

- Указание в целях дискредитации на действия грузинской стороны в интересах других стран (21 случай). Пример: «Америке выгоден информационный шум – тоталитарная злая Россия ввела войска в маленькую, но гордую демократическую Грузию». (Газета.ру)

- Цитирование ксенофобных высказываний (14 случаев). «Нет сомнений, что грузинские власти надеялись за несколько часов закончить военную операцию и за минуты до начала Олимпийских игр в Пекине поставить мировое сообщество перед фактом: Южной Осетии больше не существует». («Аргументы и факты»)

А также:

- Упоминание грузинской стороны в уничижительном контексте (13 раз случаев).

- Создание негативного образа Грузии в целом (21 случай).

- Дискредитация грузинской стороны через ее обвинения России в развязывании войны (13 случаев).

- Обвинение в геноциде (7 случаев).

- Неявные призывы к насилию и дискриминации (4 случая).

- Прямые и непосредственные призывы к насилию в отношении грузинской стороны (3 раза).

Также мы провели анализ отношения автора к враждебным высказываниям или цитатам, представленным в его статье. В большинстве случаев оно было положительным.

Кроме того, мы исследовали статьи западных изданий, которые переведены на русский язык на российских интернет-сайтах. Такая информация может быть недостоверной и должна стать предметом отдельного научного анализа.

Преимущественно были исследованы статьи, взятые из печатных изданий США, Великобритании и Германии. Нами были выявлены основные виды проявления языка вражды:

- Упоминание России в оскорбительном контексте (20 случаев). Пример: «С утверждений России о том, что она играет в Грузии роль миротворца, слетел последний фиговый лист». («The Guardian», Великобритания)

- Обвинение российской стороны в развязывании войны, открытии огня, бомбежке мирного населения (14 случаев). Пример: «Бои разразились вскоре после того, как президент Грузии Саакашвили торжественно призвал к прекращению огня». («The Times», Великобритания)

- Обвинения в развязывании конфликта, поддержке сепаратистов (11 случаев). Пример: «Россия почти два десятилетия оказывала сепаратистским республикам помощь деньгами и оружием, чтобы сохранить Грузию слабой и разобщенной». («Daily Mail», Великобритания)

- Обвинения в угрозе Грузии и Западу (10 случаев). Пример: «Насилюя Грузию, Россия нападает на американского союзника». («New York Post», США)

А также:

- Сравнение с историческим прошлым России или с историческими примерами, осуждаемыми мировым сообществом (7 случаев).

- Указание на корыстные цели России (5 случаев).

- Обвинение в нарушении целостности и автономии Грузии,

вторжении на территорию чужого государства (2 случая).

- Непринятия Россией роста положения Грузии на мировой арене (2 случая).

С лингвистической точки зрения, данное исследование помогло сделать вывод, что разнообразные типы языков вражды используются средствами массовой информации для влияния на настроения масс и общественное мнение. Находясь в состоянии постоянной информационной войны, наш мир сегодня рискует «утонуть» в пучине суггестивного воздействия на умы обывателей.

С социологической точки зрения, данная работа выявила влияние языка вражды на социальные процессы. Средства массовой информации, как один из инструментов коммуникации, влияют на политические, экономические, культурные и иные процессы в обществе. Социальные отношения, возникающие на основе дезинформации в СМИ, носят агрессивный характер и ведут к росту уровня

конфликтогенности в социуме. Данная проблема особенно актуальна в условиях глобализации.

Литература

1. Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма, под ред. проф. М.В. Горбаневского, Издательство Юридический Мир, М., 2006

2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. Пер. Л.Ю.-Пантина. – М.: РОСПЭН, 2002

3. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. – М.: Аспект-Пресс, 1995;

Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Под ред. А. Верховского. М., 2002.

Ссылки:

1 Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Под ред. Верховского. А.: М., 2002

Отношения между социальными позициями в байкерской субкультуре

Гаук А. В.,

аспирантка, Уральский государственный технический университет – УПИ им. первого президента России Б.Н. Ельцина, факультет гуманитарного образования, Екатеринбург, E-mail:gauk@bk.ru

Социальное пространство, отражаясь в сознании людей, приобретает вторую реальность. Она существует как духовная реальность, формирующая поведение попавших в нее индивидов. Непосредственными причинами их действий в большинстве случаев являются не сами объективные феномены физического или социального пространства, а приписываемые им смыслы, то есть знаки. Социальные позиции и отношения между ними можно проследить в социальном пространстве субкультур. В работе приведены данные об особенностях статусных позиций в байкерской субкультуре. Автором был проведен социологический опрос в июле 2008 года на байк-шоу. Задача исследования – изучение стилизованных особенностей байкерской субкультуры.

Ключевые слова: социальные роли, субкультура, байкеры, социальное пространство

Gauk A.V.

Relations between social positions in biker subculture

Social space, being reflected in consciousness of people, gets the second reality. It exists as spiritual the reality forming behaviour of individuals which has got to it. Immediate causes of their actions in most cases are not objective phenomena of physical or social space, and senses attributed by it, that is signs. Social positions and relations between them can be tracked in social space of subcultures. In work the data about features of status positions into subculture is cited. The author had been spent sociological interrogation in July, 2008 on «bike» show. The research problem – studying of style features subcultures. Keywords: social roles, subculture, bikers, social space

Индивиды, играя предписанные им социальными институтами роли, воспроизводят эти институты,

обеспечивающие, в свою очередь, воспроизводство социальных общностей, расположенных в иерар-

хическом порядке. Институциональный порядок, по словам П.Бергера и Т.Лукмана, реален лишь постольку, поскольку он реализуется в исполняемых ролях, а с другой стороны – роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер и придает им объективный смысл.

Социальное пространство, отражаясь в сознании населяющих его людей, приобретает вторую реальность – знаковую разметку. Она существует как духовная, надиндивидуальная реальность, формирующая поведение попавших в нее индивидов. Непосредственными причинами их действий в большинстве случаев являются не сами объективные феномены физического или социального пространства, а приписываемые им смыслы, то есть знаки. Исключением являются лишь непосредственные физические столкновения индивидов с этими феноменами.

Социальные позиции и отношения между ними можно проследить в социальном пространстве субкультуры. Так, например, в байкерской субкультуре член любого байкерского клуба проходит путь от низшей ступени «support», до самой высшей «officer». Подобное продвижение по иерархической лестнице можно причислить к индивидуальным статусным позициям. Но нужно отметить, что понятие социального статуса имеет в общественных науках далеко не однозначный смысл.

Для того, чтобы легче и издали различать к какому клубу принадлежит человек и какой у него статус, каждый мотоклуб имеет свою символику – «цвета». Обычно это три цветные нашивки агрессивного содержания, которые пришиваются на спину кожаного жилета. Отсюда в сленге выражение «надеть жилетку», означающее вступление в мотоклуб. Как

правило, верхняя нашивка несет название мотоклуба, нижняя нашивка – название города расположения, центральная – «мишень» – изображение эмблемы клуба. Они являются не только маркером, отличающим «своих», но и знаками различия. «Support» – это байкер общающийся с клубом, членом которого желает стать в последствии («hang around» – ходящий около), либо свободный байкер – протеже одного из членов клуба, как правило, имеет право носить только нижнюю нашивку. «Prospect» – это претендент на звание члена клуба, может быть из числа суппортов, либо за него поручились, как минимум, три члена клуба, либо протеже одного из офицеров носит нижнюю и верхнюю. «Мембер» носит полные цвета. Хотя у «Ангелов ада» «hang around» носит лишь маленькую «ненастоящую» нашивку на левом борту жилета, «prospect» получает нижнюю нашивку на спину, а «member» также носит все три. Офицеры носят специальную нашивку с обозначением звания на левом борту жилета. Иногда там же носится нашивка с именем или кличкой владельца. Некоторые байкеры, для которых эта культура стала не просто частью жизни, а всей жизнью, могут сделать себе татуировку в виде цветов клуба, но с разрешения совета клуба, чем они навсегда связывают свою жизнь с жизнью клуба. Конвенции о форме, размере нашивок, и прочих деталях между клубами не существует. То есть, жилет у байкеров играет ту же роль, что парадный мундир у военных.

Соответственно и отношения в клубе строятся по принципу жесткой иерархии. «Support» подчиняется проспектам и «мемберам», «проспект» – «мемберам» и все три категории – требованиям устава, офицерам и президенту. Система

поощрений и наказаний также выработана под эту структуру.

Основные поощрения – это быстрое продвижение по иерархической лестнице и освобождение от членских взносов. Наказания – исправительные работы, денежный штраф (практикуется крайне редко), временное лишение прав и привилегий и изгнание из клуба. Последнее наказание считается самым серьезным и на байкерском сленге называется «расшить». Имеется в виду, что изгоняемый лишается права носить нашивки с символикой клуба. Более того, сам кожаный жилет, который каждый приобретает самостоятельно, с того момента как на него пришиты «цвета» считается собственностью клуба. Процедура изгнания выглядит примерно так: в помещении клуба проходит общее собрание, если обвиняемый имеет низкий ранг. Если рассматривают проступки «мембера» и тем более «офицера», то может быть назначено собрание только «мемберов», хотя это происходит не всегда. Все допущенные могут выразить свое мнение, в конце полемики высказываются «офицеры», но только «мемберы» имеют право голоса. Если принято решение об изгнании члена клуба, то он немедленно снимает жилет с «цветами», оставляет его и покидает здание клуба.

Власть в мотоклубах осуществляется в соответствии с иерархической структурой. Главная фигура – Президент, который возглавляет клуб и ведет собрания. В некоторых клубах он имеет право дополнительного голоса. Следующее звено образуют «офицеры», оно может называться по-разному, например, «Исполнительный совет». Несмотря на название, он обладает не только исполнительной, но и законодательной, и судебной властью: может вносить изменения в устав и налагать дисциплинарные взыска-

ния на членов клуба и «суппортов».

В данной работе приведены данные об особенностях статусных позиций в байкерской субкультуре. Автором был проведен социологический опрос в июле 2008 года на байк шоу, которое проводил один из байкерских клубов города Екатеринбурга «Черные ножи». Задача исследования – изучение стилевых особенностей байкерской субкультуры. В частности, опрос показал, что для 50% респондентов членство в байкерском клубе имеет значение, для 35% членство в байкерском клубе не имеет значения (все они не являются членами клубов), 15% затруднились ответить.

Так же был проведен социологический опрос в июле 2008 года на байк шоу, которое проводил один из байкерских клубов города Екатеринбурга «Черные ножи». Задача исследования – изучение особенностей лексики в байкерской субкультуре. В частности, опрос показал, что сленговые выражения употребляют по жизни – 29% опрошенных; среди своих 18%; в случае необходимости 51% и не употребляют сленговые 2% респондентов.

Из приведенных выше сведений можно сделать вывод о межролевом общении в байкерских клубах. Отношения между членами клуба иерархично выстроены и практически не изменились с момента их возникновения. Байкер может получать информацию о другом байкере не вступая с ним в диалог, т.е. визуально: получение информации о принадлежности человека к какому-либо клубу по «цветам». При вербальном общении употребляют определенные сленговые выражения. При коммуникации друг с другом используют жесты – символы, присущие только данной субкультуре. Благодаря разным способам коммуникаций, байкеры могут общаться на международном уровне.

Российский дауншифтинг

Семко С.В.,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, E-mail: ma_bell@inbox.ru

Термин «downshifting» происходит от английских слов «down» и «shift», буквально — «перемещение вниз», «спуск»; в автомобильной терминологии — «включение пониженной передачи». В первую очередь социологи и стали понимать под этим понятием добровольный отказ от перемещения вверх по карьерной лестнице ради иных жизненных ценностей, прежде всего семьи, хобби, психологического комфорта и заботы о собственном здоровье. Ученые выделяют три основных способа дауншифтинга: снижение рабочих часов, прекращение работы или изменения в карьере, с сопутствующим снижением дохода, и уход с работы для продолжения учебы. Выделяют постоянный и временный дауншифтинг. Следует отметить, что дауншифтинг — явление, в большей степени характерное для Европы, США и Австралии. В России такая страта общества — дауншифтеры — не сформирована, однако количество дауншифтеров растет. На сегодняшний день, дауншифтеры представляют меньшинство, однако, их количество может постепенно увеличиться в ходе трансформации общественного устройства. Дальнейшее исследование дауншифтинга, особенно в России, представляет большой научный интерес.

Ключевые слова: дауншифтинг, общество потребления, социальный статус

Semko S.V.

Russian downshifting

The term «downshifting» occurs from English words «down» and «shift», it is literally — «moving downwards», «descent»; in automobile terminology — «hill-climbing gear inclusion». First of all sociologists began to understand as this concept voluntary refusal of moving upwards on a career ladder for the sake of other vital values, first of all families, a hobby, psychological comfort and care about own health. Scientists allocate three basic ways: decrease in working hours, cessation of work or changes in career, with accompanying decrease in the income, and going away from work for study continuation. Allocate constant and temporary downshifting. It is necessary to notice that downshifting — the phenomenon, in a greater degree characteristic for Europe, the USA and Australia. In Russia such strata societies it is not generated, however the quantity downshifting will thaw. For today, downshifting represent minority, however, their quantity can gradually increase during social system transformation. The further research downshifting, especially to Russia, represents the big scientific interest.

Key words: downshifting, consumer society, the social status

В первую очередь социологи стали понимать под понятием «дауншифтинг» добровольный отказ от перемещения вверх по карьерной лестнице ради иных жизненных ценностей, прежде всего семьи, хобби, психологического комфорта и заботы о собственном здоровье. Ученые выделяют три основных способа дауншифтинга: снижение рабочих часов, прекращение работы или изменения в карьере, с сопутствующим снижением дохода, и уход с работы для продолжения учебы. Выделяют постоянный и временный дауншифтинг. Временный дауншифтинг используется для разрешения внутренних конфликтов, устранения синдрома хронической усталости, решения других вопросов. На наш взгляд одной из причин дауншифтинга является расхождение между индивидуальными ценностями и теми, которые навязывает человеку социум, в частности, то место,

где он осуществляет свою трудовую деятельность.

Следует отметить, что дауншифтинг — явление, в большей степени характерное для Европы, США и Австралии. Он характерен для западных странах с развитой экономикой, стабильной политической системой и высоким уровнем жизни и потребления. Дауншифтинг постепенно начинает представлять собой социальное движение, а дауншифтеры — большую группу, образующую новую социальную страту.¹ В России такая страта общества — дауншифтеры — не сформирована, однако количество дауншифтеров растет.

Исследование, проведенное Australia Institute², показало, что за последний десяток лет около 23% жителей Австралии в возрасте 30–59 лет стали дауншифтерами (под дауншифтингом ученые понимали длительное добровольное изменение жизни, сопровождав-

шееся уменьшением дохода и потребления). Самые распространенные среди австралийцев способы спуска по социальной лестнице — это уменьшение количества рабочих часов (29%), переход на менее оплачиваемую работу (23%), полный отказ от работы (19%), смена сферы деятельности (19%). В качестве основной причины изменения своей жизни большая часть респондентов называет недостаток времени на семью (35%), на втором месте — желание вести более здоровый образ жизни (23%); дальше следуют чувство личного удовлетворения (16%), более гармоничная жизнь (16%) и более внимательное отношение к окружающей среде (12%). Среди опрошенных дауншифтеров только (34%) полностью довольны своей новой жизнью, (38%) довольны, но сожалеют об уменьшении дохода, (17%) респондентов называют себя счастливыми, но тяжело переносят сокращение доходов, а (9%) и вовсе несчастливы.

В 2003 году ученые Australia Institute выяснили, что в Великобритании за последние десять лет четверть населения в возрасте 30–59 лет сменила свой социальный статус на более низкий. Британские дауншифтеры не склонны мигрировать в сельскую местность. Важно отметить, что женщин среди них чуть больше, чем мужчин. Самый популярный способ дауншифтинга в Великобритании — прекращение трудовой деятельности (30%), далее следуют сокращение рабочего времени (22%), изменение сферы деятельности (20%), возвращение к учёбе (12%) и переход на менее оплачиваемую работу (11%). Профессор социологии Бостонского колледжа (Boston college) Джулиет Шор считает, что с 1990 по 1996 год переместились вниз о социальной лестнице 19% жителей США.

В каждой стране дауншифтинг приобретает специфические черты. В Англии дауншифтинг имеет экологический подтекст, в то время как в Австралии фокус смещён в сторону смены жилья и места проживания. В России дауншифтинг чаще всего воспринимают как прекращение работы и миграцию в страны Азии. В Индии, Гоа уже созданы коммуны российских дауншифтеров. Главное отличие российского последователя дауншифтинга от зарубежного в разных стартовых условиях: в странах с устойчивой экономикой и эффективными социальными программами отказ от карьеры и больших заработков — это, конечно, определенный риск, но не столь серьезный, как в России. Среди современных российских дауншифтеров наиболее ярким примером может быть Герман Стерлигов-предприниматель-миллионер, уехавший жить из Москвы в деревню.

В российских СМИ стали появляться новые статьи на тему ауншифтинга. Выходят книги российских авторов и телевизионные репортажи. К середине 2006 года в российском Интернете появились специализированные блоги и дауншифтинг стал массово обсуждаться в блогосфере. Проведя анализ упоминания в блогах Яндекса, выяснилось, что упоминаемость слова «дауншифтинг» с 2002–2008 годы в среднем возрастает в 2 раза ежегодно. Осенью 2006 года было создано российское сообщество приверженцев нового явления на базе «Живого журнала». Дауншифтеры ведут записи в «Живых журнала» и блогах, рассказывая о своей «новой» жизни. В странах запада по теме дауншифтинга проводятся различные мероприятия, в том числе конференции, конгрессы, уже четвертый год в Великобритании и США проводятся интернациональные и Национальные недели дауншифтинга.

На сегодняшний день, дауншифтеры представляют меньшинство, однако, их количество может постепенно увеличиться в ходе трансформации общественного устройства. Дальнейшее исследование дауншифтинга, особенно в России, представляет большой научный интерес.

Литература

1. Дрейк Дж. Дауншифтинг. М.: Добрая книга, 2007.
2. Лисова Е.В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология: электрон. журн. 2008. Т. 9, N 2. С. 56-65.
3. Прихидько А.И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психологические исследования, №1, 2008.
4. Breakspear C., Hamilton C. Getting a life: understanding the

downshifting phenomenon in Australia. Discussion papers. Canberra, 2004.

5. Hamilton C. Downshifting in Britain: a sea-change in the pursuit of happiness. Discussion papers. Cambridge, 2003.

6. Дауншифтинг в России: сообщество дауншифтеров [сайт]. URL: <http://www.downshifting.ru> (дата обращения 01.02.2009).

Ссылки:

1 Лисова Е.В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология: электрон. журн. 2008. Т. 9, N 2. С. 56-65.

2 Breakspear C., Hamilton C. Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia. Discussion papers. Canberra, 2004

Внедрение антикризисной PR-технологии на примере Пензенской области

Янборисова Э.Р.

аспирант, Пензенский государственный университет, Институт государственного и муниципального управления, Пенза, E-mail: yaelmi@rambler.ru

Современный экономический кризис – это нечто такое, что возникло в один миг. Роль института PR, как стабилизирующего фактора, серьезно усиливается, ведь от того, насколько виртуозно будет выполнена их работа будет зависеть социальная стабильность социума в будущем. Именно в период кризиса вопрос оптимизации процесса выходит на первый план. В связи с чем, каналы массовой коммуникации, как более затратные, пересматриваются, зачастую, в сторону на менее затратных. И напоследок, следует выделить этап оценки критериев результативности проведения PR-кампании, прежде чем она будет запущена. В настоящее время существует несколько подходов оценки, однако универсального нет. Выходом из сложившейся ситуации является их комбинаторное применение с учетом конкретной региональной специфики.

Ключевые слова: экономический кризис, качество жизни, самоуправление, PR-технологии

Janborisova E.R.

Introduction of antirecessionary PR-technology as an example of Penza Region

The modern economic crisis is something such that has arisen in a flash. Institute PR role as the stabilising factor, seriously amplifies, after all from that, will be how much masterly executed their work social stability of society in the future will depend. In crisis the question of optimisation of process leaves on the foreground. In this connection, mass communication channels as more затратных, are reconsidered, frequently, aside on less затратных. And at last, it is necessary to allocate an evaluation stage of criteria of productivity of carrying out of PR-campaign before it will be started. Now there are some approaches of an estimation, however universal are not present. An exit from a current situation is their combinatory application taking into account concrete regional specificity.

Keywords: Economic crisis, life quality, local government, PR-technologies

Проводимые в последнее время социально-экономические преобразования на федеральном и региональном уровнях власти нашли свое логическое продолжение на муниципальном уровне. Основ-

ная цель которых – укрепление социальной стабильности общества и улучшение качества жизни населения. Местное самоуправление на сегодняшний день является одновременно:

1. формой самоорганизации граждан (и в этом качестве – составной частью гражданского общества);

2. уровнем публичной власти (инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами);

3. элементом рыночной экономической системы (восполняя проблемы рынка в части оказания услуг жителям и координации хозяйственной деятельности).

Современная ситуация и обусловленные ей последствия, диктуют необходимость принятия экстренных мер. Нельзя сказать, что современный экономический кризис – это нечто такое, что возникло в один миг. В октябре-ноябре 2007 года Институтом Региональной политики было проведено исследование методом экспертной оценки, в котором приняли участие 46 человек из числа ведущих представителей власти, бизнеса и силовых структур Пензы. Результаты исследования показали, что деловое сообщество оценивало в тот момент инфляцию на 2008 год на уровне 52%, а рост промышленного производства – на уровне 4% [2]. Очевидно, что деловые круги Пензы предчувствовали кризис.

Иными словами, сложившаяся ситуация была вполне предсказуемой, особенно в социально-политической сфере – налицо резкий рост протестных настроений. По данным опроса, проведенного в рамках мониторинга социально-политической активности населения накануне выборов в муниципальные органы власти 48,8% респондентов ответили, что не пойдут на выборы, 14,7% – затруднились с ответом. В данном случае, роль института PR, как стабилизирующего фактора, серьезно усиливается, ведь от того, насколько виртуозно будет выполнена их работа будет зависеть социальная стабильность социума в будущем.

Именно в период кризиса вопрос оптимизации процесса ресурсораспределения выходит на первый план. В связи с чем, каналы массовой коммуникации, как более затратные, пересматриваются, зачастую, в сторону на менее затратных. При этом, безусловно, теряется информационная охваченность целевой группы. Что же касается органов местного самоуправления, в силу сложившейся специфики (роли посредника между государством и гражданином), особенно в исторически сложные периоды, целесообразно активное использование всего арсенала PR, как инструмента, способствующего снижению социальной напряженности региона, рассмотренного на примере данной статьи, речь в которой пойдет о поэтапном внедрении алгоритма антикризисной PR-технологии.

Первое, что необходимо сделать – это провести оценку ситуации. На данном этапе целесообразно применение экспресс-диагностики, комбинирующей в себе следующие методы: анализ статистических данных, качественный анализ обращений в общественные приемные, анализ публикаций, репортажей оппозиционных СМИ, (если таковые есть), анализ слухов, проведение самостоятельного опросов, либо использование результатов исследований региональных центров исследования общественного мнения. Безусловно, это далеко не полный перечень мероприятий данного этапа. И вовсе не обязательно проводить их все, тем более в период дефицита временных, финансовых и/или иных ресурсов.

Следующий этап – проведение анализа кризисной ситуации. Здесь следует определиться с наиболее острыми (требующими экстренного вмешательства) проблемами. Очень важно найти истинную причину, а не последствия, которые зачастую бывают на по-

верхности. Следует учесть и тот факт, что ошибившись в определении корневой проблемы, острота ситуации снята не будет, и, возможно, это может даже усугубить сложившуюся ситуацию.

Очередной этап - работа с социальным «носителем» проблемной ситуации. По итогам, предыдущего этапа выделяют социальную группу, которая является «носителем» этой проблемы. Например, если вопрос касается ужесточения условий для малого бизнеса, значит целевая группа - это субъекты малого бизнеса или представители каких-то его направлений. Тогда необходимо начинать работу именно с ними или их представителями - специализированными общественными организациями. Это своеобразная модель целевой группы. Особое внимание следует обратить на качество подбора респондентов. Это очень важный момент, являющийся, пожалуй, переломным этапом кампании. Широко применяемый в маркетинге и рекламе, он практически не используется службами органов местного самоуправления. Безусловно, это упирается в вопрос квалификации кадров и последующей целесообразности нахождения подобных специалистов в штате. Однако, в качестве альтернативного решения данного вопроса, возможно и даже необходимо привлечение сторонних специалистов под конкретный объем работ.

На следующем - «Консенсусном» этапе обычно проводятся рабочие встречи, анализ и разработка нормативно-правовых документов, способствующих сближению интересов и снижению социальной напряженности.

На этапе широкого информирования общественности, помимо самих целевых групп охватываются также «сочувствующие» и «зависящие». В силу относительно слабой трансляционности НКО,

становится очевидной необходимость включения в данный процесс муниципальных PR-служб, основной характеристикой которых является массовый охват целевой аудитории и широкий инструментальный диапазон.

В силу ограниченности ресурсов необходимо задумываться еще и об оптимизации их использования. Тем более, что бюджеты муниципалитетов по статистическим данным находятся в дефиците. По данным Госкомстата за 2007 г. из 14 субъектов ПФО лишь у одного наблюдается положительное сальдо местного бюджета. Кроме того, зачастую, остро стоящие вопросы выходят за пределы компетенции муниципалитетов.

Следует отметить? что возможность использования данного алгоритма в органах власти сейчас детально рассматривается и первым шагом в его реализации станет проведение семинара для муниципальных служащих, занятых в сфере PR.

И напоследок, следует выделить этап оценки критериев результативности проведения PR-кампании, прежде чем она будет запущена. В настоящее время существует несколько подходов оценки, однако универсального нет. Выходом из сложившейся ситуации является их комбинаторное применение с учетом конкретной региональной специфики.

Литература

1. Игнатов В.Г., Рудой В.В. (2005) Местное самоуправление / Учеб. пособ.; 3-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2005.
2. Мануйлов В.И. Власть и выборы в условиях нарастающего кризиса. // «Улица Московская». № 49 (277) от 26 декабря 2008 г.
3. Основы теории коммуникации / Под ред. М.А. Василика. - М.: Гардарики, 2006.

Религиозный фактор в обеспечении социально-политической безопасности на Юге России

Аникеева А.В.,

студент, Ставропольский государственный университет, Ставрополь, E-mail: sasha_1105@mail.ru

Религия как социальный институт оказывает определенное влияние на различные стороны общественной жизни. В периоды социальных кризисов религиозный фактор становится одной из наиболее влиятельных сил, используемых различными социальными и политическими группами в собственных интересах.

С целью изучения общественного мнения о влиянии религии на социально-политическую обстановку в Южном федеральном округе в январе – апреле 2008 г. нами было проведено пилотное социологическое исследование. Население в целом положительно оценивает социально-политическую ситуацию в регионе, однако отмечает наличие нерешенных проблем. Религия не играет однозначной роли в социально-политическом развитии, но духовные лидеры мусульман более активно участвуют в решении проблем и урегулировании конфликтов. Необходимым условием обеспечения безопасности на Юге России сегодня является контроль над основными факторами, представляющими угрозу социально-политической стабильности, пресечение деятельности радикальных исламских движений, а также разрешение противоречий.

Ключевые слова: социальная безопасность, религия, социальный институт, социальные изменения

Anikeeva A.V.

The religious factor in maintenance of sociopolitical safety

The religion as social institute makes certain impact on the various parties of a public life. During the periods of social crises the religious factor becomes one of the most influential forces used by various social and political groups in own interests. For the purpose of public opinion studying about influence of religion on sociopolitical conditions Southern federal district in January – April, 2008 we had been carried out pilot sociological research. The population as a whole positively estimates a sociopolitical situation in region, however marks presence of unresolved problems. The religion does not play an unequivocal role in sociopolitical development, but spiritual leaders of Moslems participate in the decision of problems and settlement of conflicts more actively. A necessary condition of safety in the south of Russia today is the control over the major factors posing threat of sociopolitical stability, suppression of activity of radical Islamic movements, and also the permission contradictions.

Keywords: Social safety, religion, social institute, social changes

Религия как социальный институт оказывает определенное влияние на различные стороны общественной жизни. В периоды социальных кризисов религиозный фактор становится одной из наиболее влиятельных сил, используемых различными социальными и политическими группами в собственных интересах.

По мнению некоторых исследователей, конфессиональный фактор создает на Юге России определенные предпосылки к развитию сепаратизма, что обусловлено в первую очередь политизацией ислама и конкуренцией его различных направлений за влияние в обществе (Лубский, 2005). А религиозные различия и внутриконфессиональные противоречия зачастую оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в регионе.

Однако столь однозначная трактовка роли религии не является

объективной. Официальные структуры Русской православной церкви и Духовные Управления мусульман, совместно выступая против экстремизма, национальных конфликтов, пропаганды тоталитарных сект, могут стать фактором, стабилизирующим этноконфессиональные процессы и обеспечивающим безопасность в регионе.

С целью изучения общественного мнения о влиянии религии на социально-политическую обстановку в Южном федеральном округе в январе – апреле 2008 г. нами было проведено пилотное социологическое исследование, в котором принимали участие 100 человек из четырех субъектов Южного федерального округа: Ставропольского края, Карачаево-Черкесии, Калмыкии и Чеченской Республики. Среди опрошенных оказались представители 14 национальностей, по вероисповеданию 39% - православные христиане, 44% - мусульмане, 11% - буд-

дисты и 6% - представители других религий и неверующие.

Прежде всего, наблюдается значительная разница в уровне религиозности населения республик и Ставропольского края. В Чеченской республике 100% респондентов утвердительно ответили на вопрос о вере. Соответственно, в крае намного меньше опрошенных считают себя верующими и четко определили свою религиозную принадлежность (71,1%).

Социально-экономическая и политическая нестабильность, миграционные процессы, частые террористические акты и межнациональные столкновения влияют на общую оценку населением социально-политической обстановки в регионе. Большинство респондентов оценивает ее как в целом стабильную с определенными проблемами, однако значительная доля опрошенных считает, что ситуация напряженная или крайне нестабильная (48,9% - в Ставропольском крае и 46,7% - в Калмыкии). А в Чеченской Республике ни один респондент не дал негативной оценки.

Значительная часть опрошенных отмечает благоприятное влияние традиционных конфессий, однако 20% считают, что ни одна из религий не оказывает сегодня положительного воздействия на социально-политические процессы в регионе. Негативное влияние, по мнению респондентов, оказывают радикальные исламские движения и некоторые протестантские конфессии (адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы и др.).

Каждый четвертый либо сам был участником конфликта на религиозной почве, либо знает людей, которые с этим сталкивались. Причем наиболее часто такие ситуации возникали в субъекте проживания респондента. Нельзя сказать, что представители какой-то

конфессии более конфликтны. И мусульмане, и православные, и буддисты сталкиваются с подобными проблемами одинаково часто.

Наиболее остро, по мнению респондентов, в Ставропольском крае проявляются противоречия между православными и мусульманами (62,6%), в Калмыкии - между мусульманами и буддистами (40%), а в Карачаево-Черкесии и Чеченской Республике возникают внутриконтрессиональные конфликты среди мусульман, связанные с неустойчивостью и соперничеством официальных исламских структур - Духовных Управлений мусульман, противоборством традиционного ислама и его радикальных направлений, противоречиями между духовными лидерами, представляющими разные этнические группы.

Мнения респондентов о роли религии в целом и религиозных лидеров разделились. В традиционных исламских регионах опрошенные отмечают высокую роль религиозных лидеров в решении социально-политических проблем, урегулировании конфликтов, а в Калмыкии и Ставропольском крае - наоборот, считают, что сегодня религиозные лидеры и религия не играют в регионе значительной роли (таких 40% в Калмыкии и 27% в Ставропольском крае). Причем 36 человек из ста считают, что влияние религии в зависимости от ситуации может быть как положительным, так и отрицательным, а 7% говорят о том, что религия сегодня разделяет общество на христианское/нехристианское, мусульманское/немусульманское, усугубляя этнические противоречия. И только 14% отметили, что религия сегодня играет объединяющую роль для представителей разных этнических групп и слоев населения.

Более 50% респондентов знают о действующих на территории

региона экстремистских организациях религиозного характера. Наибольшая доля таких в Ставропольском крае (51,1%) и Чеченской Республике. А вот опрошенные из Карачаево-Черкесии наиболее неопределенно отвечали на этот вопрос. Среди них самая высокая доля тех, кто сказал, что не интересовался этими вопросами (53,3%). Хотя именно эта республика – одна из тех, где получило развитие экстремистское подполье.

Таким образом, население в целом положительно оценивает социально-политическую ситуацию в регионе, однако отмечает наличие нерешенных проблем. Религия не играет однозначной роли в социально-политическом развитии, но духовные лидеры мусульман более активно участвуют в решении проблем и урегулировании конфликтов. Необходимым условием обеспечения безопасности на Юге России сегодня является

контроль над основными факторами, представляющими угрозу социально-политической стабильности, пресечение деятельности радикальных исламских движений, а также разрешение этноконфессиональных противоречий.

Литература

1. Добаев И.П. Исламский фактор и проблемы национальной безопасности на Юге России // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа / Под. ред. Г.Г. Матишова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. – С. 37-48.

2. Задворнов И.А. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // СОЦИС. – 2000. – № 10.

Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии // Южнороссийское обозрение. – 2005. – Вып. 28.

Глобальный кризис как результат флуктуации экономических условий

Вершинина И.А.,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметом анализа является процесс глобализации в современном мире. Рассматривается роль государства в условиях экономического кризиса. Причины кризиса трактуются через теорию социокультурной динамики П. Сорокина.

Ключевые слова: глобализация, кризис, общество, государство, экономика, культура.

Vershinina I.A.
Global crisis as result of fluctuation of economic conditions

The object of analysis is the process of globalization in the contemporary world. The author examines the role of the state at the time of the economic crisis. The causes of the crisis are explained on the basis of the theory of social and cultural dynamics of P. Sorokin.

Keywords: globalization, crisis, society, state, economic, culture.

Современный этап развития человечества характеризуется глобализацией общественных процессов, мировой экономики и многих других явлений. Это означает, что в современную эпоху человечество входит в единую систему социаль-

но-экономических, политических, культурных и иных связей и отношений.

Глобализация оказала воздействие на все сферы жизнедеятельности современного общества. Ее роль в современном мире огром-

на, она влияет как на события мирового масштаба, так и на нашу повседневную жизнь: «Глобализация перестраивает наш образ жизни, и весьма основательно. Она надвигается с Запада, несет сильный отпечаток экономического и политического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям» [2; с. 19-20].

Глобализация в экономической сфере предполагает рост взаимозависимости различных секторов мировой экономики, которая проявляется в том, что развитие и стабильность одной экономики становятся невозможными без развития и стабильности других экономик.

В последнее время все чаще можно услышать разговоры о необходимости регулирования международного экономического пространства, мировые финансовые рынки сравниваются с чудовищем, которое нужно поставить на место. Главная роль в этом процессе отводится организациям, возникшим после подписания Бреттон-Вудских соглашений. Несмотря на кризис Бреттон-Вудской системы, институты, созданные в ее рамках, МБРР, МВФ, Всемирный банк и ГАТТ, преобразованная в 1990-х гг. в ВТО, продолжают оказывать существенное влияние на мировую экономическую систему. Причем некоторые полагают, что власть их, наоборот, возросла [1; с. 226], но проблема заключается в том, что она используется преимущественно в интересах отдельных игроков мирового экономического пространства. Международные организации становятся все менее подконтрольными каким-либо социальным силам и национальным государствам. А следовательно их действия оказываются не всегда столь эффективными, как хотелось бы в условиях стремительно меняющегося мира.

Усиление роли международных организаций сегодня необходимо во многом вследствие того, что мировая экономическая система, управляемая виртуальным капиталом, оказалась очень нестабильной, склонной к кризисам, которые в условиях глобализации быстро становятся мировыми. Во время финансовых кризисов надежды на их урегулирование возлагаются не на невидимую руку рынка, а на государство, власть которого стремительно снижается: «Интернационал больших денег постоянно подрывает именно то, к чему он в отчаянии обращается во времена кризисов, а именно: способность национальных государств и их международных учреждений предпринимать эффективные действия» [3; с. 133]. По крайней мере, экономический кризис, резко обрушивший фондовые рынки всего мира в середине сентября 2008 г. и продолжавшийся в 2009 г. свидетельствует именно об этом.

Нынешний кризис называется самым масштабным со времен Великой депрессии. Причем со времени последнего мирового кризиса прошло не так много времени: азиатский кризис, также затронувший экономики всего мира, разразился чуть более 10 лет назад – в 1997-1998 гг. В чем причина столь нестабильной ситуации в современном мире?

Если обратиться к теории социокультурной динамики П.А. Сорокина, 120 лет со дня рождения которого отмечается в 2009 г., то можно сделать вывод о закономерности тех кризисов, которые сотрясают человечество в последние годы. Согласно П.А. Сорокину, человечество вступило в фазу заката чувственной культуры, главным носителем которой является торгово-капиталистическая буржуазия [4; с. 668]. На стадии упадка чув-

ственной культуры класс капиталистов выполняет роль мощного динамита для основы, на которой сам стоит, ввергая весь мир в череду кризисов. Распад чувственной суперсистемы должен сопровождаться падением уровня производства, снижением уровня жизни и депрессиями. Это закономерный результат перехода от одной культурной системы к следующей. Кризис может быть преодолен лишь с отходом от ориентации на материальные блага и обращением к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям. Человечество, очистив-

шись трагедией, которая поможет разрушить чувственную суперсистему, начнет возрождаться благодаря идеациональной или идеалистической культуре.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2007.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
3. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

Изучение влияния СМИ на формирование общественного мнения в условиях “международной анархии” на примере Центральной Европы

Григорьев А.В.,

студент, Астраханский Государственный Университет, Астрахань, E-mail: proeu@yandex.ru

Актуальное состояние структуры международных отношений находит свое отражение в динамике общественного мнения относительно безопасности в конкретном регионе. Данная гипотеза была подтверждена на основе анализа изменения общественного мнения жителей Чехии и Польши относительно безопасности в Центральной Европе. В основе объяснения наблюдаемой динамики лежит постулат о решающем влиянии СМИ на формирование общественного мнения относительно международных отношений, который был подтвержден данными проведенного исследования.

Ключевые слова: Социология международных отношений, “международная анархия”, Центральная Европа, динамика общественного мнения, влияние СМИ на формирование общественного мнения

Grigoriev A.V.

The Studying of influence of mass-media on public opinion formation in conditions of «the international anarchy» on an example of the Central Europe

The actual state of the structure of international relationships has its reflection in dynamic of public opinion concerning the security in a considered region. This hypothesis was proved on the basis of the public opinion changing analysis in Poland and the Czech Republic concerning security in Central Europe. The explanation of the observed dynamic relies on the postulate about the decisive influence of Mass Media on the formation of public opinion concerning international relationships, which was proved by the data of the carried research.

Keywords: Sociology of international relationships, „international anarchy”, Central Europe, dynamic of public opinion, influence of Mass Media on public opinion formation.

Современное состояние структуры международных отношений можно охарактеризовать как “международная анархия как реальная многополярность”[2]. Формирование многополярного мира сопровождается увеличением рис-

ка межцивилизационных и геополитических противоречий, расширением конфликтного поля в мировой политике. Потребуется достаточно продолжительный период для институционализации новых систем международной безопасно-

сти, неперменной характеристикой которых должны стать баланс сил и взаимная ответственность нескольких держав или союзов. В настоящий момент мы наблюдаем обратную тенденцию: члены международных организаций часто действуют вне ее обязательств, подтверждением может послужить существовавшие планы администрации Дж. Буша по размещению ПРО в Европе. Рассмотренные особенности состояния международной системы безопасности находят свое отражение в социологическом аспекте данной проблемы, а именно в динамике общественного мнения относительно безопасности, как в мировом масштабе, так и в пределах отдельного региона.

Влияние современного нестабильного состояния международных отношений на изучаемую динамику можно проиллюстрировать примером изменения общественного мнения жителей Польши и Чехии относительно безопасности в Центральной Европе под влиянием грузино-осетинского военного конфликта. Анализируя данные польского Центра Изучения Общественного Мнения (СВОС) и чешского Центра Изучения Общественного Мнения (СVVM), мы можем сказать о том, что грузино-осетинский военный конфликт негативно отразился на общественном мнении жителей Польши и Чехии, однако степень его влияния оказалась различной. Если среди поляков возросли опасения относительно увеличения влияния РФ на политику в Центральной Европе и возможной атаки со стороны России, то среди чехов мы можем наблюдать лишь тенденцию к увеличению подобных опасений, а также необходимо обратить внимание на то, что показатели, характеризующие данную переменную в общественном мнении населения Чехии значитель-

но ниже, чем аналогичные показатели общественного мнения жителей Польши.

Глобализация информационных процессов, всеохватность информационных потоков, стремительное увеличение объемов влияния Масс Медиа на аудиторию дает нам основание сделать вывод о возрастании влияния СМИ на формирование общественного мнения. Рассматривая данное влияние относительно вопросов международной тематики, можно назвать его основным фактором конституирования общественного мнения. С целью подтверждения данной гипотезы был проведен контент-анализ центральных общественно-политических газет Польши (*Rzecz Pospolita*, *Gazeta Wyborcza*, *Newsweek*) и Чехии (*Centrum*, *Ceskenoviny*, *Praguemonitor*). Для анализа были отобраны статьи из номеров газет, опубликованных в период август-сентябрь 2008 года, посвященные тематике грузино-осетинского военного конфликта. Основными единицами анализа были выбраны: общий эмоциональный фон статей, оценка действий сторон конфликта во время конфликта, суждения относительно виновника в возникновении конфликта, имена и должности официальных лиц, упомянутых в статье. На основе полученных данных мы можем сделать вывод о том, что освещение грузино-осетинского военного конфликта в чешских газетах отличается от освещения данных событий в польских изданиях. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что в целом фон статей в обеих странах негативный, в польских газетах отмечается особенно жесткая критика в адрес действий России во время военного конфликта, приводится множество негативных оценок экспертов и политических деятелей, в чешских же изданиях приводят-

ся альтернативные точки зрения, встречаются статьи с критикой в адрес грузинского руководства.

Анализ изменения общественного мнения жителей Чехии и Польши относительно безопасности в Центральной Европе выявил лидирующую роль СМИ в процессе формирования общественного мнения относительно международных отношений. Это является подтверждением виртуализации сфер жизнедеятельности общества.

Литература

1. Липпман У. Общественное мнение. М., 2003.
2. Бордачев Т. «Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности большой сделки», М., 2008.
3. Шурхало Д. СМИ в вооруженных конфликтах современности. Киев, 1999.
4. Дугин А. Основы геополитики. М., 1999.

Органы власти в региональном медийном пространстве России и Германии: сравнительный анализ

Демушина О.Н.,

кандидат социологических наук, Волгоградская академия государственной службы, Olga-demushina@yandex.ru

Предлагаемая статья посвящена сравнительному анализу взаимоотношений органов власти и масс-медиа России и Германии на региональном уровне. Автор представляет результаты сравнительного социологического исследования регулятивного воздействия органов власти на региональное медийное поле данных стран. Регулятивные отношения власти и СМИ в России и Германии анализируются и сравниваются на основе следующих критериев: организационная структура управленческого воздействия на медийное поле, эффективность информационной политики, методы регулирования деятельности региональных СМИ исследуемых стран.

Ключевые слова: масс-медиа, институты власти, региональное медийное поле, информационная политика, организационная структура, методы регулирования деятельности СМИ

Demushina O.N.

Authorities in regional media space of Russia and Germany: the comparative analysis

The article is devoted to comparative analysis of the relations between authority and mass-media of Russia and Germany on the regional level. Following a comparative sociological research of the influence of the authorities on the regional media field in these countries, the author presents her results in this article. The relations between media and authority are analyzed and compared on the basis of the following criteria: structure of authority influence on regional media, efficiency of information policy, ways of authority influence.

Keywords: mass-media, authority, regional media field, information policy, ways of influence on mass-media.

Проблема роли средств массовой информации в процессе взаимодействия власти и общества является достаточно актуальной в современной науке. Выступая в качестве канала передачи информации, масс-медиа не ограничиваются ролью посредника. Имея возможность конструировать социальную реальность с помощью символов, СМИ обладают способностью влиять на массовое сознание, то есть символической властью — властью конструирования

мира. В приобретении и удержании этой власти заинтересованы акторы политического поля. Именно поэтому институты власти стремятся к установлению контроля над медийным полем, используя для этого свои регулятивные возможности.

Существуют две модели построения регулятивных взаимоотношений институтов власти и СМИ. Первая из них, характерная для России, предусматривает жёсткое регулирование деятельности ме-

дийного поля, когда акторы власти имеют широкие возможности влияния на организационные и содержательные аспекты функционирования СМИ. Вторая стратегия, сложившаяся во второй половине двадцатого века в европейских странах, предполагает «мягкое», по выражению П.Штомпки, поле взаимоотношений относительно равноправных акторов, имеющих возможности принимать участие в конструировании стратегий деятельности медийного поля.

По результатам исследований, в настоящее время ситуация на медийном поле России характеризуется экономической и политической зависимостью средств массовой информации от институтов власти. Акторы поля власти используют способность масс-медиа конструировать социальную реальность для поддержания собственной легитимности. Существующая ситуация привела к тому, что аудитория как агент социального пространства имеет ограниченные возможности принимать участие в формировании информационного поля и, следовательно, формулировать своё видение социальной реальности.

Следствием этих процессов является, с одной стороны, усиление давления государства на средства массовой информации, а с другой стороны, утрата доверия к масс-медиа со стороны общества. В таких условиях эффективная коммуникация в обществе является труднодостижимой, при этом СМИ утрачивают роль посредника в данном процессе.

Представляется очевидной необходимость корректировки существующей модели взаимоотношений институтов власти и масс-медиа в России, характеризующейся доминированием государства на медийном поле страны. В этих условиях интерес представляет вторая стратегия регулятивных отно-

шений институтов власти и СМИ, сложившаяся во второй половине двадцатого века в европейских странах. По утверждению исследователей [1; 4; 5], наиболее эффективная модель сформирована в Германии, где взаимодействие субъектов власти и средств массовой информации носит двусторонний симметричный характер, все агенты социального пространства имеют относительно равный доступ к ресурсам и соответственно возможности оказывать влияние на агентов других полей.

Основываясь на данных, полученных в результате опроса экспертов России и Германии в ноябре-декабре 2007 г., нами было проведено сравнительное социологическое исследование регулятивного воздействия органов власти на региональное медийное поле данных стран. В качестве экспертов выступили чиновники подразделений администрации Волгоградской области, ответственных за работу масс-медиа (21 человек) и журналисты региональных СМИ (27 человек), а также следующие категории немецких экспертов – чиновники исполнительных органов власти (22 человека), журналисты (23 человека) и представители общественности земли Северный Рейн-Вестфалия (32 человека). Сложность структуры объекта исследования в Германии можно объяснить следующим образом. В системе регулирования деятельности масс-медиа в Германии роль государства сведена к минимуму, контроль осуществляют общественные структуры. Поэтому помимо чиновников и журналистов немецких СМИ автором были также опрошены представители немецкой общественности, занимающиеся проблемами масс-медиа.

Регулятивные взаимоотношения власти и СМИ в исследуемых странах анализировались по сле-

дующим критериям: организационная структура управленческого воздействия на медийное поле, эффективность информационной политики, методы регулирования деятельности региональных СМИ исследуемых стран.

Проведённое сравнительное социологическое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Разработанная автором схема, представляющая организационную структуру управленческих взаимоотношений институтов власти и СМИ в России и Германии на федеральном и региональном уровне, показывает, что в нашей стране регулируемыми функциями обладают исполнительные органы власти, а в Германии – представители общественных структур как на федеральном (Совет по прессе), так и на региональном уровне (земельные ведомства по делам СМИ).

2. Основная задача информационной политики любой страны – использование информационных ресурсов в целях содействия привлечению общественности к процессу социального управления [2]. Анализируя данные печати и результаты экспертного опроса, можно прийти к выводу, что реальная эффективная информационная политика в России отсутствует, несмотря на большое количество официальных документов, декларирующих её. Лишь 38,1% опрошенных чиновников считают, что в Волгоградской области существует эффективная информационная политика. 28,6% респондентов полагают, что информационная политика в регионе отсутствует. Среди опрошенных журналистов, отвечающих на данный вопрос, 70,4% респондентов затруднились с ответом, 22,2% опрошенных полагают, что в Волгоградской области не ведётся эффективная информационная политика, и лишь 7,4% респондентов

ответили на вопрос утвердительно. В Германии информационная политика органов власти направлена на представление и защиту интересов широкой общественности. По результатам опроса, 95% немецких экспертов одобряют действующую в регионе информационную политику.

3. Анализируя степень регулирующего правового воздействия на медийное поле Российской Федерации, следует отметить его вертикальный характер, что выражается в полном подчинении региональных нормативно-правовых актов федеральному закону «О СМИ». В Германии подобного единого закона не существует, законодательное регулирование деятельности масс-медиа является функцией земель. Помимо этого законодательство России и Германии отличается с содержательной точки зрения. В Российской Федерации нормативно-правовые акты, регулирующие медийное поле субъекта федерации, представляют собой более детальную регламентацию разных аспектов деятельности СМИ; в Германии законы такого уровня устанавливают только общие рамочные предписания, а также определяют права и обязанности сторон, не позволяя себе при этом вмешиваться в деятельность средств массовой информации.

4. Экономическое регулирование медийного поля в России выражается в финансировании подконтрольных СМИ с целью оказания влияния на содержание публикуемых или передаваемых материалов. Замена бюджетного финансирования системой грантов не изменила сути этого процесса, поскольку, по утверждению экспертов, механизм распределения финансовой помощи в виде грантов остался несправедливым, создающим неравные условия для претендентов. В Германии государственные субсидии за-

конодательно запрещены. Экономическая медиаполитика государства заключается в выработке мер по сохранению разнообразия содержания и форм собственности в СМИ, а также в создании условий для повышения эффективности деятельности масс-медиа [5].

5. Применение административных методов управления в медиасфере свидетельствует о стремлении акторов поля власти установить контроль над медийным полем. Согласно результатам опроса, респонденты Волгоградской области считают, что региональные органы власти активно используют административный ресурс и административные методы регулирования деятельности средств массовой информации, в том числе прямую или косвенную цензуру. В Германии отсутствие административного контроля над СМИ не просто декларируется, оно в действительности существует. Это признают опрошенные немецкие

эксперты. Региональные органы исполнительной власти Германии не имеют контролирующих функций по отношению к СМИ и, следовательно, лишены возможности применять административные методы регулирования.

Литература

1. Венгеров А.Б. (2000) Опыт обеспечения свободы массовой информации и регулирования деятельности прессы в ФРГ [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.mediasprut.ru>

2. Информационная политика / под общ. ред. В.Д. Попова. – М. : Изд-во РАГС, 2003.

3. Штомпка П. (1996) Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

4. Hellak H. Presse, Rundfunk und Fernsehen in der Bundesrepublik Deutschland / H. Hellak. - Inter Nationes, 2004.

5. www.nrw.de (Сайт земли Северный Рейн-Вестфалия)

Роль государства и общества в формировании основ гражданского общества

Заец Е.Н.,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, E-mail: zregor332@yandex.ru

В статье в форме тезисов рассматривается проблема роли государства и общества в формировании гражданского общества в стране. Акцент сделан на рассмотрении основных факторов влияния государства на создание максимально благоприятных условий, среды, для формирования гражданского общества в стране. Ключевые слова: Власть, гражданское общество, политическая система, социальные механизмы, политические институты, политический режим, факторы формирования гражданского общества, политическая культура.

Zaets E. N.

The Role of the state and society in formation of bases of a civil society

In this article the problem of role of the state and society in formation of civil society in the country is considered in the form of these. The accent is made on consideration of major factors of influence of the state on creation of maximum favorable conditions, environment for formation of civil society in the country.

Keywords: Authority, civil society, political system, social mechanisms, political institutes, political mode, factors of formation of a civil society, political culture.

Тема роли государства и общества в формировании основ гражданского общества относится к предметному полю социологии политики, которая, как известно, исследует социальные механизмы власти и влияния на разных этапах

становления и развития и в разных фазах функционирования политических систем. В своем выступлении мы ограничимся анализом роли современного российского государства и современного российского общества в формировании основ

гражданского общества в нашей стране. Эта проблема остается одной из наиболее важных и дискутируемых, когда речь заходит о российских трансформациях последних двух десятилетий. Очень четко эту проблему сформулировал в своем первом Послании Федеральному собранию РФ (2000г.) бывший Президент РФ, а ныне Премьер Правительства РФ, В.В. Путин. Он отмечал, что корни многих неудач в российских реформах – «в неразвитости гражданского общества и в неумении власти говорить с ним и сотрудничать». Уже тогда, на рубеже веков, им был поставлен, как нам представляется, и правильный диагноз состояния трансформационных процессов в России, и правильный путь выхода из состояния этой болезни российского общества. Он полагал, что власть должна «сформировать максимально благоприятную среду» для развития гражданского общества, «чтобы общественные организации, профсоюзы, различные объединения приобретали реальную силу и реально могли влиять на принятие политических и управленческих решений», чтобы «общественные, неправительственные организации, общество в целом», получив реальный доступ к «выработке и принятию решений», могло «разделить с властью и ответственность за социально-экономические и политические процессы» (Выступление В.В.Путина на встрече с представителями общественных неполитических организаций. 12 июня 2001 года.). Под этими суждениями мог бы подписаться любой сторонник демократических преобразований, ориентирующийся на развитие в стране зрелого гражданского общества с широкой системой сложившихся на базе политической культуры активистского типа различных социальных и социально-политических институтов политического опосре-

дования. В этом ключе, собственно, и развивал свою концепцию В.В.Путин, который тогда определил «строительство эффективной партийной системы, открытой и ясной людям» в качестве государственной задачи, рассчитывая, что в результате ее реализации должны были, по замыслу, появиться партии, «активно формирующие власть, выдвигающие из своих рядов ярких лидеров, способных создавать эффективно работающие и ответственные перед обществом и перед государством команды» (Федеральный закон от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ «О политических партиях»).

Словом, концепция В.В. Путина строительства гражданского общества в России сводится к формированию определенных социальных механизмов, которые обеспечивают политической системе либо стабильное, либо, что еще более предпочтительно, устойчивое социально-политическое функционирование и развитие политической системы.

Такими индикаторами стабильного (уравновешенного между взаимодействующими субъектами – обществом и государством) функционирования и развития политической системы можно выделить:

1. возможность государства без создания кризисных ситуаций изымать из общества различные ресурсы (поддержку, материальные ресурсы, интеллектуальные, финансовые – налоги и т.д.) для поддержания социально-политической стабильности системы;

2. возможность государства регулировать деятельность общества и системы в целом, контролировать поведение индивидов и социальных групп;

3. возможность государства осуществлять распределение материальных и нематериальных ресурсов, создавать и размещать их при

сохранении социально-политической стабильности функционирования политической системы;

4. возможность государства эффективно реагировать на требования различных социальных групп соответствующей эффективной для функционирования политической системы политикой;

5. возможность государства – политической системы – поддерживать легитимность с помощью манипулятивных и мобилизационных технологий, мифов, символики и т.д.

Очевидно, что на уровне возможностей политической системы ее стабильность и даже устойчивое функционирование и развитие могут реализовываться и при слабом гражданском обществе, когда влияние «снизу» может погашаться институтами власти с помощью различных возможностей системы. Иными словами, институты власти могут научиться, «говорить и сотрудничать» со слабым гражданским обществом, не создавая ему (сознательно либо по объективным причинам) «максимально благоприятной среды» для его становления и развития. К современной России этот важный тезис нашего выступления имеет самое непосредственное отношение.

Каковы в современной России объективные сложности в формировании активного, зрелого гражданского общества? Среди них можно назвать несколько определенных, причин объективного характера. Это:

1. новизна стоящих перед Россией проблем и возникновение в связи с этим различного рода просчетов и ошибок со стороны правящей элиты;

2. разный уровень социального, экономического и культурного развития субъектов РФ, поликультурность политической культуры современной России;

3. отсутствие национальной идеи, как интегрирующего фак-

тора нового российского общества;

4. неспособность правящей политической элиты осознать свою историческую миссию в создании предпосылок и условий формирования в стране зрелого гражданского общества.

5. Среди субъективных причин особо следует выделить:

6. нарушение в стране принципа правового государства, можно сказать, господство в стране принципа правового нигилизма, сверху донизу. Эту сложившуюся ситуацию признают и озвучивают первые лица государства;

7. сложившийся дефицит ответственности у власти и общества;

8. огромное социальное расслоение российского общества;

9. поощрение государством мягко выраженных изоляционистских тенденций, что не мешает первым лицам государства для западного слушателя и читателя позиционировать современную Россию как идеальную со своими особенностями страну с демократическим политическим режимом;

10. пока еще слабая роль государственных институтов в гражданском воспитании граждан страны (См.: Федоркин Н.С. 2005).

Литература

1. Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Гражданское общество Проблема или реальность для современной России. Материалы научного семинара. М., 2005.

2. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы. От перестройки до суверенной демократии. М., 2006.

3. Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1996. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29.

Роль государственного управления в оптимизации социальной структуры общества

Куликова Н.А.,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, E-mail: Work84@mail.ru

В тезисах обосновывается роль государственного управления в оптимизации социальной структуры российского общества. Обозначены основные критерии оценки, проводимых государством мер в области социальной политики. Подчеркивается важность роли государственного управления в повышении качества и уровня жизни населения, что приводит к изменениям в социальной структуре общества, стабилизируя ее. Выделены основные направления деятельности, на которые должно быть ориентировано государственное управление в достижении социально-экономической стабильности в стране с учетом последствий кризиса.

Ключевые слова: Государственное управление, социальная структура общества, социальная политика, уровень жизни населения, качество жизни населения, социальная дифференциация, система социальной защиты населения.

Kulikova N.A.

The Government role in optimisation of social structure of a society

In these the government (public administration) role in optimisation of social structure of the Russian society is proving. The basic criteria of the estimation, measures spent by the state in the field of social policy are designated. Importance of role of the government in improvement of quality and population standard of living that leads to changes in social structure of society is underlined. The basic directions of activities on which the government in achieving of social and economic stability in the country taking into account crisis consequences should be focused are allocated with the crisis point of view.

Keywords: Public administration (government), social structure of society, social policy, population standard of living, quality of life, social differentiation, system of social protection of the population.

Роль государственного управления в оптимизации социальной структуры общества, заключается в регулировании, контроле при помощи различных методов структурных отношений в общественной системе. В первую очередь речь идет о мерах социально-экономической политики. Социологические обследования[1] показывают, что оптимальной для большинства россиян является модель социальной политики, в которой, в отличие от других, имеет место несопоставимо большая роль государства как фактически единственного значимого субъекта социальной политики и механизмов ее реализации.

Важнейшим критерием оценки эффективности социально-экономической политики государства является уровень и качество жизни населения. Эти категории следует различать. Под уровнем жизни принято понимать уровень материального благополучия, характеризующийся объемом реальных

доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления. Уровень жизни, определяющий социальную дифференциацию населения, в большей степени связан с характеристиками изменения бедности и обеспеченности и определяется общественными и экономическими потребностями домохозяйства. Необходимость повышения доходов наименее обеспеченных, в том числе оказание помощи незащищенным слоям населения актуальна для России, где коэффициент Лоренца представлен соотношением 1 к 17.

Качество жизни связывается с оптимизацией условий жизни людей и включает в себя систему показателей, среди которых: демографические характеристики, потребление продуктов питания, жилищные условия, обеспеченность потребительскими благами длительного пользования, образование, здравоохранение, культура, условия труда, занятость, социальное обеспечение и др.. Часто

категорию качества жизни связывают с материальным достатком, однако, это не так. Качество жизни связано не столько с величиной дохода, хотя и зависит от него, а с соответствием дохода человека его потребностям и представлениям о достойной жизни.

Сегодня, повышение качества и уровня жизни населения является приоритетом государственной социальной политики, так как ведет к изменениям в социальной структуре общества и стабилизирует ее. И действительно, в докризисный период сложились некоторые ресурсы, в большинстве своем за счет высоких цен на основные товары российского экспорта, которые позволили бы обеспечить заявленные социальные направления стимулирования в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики, агропромышленного сектора. Так, в рамках жилищной сферы правительством была поставлена задача создания условий для обеспечения 1/3 населения страны квартирой, отвечающей современным требованиям, за счет собственных накоплений и с помощью жилищных кредитов к 2010 г., а также развития ипотечного жилищного кредитования и рынка жилья. Однако, начавшийся финансовый кризис 2008 года может внести свои коррективы в перспективы развития социальной политики России. По преодолению последствий кризиса были приняты некоторые меры. Это:

-Банкам предоставили значительные финансовые ресурсы для преодоления кризиса. Сохранение устойчивости банковской системы непосредственно связано с задачей обеспечения социально-политической стабильности в стране;

-Поэтапная, растянутая во времени девальвация. Населению

была дана возможность застраховаться от обесценивания рубля;

-Правительство предложило набор стимулов, прежде всего налоговых, для поддержания реального производства, включая меры по поддержке малого бизнеса. Этот сектор способен внести вклад в снижение безработицы, возросшей в период кризиса [2].

Заметим что, значительные финансовые вливания могут не решить проблем структурного обновления экономики, поэтому выход из кризиса может затянуться. Вместе с этим текущие проблемы оптимизации социальной структуры российского общества, также требуют внимания и финансирования, очевидно, что это ставит вопрос перед государственным управлением о первоочередности решения тех или иных задач.

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Специфическая социальная структура, характеризующаяся бедностью работающего населения, подчеркивает значимую роль государственного управления в ее оптимизации. Существующая дифференциация отраслей экономики по доходам приводит к значительному расслаблению в среднемесячной заработной плате (см. табл.).

Наиболее высокий уровень заработной платы в нефте- и газодобывающей промышленности, электроэнергетике, цветной металлургии, активно использующих благоприятные возможности сбыта продукции на мировом рынке; самая низкая зарплата – в сельском хозяйстве и социально-культурных отраслях. Несмотря на некоторые положительные подвижки, сохраняется неблагоприятная ситуация и в социальной сфере. В январе 2009 года уровень среднемесячной на-

Среднемесячная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) по видам экономической деятельности (январь 2009 г.) [3]

	г. руб./мес
Всего	17119
В том числе:	
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8151
Добыча полезных ископаемых	30977
В том числе:	36942
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табак	15272
Текстильное и швейное производство	7422
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	8362
Обработка древесины и производство изделий из дерева	9790
Образование	12097
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	14126

численной заработной платы работников здравоохранения и предоставления социальных услуг составила к ее уровню в обрабатывающих производствах 95%.

Можно говорить о том, что российское общество остается бедным обществом, и значительная часть населения стабилизировала свой уровень жизни на очень низких отметках, а положение низших слоев в значительной мере зависит от усилий правительства и социальных программ. Эта группа в основном состоит из традиционно бедных категорий населения (пенсионеры, безработные, инвалиды и пр.), материальное положение которых в основном определяется системой социальной защиты. Учитывая разные количественные пропорции социальных слоев российского общества и региональную дифференциацию, можно отметить, что обществу необходима направленная оптимизация его структуры, которая может достигаться путем ряда мер, озвученных в прогнозе социально-экономического развития РФ на период до 2020-2030 гг. [4]. Среди них:

-Увеличение доли среднего класса с 20 до 52-55% к 2020 г.;

-Снижение разрыва в уровне доходов (соотношение доходов

10% самых богатых и 10% самых бедных снизится с 16,8 раз в 2007 г. до 12 раз в 2020 году).

-Усиление адресности социальной политики, направленной на отдельные группы населения с целью уменьшения абсолютной бедности.

-Формирование оптимального рынка труда. В связи с экономическим кризисом 2008 г. предполагается усиление материальной поддержки тех, кто потерял работу или оказался в условиях неполной занятости. Максимальный размер пособия по безработице с января 2009 г. был увеличен в 1,5 раза.

-Развитие пенсионной системы за счет введения новых инструментов пенсионного страхования и накопления.

-Содействие развитию рынка жилья. Формирование основных направлений государственной жилищной политики, включающих разработку финансовых инструментов и методов кредитования населения, в частности ипотечного кредитования, доступного для большинства социальных групп.

-Обеспечение доступности качественной медицинской помощи, ее соответствия потребностям населения. Предполагается увеличить рост расходов на здравоохранения с 3,6% ВВП до 5,2-5,5% до 2020 г.

-Повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики.

Однако необходимо учитывать последствия экономического кризиса 2008 г., поэтому возможно, что данный прогноз будет меняться. В целом эксперты прогнозируют, что в 2009 г. и в период 2010 и 2011 гг. развитие страны будет обусловлено нестабильностью финансовых систем, обострением со-

циальных проблем и замедлением экономического роста.

В любом государстве существуют социальные слои, отличающиеся между собой по различным критериям, показателям и ведущие к социальной дифференциации. В социальном государстве социальная стратификация и дифференциация не должны приводить к неравенству на основе критериев, создающих разные условия для слоев и категорий граждан. Задачей государственного управления должно стать предотвращение тенденций расширения такого неравенства в жизнедея-

тельности общества, за счет принимаемых мер в области социальной политики, направленных на инвестирование в человеческий капитал.

Литература

1. Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социс №12(296) 2008.
2. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису. // Вопросы экономики №2, 2009
3. www.gks.ru
4. www.economy.gov.ru

Управление рисками организации как категория социологии управления

Ромченко Е.Д.,

аспирантка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Москва, E-mail: danpisem@mail.ru

В статье рассматривается сущность рисков организации и управления ими как категория социологии управления, связанная с субъектом и процессом принятия решений в организации. Автор обосновывает необходимость всеобщего комплексного подхода к управлению рисками организации (Total Risk Management) как определенного этапа в развитии организационной культуры риска.

Ключевые слова: риск, неопределенность, управление рисками, внешние риски организации, внутренние риски организации, субъект управления рисками, всеобщий риск-менеджмент

Romchenko E.D.

Management of risks of the organisation as a category of sociology of management

The article is focused on organizational risk-management as a concept investigated by sociology of management and closely connected to organizational decision-making agent and decision-making process. The author justifies the need for the Total Risk Management conception as a phase of the organizational risking culture development.

Keywords: risk, uncertainty, risk-management, external organizational risks, internal organizational risk, risk-management agent, total risk-management

«Риск» как научное понятие появляется в XVIII в. в экономических теориях предпринимательства; затем во второй половине XIX – нач. XX вв., в связи с накоплением знаний о вероятностном характере ряда общественных и природных процессов, риск попадает в поле зрения других наук, прежде всего математической статистики. Первоначально знания о рисках были использованы для выработки юридических норм и правил, регулирующих практику страхования, биржевых сделок.

На протяжении XX в. понятие риска становилось все более актуальным в связи с экономическим развитием, научно-техническим прогрессом и использовалось для разных видов количественно-статистического исчисления. Позже анализ проблем риска был введен во многие социальные науки, в том числе в психологию и социологию, в связи с многомерностью критериев реального человеческого выбора и социального поведения. Риск всегда социален, поскольку продуцируется соци-

альными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие.

Функционирование организации в ситуациях риска означает не только то, что связывает с риском обыденное сознание, например, работа службы спасения, отрядов специального назначения и т.д., где риск сопоставляется, в основном, с прямой угрозой жизни человека. Риск предполагает, прежде всего, принятие решений в условиях неопределенности. В широком смысле, риск – это вероятность того, что события будут разворачиваться не так, как мы предполагаем. Вопрос о том, как можно работать с этой вероятностью, рассматривается и в рамках социологии управления, где делается акцент на поведении действующего субъекта, социально-психологических аспектах риска и управлении социальными процессами в организации.

Очевидно, что условия полной определенности ведения бизнеса недостижимы, в то же время достижение полной определенности не может быть абсолютной целью менеджмента, так как факт существования баланса определенности и неопределенности формирует параметры среды ведения бизнеса, а также создает саму предпосылку существования таких явлений как рынок, бизнес-деятельность и прибыль. «Настоящая прибыль, – писал в 1921 г. классик экономической теории Ф. Найт, – связана с элементом неопределенности». Если бы будущее было заранее известно, рынок мог бы предвосхитить появление любого дефицита, так что прибыль стала бы невозможной. Таким образом, часть прибыли – это плата за услуги тех, кто берет на себя риск. Соответственно, прибыль не является фактором дохода сама по себе

и обязана своим существованием лишь неопределенности в отношении будущего.

Приведем классификацию рисков по среде их возникновения относительно организации. Внешние риски – риски, источниками которых являются переменные внешней среды организации, выступают для организации как внешние обстоятельства. В качестве примеров можно назвать появление у конкурентов более эффективной технологии, изменение законодательства, ухудшение экологической обстановки и др. Можно выделить следующие основные типы внешних рисков: 1) рыночные; 2) финансово-экономические; 3) природно-техногенные; 4) социально-политические; 5) правовые и криминальные.

Менеджеры каждой компании должны ежедневно принимать решения о продажах, покупках, организации работы производственных и иных подразделений фирмы. При этом они сталкиваются с изменениями внешней среды организации: конъюнктуры на рынках, действиями конкурентов, сменой предпочтений потребителей, экологическими ограничениями, особенностями законодательства и другими факторами. На макроокружение организации весьма трудно влиять. Ближайшее окружение, при умелом менеджменте, может быть подвергнуто воздействию компании. Внутренняя среда организации – это сложный организм, часть общей среды, которая всецело зависит от искусства управленческого персонала. Именно внутри организации формируется тот потенциал (структура, культура, персонал, коммуникация, технологии и др.), который позволяет ей достигать своих целей во внешней среде.

Внутренние риски организации – те риски организации, источни-

ками возникновения которых являются внутренние переменные организационной системы. Это такие риски, на которые может повлиять менеджмент организации. Выделяют следующие виды внутренних рисков организации: 1) организационно-структурные; 2) административно-управленческие; 3) операционно-технологические; 4) инженерно-научные; 5) криминального свойства; 6) человеческого фактора. Примерами могут служить несоответствие структуры фактическим функциям и нарушение коммуникации в организации, неадекватное делегирование полномочий, поломка оборудования, отсутствие лояльности персонала и др.

Субъект риска – источник риска и объект управления, т.е. те люди (их сознание, поведение, интересы, установки), подсистемы организации и процессы, которые продуцируют риски, создают условия неопределенности по отношению к существованию организационной системы. В качестве источников ситуационного риска выступают ресурсы (недостаток, ограниченность ресурсов); время (особый ресурс, дефицит времени на принятие решения, отдаленность последствий); информация (особый ресурс, достаточная, значимая и второстепенная информация при принятии управленческих решений); интересы и действия других лиц (индивидуальный или коллективный субъект, субъективная составляющая риска). Объект риска – что или кто подвергается риску; то, чем мы рискуем (например, ресурсы, стабильное развитие организации, лояльность персонала, информационная безопасность и др.). Носитель риска – это объект или субъект, по отношению к которому оценивается риск; та система или индивид, который рис-

кует. Детальное описание ситуации риска называется содержанием риска.

Далее необходимо ответить на вопрос о том, кто является субъектом управления рисками организации. Управление рисками перестает быть заботой отдельных специалистов и подразделений организации (производственников, финансистов, маркетологов, юристов, службы безопасности и др.), а выходит на новый, стратегический уровень понимания риск-менеджмента как деятельности команды, когда каждый управляет рисками из своей точки организации. Риск становится предметом всеобщей ответственности. Таким образом, можно говорить о возникновении всеобщего, или комплексного, подхода к управлению рисками (Total Risk Management), а также о формировании особой культуры риска в организации как установки на определенный тип восприятия рисков и реагирования на них. В мероприятиях по выявлению и разрешению проблем, в первую очередь, должны принимать участие все члены управленческой команды, так как разнообразные проблемы организации, нештатные ситуации ежедневно являются предметом их деятельности, а также именно они имеют доступ к необходимым ресурсам для воздействия на проблемное поле организации. Чем выше качество стратегии и оперативного управления, тем меньше «латания дыр» на уровне контроля. Специалисты, технический персонал и сотрудники других уровней являются незаменимыми при уточнении выявленных проблем, выявления необходимых деталей для описания рисков организации. Выявление риска на ранней стадии его появления в организации позволяет избежать возникновения

многих проблем, а также предотвратить затраты ресурсов организации (временные, материальные и человеческие и др.), которые требуются на устранение последствий этих проблем.

Литература

1. Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Комплексный подход к риск-менеджменту: стоит ли этим заниматься. М., 2003.

2. Зубков В.И. Социологическая теория риска: Монография. М., 2003. С. 9-16.

3. Минцберг Г. Структура в

кулаке: создание эффективной организации. СПб., 2004. С. 29-52.

4. Агафонова И.П. Концепция построения системы риск-менеджмента при реализации инновационного проекта // Управление риском. Ежеквартальный аналитический журнал, 2003, №2. С. 42-51.

5. Knight, F. Risk, Uncertainty, and Profit. Boston, 1921.

6. Enhancing Shareholder Wealth by Better Managing Business Risk. IFAC, NY, 1999.

<http://www.areopag.ru/risk.html> (Web-сайт консультационного центра «Ареопар-М»)

Оценка уровня социально-политического благополучия региона

Симонов А.А.,

аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ)

В статье рассмотрен опыт практического применения разработанного индекса социально-политического благополучия. Особенностью методики является совмещение социологической и статистической оценки в интегральный показатель. Предложенная методическая схема может стать основой для проведения оперативных мониторингов социально-политической ситуации территории.

Ключевые слова: благополучие, социологический индекс, достигнутый уровень жизни, уровень социальной напряженности

Simonov A.A.

The Estimation of level of sociopolitical well-being of region

The article contains the experience of using special developed index of social and political welfare. The particularity of this methodic is an integration of sociological and statistical estimation in one factor. Suggested methodical scheme provides the base for conducting the operative monitoring of social and political situation in investigated territory.

Keywords: sociological index, welfare, achieved level of living, the level of social tension

Задача адекватного определения социально-политической обстановки в регионе является необходимым элементом эффективной управленческой деятельности. Сущность регионального развития состоит в создании благоприятных политических, экономических, социальных, экологических и других условий, а также достижении и сохранении высокого уровня экономического развития. В контексте проявления негативных явлений в мировой экономике этот

аспект получает особую значимость. Последствия кризиса являются фактором снижения уровня жизни и роста социальной напряженности. Вследствие этого необходим инструмент мониторинга общественно-политической ситуации в регионе для оперативного выявления круга наиболее острых проблем.

Помимо решения практических задач, используемый индекс имеет также собственно методическую значимость. Применяемая схема

выявления уровня социально-экономического и политического благополучия населения, может лечь в основу изучения состояния различных процессов и явлений не только с позиции собственно социологической (при проведении массового опроса основным результатом может стать лишь отражение ситуации в массовом сознании респондентов), но и включая в статистическую оценку.

Специфика разработанной методики состоит в том, что она позволяет в количественных показателях отразить как социальное самочувствие различных социально-демографических групп, так и особенности развития территории. Итоговый индекс социально-политического благополучия региона складывается из оценок «*достигнутого уровня жизни*» и «*социальной напряженности*» на основе анализа социологических (субъективных) и статистических. Для исследования по «социологическому критерию» были выбраны такие показатели, как абсолютная и относительная оценка материальной обеспеченности, удовлетворенность жизнью, оценка социально-экономических перспектив, оценка политической обстановки в регионе, покупательская способность, удовлетворенность состоянием здоровья и т.д. В качестве составляющих «*достигнутого уровня жизни*» принимаются позитивные оценки по социологическим переменным, а также особый блок статистических показателей: доля граждан, имеющих доходы выше прожиточного минимума, численность занятого населения, обеспеченность жильем, эффективность борьбы с преступностью, образовательный состав жителей, общая площадь благоустроенного жилья, число обращений в учреждения здравоохранения. Также учитыва-

лись особенности миграционных процессов, характер политической активности и т.д.

«*Социальная напряженность*» в регионе отражается в пессимизме социального самочувствия по социологическим критериям в совокупности со статистическими показателями: уровня нераскрытых преступлений, масштабов безработицы, численности самоубийств, доли жителей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, количества бездомных, распространенности ориентаций на протестную политическую активность и др.

Уровень благополучия рассчитан нами как отношение между показателем «*достигнутый уровень жизни*», характеризующим степень обеспеченности населения разнообразными благами, наличием благоприятных социально-политических условий, и показателем «*социальной напряженности*», отражающим степень неудовлетворенности этой обеспеченностью. Уровень социально-политической напряженности показывает степень развития противоречий между интересами, потребностями субъектов общественной жизни и возможностями для их реализации, степень актуализации социальных проблем. Помимо социального, экономического, нами сделан акцент также на политическом аспекте благополучности территории, как неотъемлемой характеристики эффективности управленческих мер. Вовлеченность населения в политические процессы (участие в выборах, распространенность абсентеистских, протестных настроений и т.д.), одобрение деятельности власти и другие критерии также необходимо включить в индекс благополучности территории, поскольку они отражают степень соответствия ожи-

даний и результатов работы власти в сознании населения, позволяют оценить стабильность существующей политической структуры.

Сбор данных для расчета итогового показателя производится с использованием метода экспертных оценок, массового опроса, а также на основе анализа статистической информации. Эксперты, оценивая значимость статистических и социологических составляющих индекса благополучия, что обеспечивает учет специфики каждого критерия. Полученные коэффициенты могут акцентировать внимание на проблемах социально-экономического развития.

Для успешного анализа социологической и статистической сторон индекса следует привести значения выбранных признаков к одной размерности. После получения эмпирических результатов, показатели суммируются в соответствии с их весом, затем высчитывается средняя оценка по социологическому и статистическому измерению.

На базе Бюджетного Учреждения Омской области «Региональный центр по связям с общественностью» было проведено исследование по выявлению значений «*достигнутого уровня жизни*» (одного из базовых элементов итогового индекса социально-политического благополучия территории) населения 21 (из 32) муниципального района Омской области. В период с июня 2008 г. по июль 2009 г. года было опрошено более 8000 жителей региона методом стандартизованного интервью (массовый опрос). Отбор поселений на основе районирования, многоступенчатого, квотного отбора по 4 компонентной квоте. Статистическая погрешность не превышает 5%.

Изучение позволило провести анализ текущих проблем развития, а также получить числовой показатель «*достигнутого уровня жизни*» (отдельно по муниципальным районам). В целом по Омской области был выявлен итоговый уровень на основе средневзвешенной оценки благополучности наиболее типичных территорий, входящих в Омскую область. В результате осуществлен анализ динамики изменения ситуации по основным признакам (исследованию проводилось только по выявлению «уровня жизни») Омской области (2008-2009 г.г.) по субъективной оценке ее жителей. Ценность применяемой методики заключается в ее ориентации на мониторинг «снизу», выявлении мнений населения, которые являются как объектом региональной политики, воспринимая все происходящие изменения, так и субъектом, оценивая управленческие решения, что отражается на поддержке власти в дальнейшем.

Уровень социально-политического благополучия является динамичным критерием, так как основан на социологической оценке. Адекватность значения индекса обеспечивается включением в его расчет статистических критериев, полностью согласующихся социологическими. Применение методики на практике позволило составить рейтинг муниципальных районов Омской области по степени благополучности, выявить наиболее острые проблемы населения. Предлагаемый индекс может стать одним из универсальных инструментов эффективного управления территориями, поскольку в кратчайшие сроки с необходимой периодичностью способен отражать изменения социально-политического самочувствия, выявлять значимость актуальных проблем развития.

Возможности институциональной поддержки толерантных социальных практик

Хижняк А. В.,

аспирант, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, социологический факультет, Харьков, E-mail: khizhnyachok@mail.ru

Автор показывает, что в наши дни толерантность требует институциональной поддержки как со стороны государства, так и гражданского общества. Социальные институты в зависимости от их роли в формировании и воспроизводстве толерантных социальных практик автор условно разделяет на три группы: первую группу составляют институты, «вырабатывающие» толерантность как культурную норму и ценность (институты науки, права, политики, религии, идеологии и т.д.); вторая группа включает институты, которые могут транслировать толерантное видение мира, формировать толерантную компетентность (институты семьи, образования, средств массовой информации); к третьей группе отнесены институты, которые выполняют функцию социального контроля за соблюдением в конкретном социуме принципов толерантности (институты права, государства, общественного мнения).

Ключевые слова: толерантность, социальные отношения, социальное неравенство, культурная норма, ценность

Xignyak A.V.

Possibilities of institutional support the tolerant social practices

The author defines that nowadays tolerance requires the institutional support both from the side of the state and civil society. The author conveniently divides into three groups social institutes depending on their role in the forming and reproduction of the tolerant practices. The first group consists of the institutes which "produce" tolerance as a cultural norm and value (institutes of science, law, policy, religion, ideology etc.); the second group consists of the institutes which can transmit the tolerant vision of the world, form tolerant competency (institutes of family, education, mass media); the third group consists of the institutes which have the function of control of respecting the tolerance principles in a concrete society (institutes of law, state, public opinion).

Keywords: tolerance, social relations, social inequality, cultural standard, values.

Постсоветские страны находятся в зоне формирования гражданского общества, атрибутом которого становится толерантность. Феномен толерантности имеет конкретно-историческое и социальное измерение, проявляется как диффузная форма социальности, выступающая отражением восприятия в социуме социальных неравенств. Социологическое изучение места и роли толерантности в системе социальных отношений, механизмов оптимизации социальных взаимодействий в контексте толерантности позволяет очертить направления движения человечества от культуры насилия к культуре мира через расширение толерантных социальных практик. В настоящее время все больше осознается не только практическая значимость толерантности как критерия цивилизованности того или иного общества, но и ее многоаспектность. Многомерность толерантности обусловлена несколькими моментами: во-первых, этот феномен по-разному осознается и трактуется

в различных культурах; во-вторых, в различные исторические периоды жизни человечества потребность в толерантности была различной и проявлялась по-разному, неравномерно охватывая те или иные социальные сегменты; в-третьих, разные слои (социальные группы) общества демонстрируют разные формы, типы, виды толерантного сознания и поведения, в целом фиксируется различная культура толерантности в различных социальных средах и ситуациях. При этом толерантное поведение определяют не только существующие в обществе неравенства, но и их восприятие. Например, население Украины все больше ощущает дефицит ценностного единства и социальной стабильности, соблюдения прав человека (по данным социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, общенациональная выборка в 1800 чел. репрезентирует взрослое население Украины старше 18 лет). Ответы респондентов на вопрос: «Хватает

ли Вам норм и ценностей, которые объединяют людей в государстве и обществе?» показали, что в 2006 г. 36,9% опрошенным таких ценностей «не хватало», а «хватало» только каждому седьмому респонденту (для сравнения: в 1995 г. это соотношение выглядело иначе: 33,2% опрошенных отметили нехватку таких ценностей и лишь 7,2% считали, что их в обществе хватает) [1, с. 560]. Это актуализирует анализ институциональной поддержки толерантности как объединяющей ценности населения страны в постсоветский период.

Известно, что „люди, которые принадлежат к одному социуму, но занимают в нем разные социальные ... позиции, как правило, неодинаково воспринимают те или иные стороны общественной жизни” [2, с. 38]. На толерантность в наши дни влияет появление так называемых „новых социальных неравенств”, среди которых выделяются две разновидности институционализированных неравенств [3, с. 39-40]: формально институционализированные неравенства, т.е. закрепленные в определенных нормативах, инструкциях, а также неравенства фактичности – иногда очевидные, но чаще всего неявные продукты нерегламентированной игры социальных сил и стихий, в определенном смысле они – непредвиденные результаты жестов „невидимой руки”.

Толерантные отношения реализуются как на межличностном, так и на институциональном уровне, в различных сферах общественной и личной жизни. При этом их регуляторами становятся те или иные социальные институты. Социальные институты в зависимости от их роли в формировании и воспроизводстве толерантных социальных практик можно, на наш взгляд, условно разделить на три группы.

Первую группу составляют институты, предназначение которых заключается в „выработке” толерантности как культурной нормы, социальной и личностной ценности (это прежде всего институты науки, права, политики, религии, идеологии и т.д.). Вторая группа включает институты, которые призваны транслировать (передавать) толерантное видение мира, формируют толерантную компетентность (к ним можно отнести институты семьи, образования, средств массовой информации). Третью группу представляют институты, которые выполняют функцию социального контроля за соблюдением в конкретном обществе принципов толерантности (это преимущественно институты права, государства, общественного мнения).

Следует отметить, что в любом сложно структурированном обществе в формировании, поддержании и воспроизводстве толерантного пространства социальных взаимодействий так или иначе задействованы все базовые институты и определение их места и роли требует проведения специальных исследований. Мы же приведем некоторые соображения по этому поводу. Так, основные принципы толерантных отношений в религиозной сфере действуют межконфессиональной толерантности [4]: свобода совести; диалог в отношениях между религиозными группами и организациями; защита прав как большинства, так и меньшинства при пропаганде религиозных убеждений; исключение или предотвращение провокационных заявлений по поводу тех или иных атрибутов конкретной религии; не абсолютность свободы распространения религиозных взглядов и верований; поиски примирения в случае конфликтов на религиозной почве и т.д. Институт государства призван создавать и поддерживать социальные условия для существо-

вания и расширения толерантности через реализацию ряда принципов: обеспечение социального порядка демократическими способами; защиту прав различных меньшинств (не только национальных); установление диалога с институтами гражданского общества и т.д.

Толерантное социальное пространство в значительной мере определяет качество гражданского общества, поскольку общество способно контролировать государство и способствовать самоорганизации различных общностей и личностей на толерантное социальное поведение. Процесс развития гражданского общества условно разделяется на две зоны: зону развитого гражданского общества и зону гражданского общества, которое становится (развивается). В качестве разделяющей их границы предлагается брать 50-процентное число граждан, которые доверяют тому или иному институту. Совокупный результат всех институтов показывает, в какой зоне находится гражданское общество конкретной страны в конкретный момент (период) времени. Этот подход достаточно эвристичен, так как позволяет не только определить состояние гражданского общества, но и увидеть, какой из институтов сдерживает его дальнейшее развитие и требует дополнительной поддержки (укрепления). Социологические исследования фиксируют отсутствие устойчивого позитивного отношения населения к институтам гражданского общества как в западных, так и в постсоветских странах [5, с. 92-96], что сдерживает расширение толерантных практик, а толерантность все еще оставляет преимущественно на уровне декларативного принципа. В наши дни толерантность требует институциональной поддержки как со стороны государства, так и граж-

данского общества. Ведь эти институты имеют значительные средства воздействия на процессы социальной дифференциации и преодоления негативные последствий социальных неравенств.

Востребованность толерантных отношений повышается, когда в социальной системе воспроизводятся рискованные практики без адекватных систем их регулирования, в т.ч. на институциональном уровне. Необходимо, чтобы люди, придерживаясь толерантности, могли воспользоваться социально-экономическими и политическими свободами, которые открывает демократия. Толерантность, позитивная по своей сути, предусматривает безграничность путей коммуникации, создание толерантных социальных сетей на личностном и институциональном уровнях. Оптимизация социальных взаимодействий в контексте толерантности требует, на наш взгляд, технологизации социологического знания об этом феномене.

Литература

1. Українське суспільство. 1992-2008. Соціальний моніторинг / За ред. В.Ворони, М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – 656 с.
2. Андреев А. Л. (2007) Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социс. 2007. № 9.
3. Макеев С. (2006) Новые социальные неравенства / Под ред. С. Макеева. К.: Институт социологии НАН Украины.
4. Дробышева Л.М. (2003) Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М.Дробышева. М.: Изд-во ИС РАН.
5. Шумпанова И. С. (2006) Отношение граждан России и западных стран к институтам гражданского общества // Социология власти. № 6.

Наши авторы

Бахтеева Альфия Рафаиловна – аспирантка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра истории и теории социологии

Бурыкин Александр Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Института истории и социологии управления Сахалинского государственного университета, вице-губернатор, руководитель аппарата администрации. burykinsfamily@bk.ru

Быстрянец Сергея Борисовича – кандидат философских наук, заведующий кафедрой политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Верховин Владимир Исаакович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. nauka@socio.msu.ru

Возьмитель Андрей Андреевич – доктор социологических наук, заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН. vozmitel@isras.ru

Дворянкова Карина Михайловна – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический университет, кафедра экономической социологии и демографии.

Дергачёва Елена Александровна – доцент кафедры философии, истории и социологии, кандидат философских наук, заместитель декана факультета экономики и управления Брянского государственного технического университета (БГТУ), член PoCA.

lena_debusi@yahoo.com

Жигунова Галина Владимировна – кандидат философских наук, ФГОУ ВПО «Мурманский государственный технический университет», кафедра социальной работы и теологии. galina-zhigunova@yandex.ru

Исправникова Наталия Револьдовна – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ковалев Виталий Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Педагогического института Южного Федерального университета, г. Ростова-Дону. Vitkovalev@yandex.ru.

Климова Ольга Юрьевна – соискатель Московского государственного университета приборостроения и информатики vusnet@gmail.com

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenko@socio.msu.ru

Лысенко Галина Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы. sociolog@vags.ru

Осадчая Галина Ивановна - доктор социологических наук, профессор, проректор Российского государственного социального университета. mgsu_nauka@mail.ru

Смирнова Анна Геннадьевна - кандидат политических наук, кафедра социологии факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. agsmirnova@univ.uniyar.ac.ru.

Соколова Галина Николаевна - доктор философских наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Тихонов Александр Николаевич - аспирант, Институт экономики РАН, кафедра экономической теории

Томилов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, экономики и философии Уссурийского государственного педагогического института. sociology102@mail.ru

Хвостов Антон Александрович - кандидат социологических наук, доцент Института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, г. Саратов. torpedo85@rambler.ru

Цогоева Фатима Бексолтановна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского центра социальных исследований ИСПИ РАН и Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева.

